

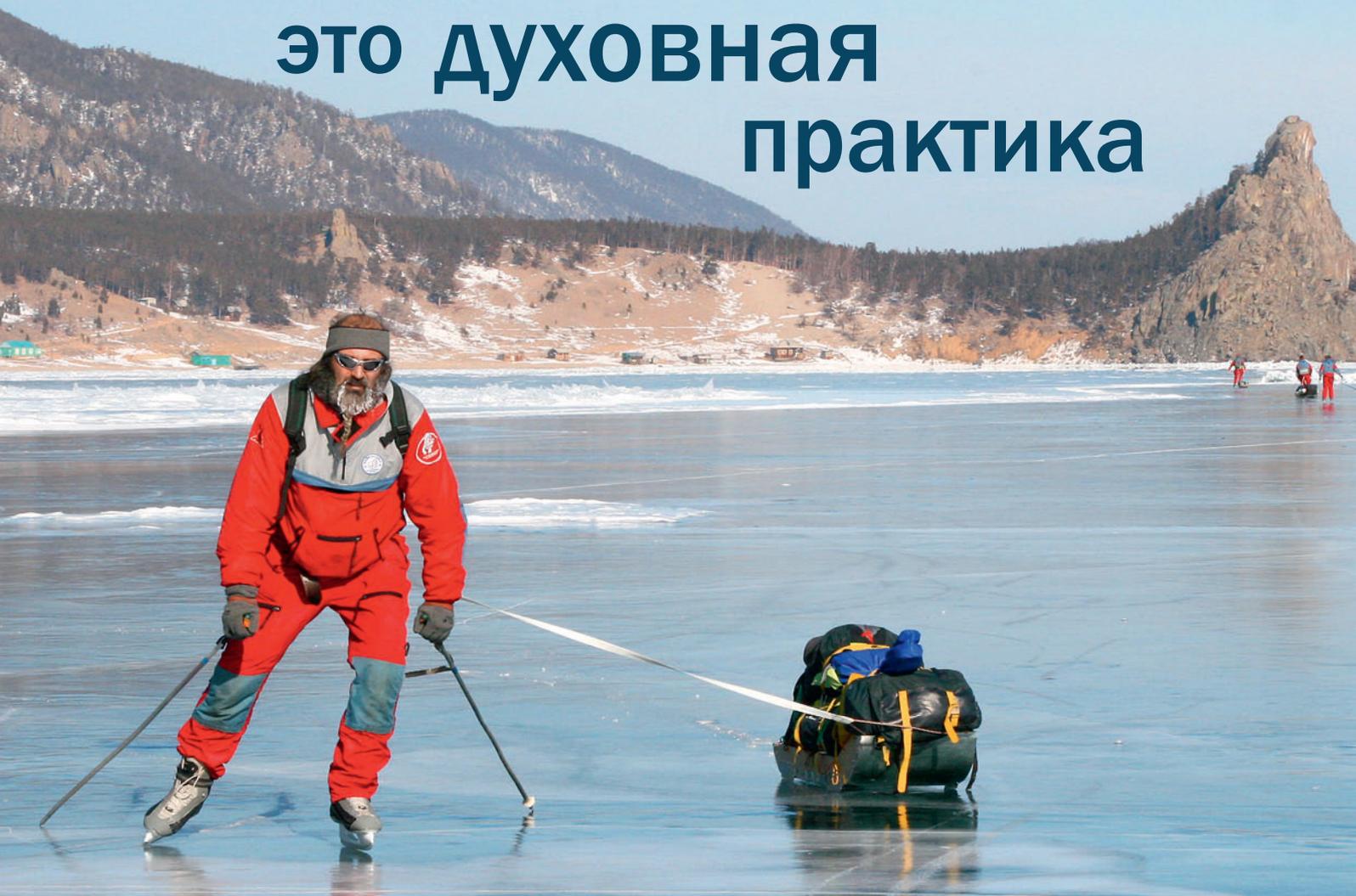

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com

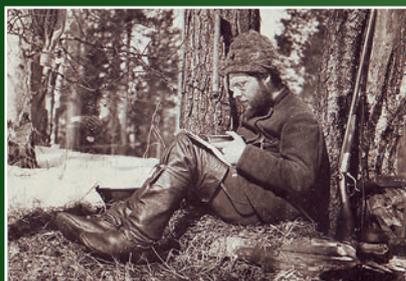
ISSN 0134 – 241X

04 (658) апрель, 2012

ПУТЕШЕСТВИЕ — ЭТО ДУХОВНАЯ практика

СЕНКЕВИЧ.
ИССЛЕДОВАНИЯ УРАЛА

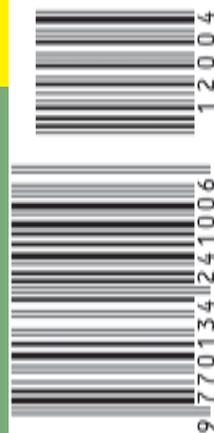
ЗАГАДКА
СВЯЩЕННОГО ЗВЕРЯ

ГРАНАТОВОЕ
ОЖЕРЕЛЬЕ УРАЛА

ОБРАЗЕЦ ГРАНАТА
предоставлен Уральским Центром камня

апрель 2012

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант — В. Абоян.
Худ. редактор, верстка — Е.С. Горда.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Л.В. Юсупова.
Интернет — Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки — Е. Корбут
Редакция, издатель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
• Семен Спектор, заслуженный врач России,
• Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
• Виктор Христорожский, Председатель Курганского ро РГО
• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №4 подписан к печати 20.03.2012 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артес», г. Екатеринбург, ул. Ухтомская, 45 (343) 287-03-52.
Заказ №

Встречный ветер

Экспедиции
Е. КОРБУТ
Д. ДРОБ
Уральцы
на Байкале ... 3

Камни Урала
Н. БЕЛЕНКОВ
«Гранатовое ожерелье»
Урала 13

Река времени

Тропой поиска
Е. СИБИРЯКОВ
«Круглая диковинка»
в Лысьве 20

200 лет победы над Наполеоном
Н. ЗАПОРОЖЦЕВА
Прелестные людоеды 36

Далекое-близкое
Г. БОКАРЕВ
Как варились «Сталевары» 22

Краеведческая копилка
В. ТРУСОВ
Борис Ельцин — сын Николая-второго .. 41

Портреты
Н. БЕРДУГИНА
А. СЛЕПУХИН
Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач. 25

Давным-давно
В. ИЩЕНКО
Закамское серебро — миф или реальность? 42

Поиски и находки
Е. ЧЕРНЫХ
Л. ЛИПИНА
Загадка священного зверя 28

Далекое-близкое
А. ЯЛОВЕНКО
Как княжна-комсомолка хотела Сталина убить..... 45

Легенды и были
А. ВАСИЛЬЕВ
Казачи-чародеи .. 31

Журнал в журнале

Уральцы на Байкале

Фотографии предоставлены автором

Несколько сотен километров
на коньках по льду озера
Байкал. Такое по плечу
только уральцам. Группа
под руководством

Евгения Валерьевича
Корбута совершила
14-й по счету
уникальный

коньковый байкальский поход.
25 февраля путешественники
встали на лед и за семь
ходовых дней преодолели
расстояние в 220 км.

Евгений Корбут

Путешественник. Руководитель многочисленных сложных зимних походов. Основатель направления туризма с использованием буксировочных парашютов и кайтов.

УРАЛЬСКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Подобным образом по Байкалу путешествуем лишь мы. Да, есть пешие походы, можно встретить недолгие коньковые переезды без тяжелого туристического оборудования. Передвигаются по льду озера и на машине, но отважиться на столь долгое путешествие на коньках в автономном режиме смогла только наша группа. Возникает гордость за уральцев, которые вновь впереди планеты всей.

Основные плюсы такого способа передвижения очевидны. Рюкзак тащить не нужно — на плечи нагрузки нет. Скорость доходит до 20 километров в час. А главное, необычайное удоволь-

ствие, которое испытываешь, скользя по кристально чистому льду и любуясь красотами Байкала. Мы ехали по местам (недалеко от внешней стороны острова Ольхон), где под нами была водная пропасть в полтора километра. Человек в такие моменты сродни птице, парящей над глубинами.

И МЫШЦЫ В ТОНУСЕ, И ИСКУПАТЬСЯ

Есть миф, что на коньках путешествовать невозможно. Якобы они сдавливают стопу, отчего быстро устают ноги. А как же тогда хоккеисты, которые большую часть времени проводят на льду? Коньки могут быть в тягость для людей неподготовленных.

Конечно, не обошлось без тренировок перед походом. Каждый из участников оттачивал мастерство на стадионе «Юность». Результат не заставил себя ждать. Во время путешествия ровно в 8 утра мы вбивали ноги в коньки, а в 8 вечера доставали. И не испытывали никакого дискомфорта, наоборот отличное физическое состояние после похода. Все мышцы в тонусе. На стадионе едешь — только разогнался — уже поворот, так все катание — сплошные повороты. А на льду Байкала движешься по прямой целые километры.

Помимо коньков, у каждого участника была защита для колен и локтей. Обязательно лыжные палки. Они выполняли несколько функций: толкания, приращения скорости и по-

стукивания льда. Чтобы понять, вода впереди тебя или лед, поверхность необходимо простукать. Но, когда вокруг такая красота, инструктаж может и забыться. Так засмотревшись, то ли на горизонт, то ли на собственное отражение, один из путешественников оказался в воде. К счастью, все трещины на Байкале имеют ковшеобразные основания, и утонуть там не просто. Но искупаться ему удалось!

Команда в этом походе была довольно-таки, большая — 7 человек. Почему большая? Потому что скорость передвижения на коньках, в отличие от пешего туризма, 10–15 километров в час. И если кто-то зазеваётся (захочет сфотографировать красоты), то рискует отстать. Чем больше группа — тем больше остановок. Эта была самая большая коньковая группа за все 14 лет походов по Байкалу.

ПО ЛЬДУ НА ПАРАШЮТЕ

В 1998 году я ходил в составе городского клуба, мы прошли весь Байкал — 680 километров за 26 дней. Это был пеше-лыжно-коньковый поход. Идея была настолько хороша, что я решил сделать поход ежегодным. Как средства передвижения в 1998 году, когда был первый поход по Байкалу, были использованы парашюты-буксировщики. По образу и подобию парашютов десантников, но поменьше размером. Парашют прицепляется к поясу. Когда ветер в спину — движешься вперед. Скорость на буксировщике достигает 36 километров в час. Традиционно в походах у каждого в комплекте есть это приспособление. Если ветер попутный — мы едем на нем. При таком способе передвижения не нуж-

но упираться и тратить мышечные усилия. Но это не главный плюс парашюта-буксировщика, главное — это эмоции, которые испытываешь, проскальзывая по ледяной глади. Человек забывает, кто он. Забывает про завтрак, обед и ужин, до такой степени сильные впечатления. В общем, какой русский не любит быстрой езды?

КАК В СОЧИ

Интересно, что буряты называют озеро «Байгал». По бурятскому преданию, земля содрогнулась, образовалась трещина, и в ней запылал огонь, сжигающий все вокруг. Люди стали просить бурханов (духов) остановить бедствие, но было тщетно. Тогда они начали повторять: «Бай, гал!» (Огонь, остановись!). Вмиг огонь затих,

а на его месте образовался провал, позже заполнившийся водой. Может быть, поэтому Байкал замерзает почти мгновенно, как когда-то затух пылающий на его месте огонь. Покрывается льдом озеро в середине января, ждет тихой походы и будто замирает за один день. Количество солнечных дней на Байкале такое же, как в Сочи. Даже если сильнейшие байкальские ветры не сдуют снег, то он высохнет от солнечной радиации. Отчего поверхность озера почти бесснежная. Ничего подобного нигде в мире нет.

Четырнадцатый поход эксклюзивен еще и тем, что лед преимущественно был очень ровный. Кроме зеркального льда, можно было встретить пятиметровые торосы, трещины становые, разводья. Вообще, какого только льда не бывает на Байкале — тарельчатый, блинчатый, узорчатый.

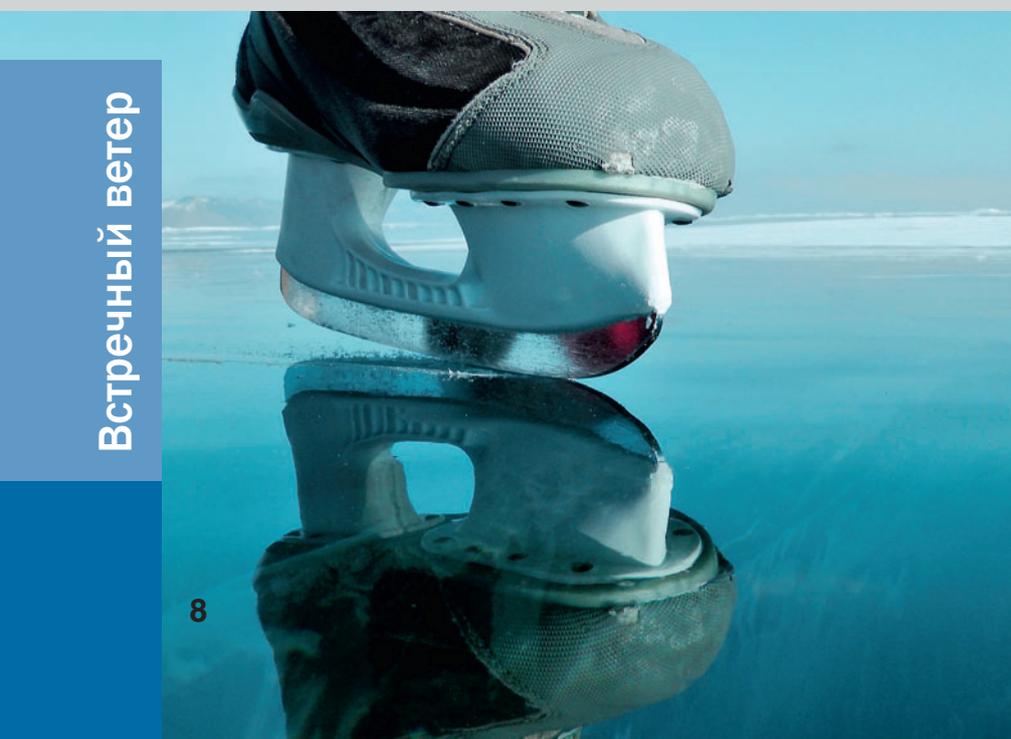

ПУШКИН И БАЙКАЛ

Когда делаешь первый шаг по зеркальной поверхности Байкала, тебя может охватить жутчайший страх. Лед на этом озере очень напоминает воду. Ходят страшные легенды о чудесах байкальского льда и силе его ветров. Говорят, если человек вышел на лед и случайно поскользнулся, то ветер унесет его на противоположный край Байкала.

На проливе между материком и островом Ольхон подводные течения промывают лед, и отличить, что там — вода или лед — невозможно. Многие люди, попадая на гладь Байкала, впадают в оцепенение: кто-то читает молитвы, кто-то стихи Пушкина и других классиков. До того захватывает. Особо впечатлительные

Встречный ветер

могут испытать своеобразную «ледофобию».

ЗАГАДОЧНЫЕ ШУМЫ

Не обошлось и без таинственного. На Байкале существует такое интересное явление, как подводные шумы. Звуки из глубин сродни стучу огромного молота. Некоторые уверены в наличии на дне Байкала космодрома. Будто с него каждые 15 минут вылетают космические корабли в невидимом для нас спектре. Ни подтвердить, ни опровергнуть я это не могу, но обсуждать подобные истории очень весело. Мы же шутя называем эти шумы «кашиглотами». Известно, что еще древние географы отмечали странные звуки со дна Байкала и страхи людей, слышавших

их. По себе знаю, спишь ты в палатке, и кажется, что кто-то делает под тобой трещину. Палатку, кстати, приходилось ставить на льду, так как берега Байкала очень скалистые.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

На второй день путешествия каждый из участников поймал себя на мысли, что он здесь очень давно. Ощущение времени изменяется. Ведь человек живет и ходит со скоростью 3 километра в час, и все события вокруг него происходят в этом же темпе, на машине едешь со скоростью 100 километров в час, но находишься в кузове. Здесь же каждый день все события проносятся со скоростью около 15 километров в час. Добавьте к этому бесконечные просторы, от-

весные байкальские берега и интереснейшие пещеры вокруг. Восприятие реальности совсем другое. Голова не забита никакими темными мыслями, которые посещают нас в мегаполисах. Большинство современных людей страдают от страшной болезни — спешки. Нам же спешить не требовалось. Настроение группы всегда было отличное, положительные эмоции переполняли. Где еще такое возможно?

Я часто задаю себе вопрос: готов ли современный человек воспринимать информацию о разнообразии окружающего мира? Мир настолько богат, что сидеть дома перед телевизором — это большое преступление по отношению к самому себе. Не обязательно идти на Байкал, на Урале много прекрасных мест. путеше-

ствие — это духовная практика. Ты изучаешь мир вокруг и внутри себя одновременно. Не обязательно ехать на Байкал, можно посетить Шарташское или Исетское озеро. Фактически многие путешествующие со мной делают свою жизнь на «до» и «после» похода. Поход — своеобразная черта в жизни. Они так и говорят: «Вот это было до похода... совсем другая жизнь».

ПЛЕН МЕГАПОЛИСА

Но просто так мир не выпускает. Я каждый год набираю команду и наблюдаю одну вещь. В этот раз со мной собиралось 12 человек, а пошло 7. У всех остальных возникли титанические проблемы, и они отказались. Подобные путешествия мало сродни с поездкой в Турцию или Таиланд. К по-

ходу по льду, да еще на коньках, нужно готовиться: тренироваться, общаться с командой, собирать продукты и экипировку. И окружающий мир начинает тебя испытывать. Фактически у всех возникают какие-то проблемы. Социум не пускает свои винтики на волю. Для тех, кому удастся вырваться, поход становится огромной радостью.

За годы путешествий по Байкалу я понял, что озеро всегда преподносит сюрпризы. Не надо смотреть прогноз погоды. Собрались и идем. Байкал и природа такие, какие есть. Нужно принимать их. Со всеми препятствиями на пути мы справлялись. Если есть сплоченная команда, то можно преодолеть любой, даже самый необычный маршрут.

ВОДКА И ШАМАНСКИЕ ДУХИ

«Жизнь хороша еще и тем, что в ней есть всегда возможность путешествовать», — говорил Пржевальский. Кроме этого, в жизни всегда есть возможность приврать. Я тоже сначала думал, нужно что-то выдумать. Многих людей интересуют только необычные истории. Мол, сказал бы: «Вдруг лед разверзся, и перед нами появилась огромная субмарина...» или еще что-нибудь «горячее». Но когда мир столь необычаен и интересен в своих реальных проявлениях, зачем что-то выдумывать?

Так, среди островов озера Байкал размером выделяется остров Ольхон. Выделяется он своими размерами — площадь острова составляет 730 кв. км. Между островом и побережьем лежит пролив Малое море, или Ольхонские ворота. Мы пошли по Малому морю до поселка Хужир. Там-то и находится мыс Бурхан, его называют одним из чудес света. Это шаманское место. Про него сложено множество легенд. Но что особенно интересно, так это слово, которое связано с этим мысом. Сначала мы не понимали, что значил этот странный глагол — бурханить. А он порой звучал из уст местных. Оказалось, что на Байкале водку не пьют, а бурханят. Как связана скала и водка? Оказывается, что шаманизм превращает

питье водки в целый ритуал: сначала водку брызгают на огонь, чтобы задобрить духов Бурхана, а лишь потом выпивают. Отсюда и повелось столь таинственное название. Никогда не знаешь, какие новые интересные знания принесет тебе путешествие.

Повествование Евгения Корбута записала Даша Дроб.

Р. С. Пока люди будут совершать подобные необычные путеше-

ствия, цивилизация будет иметь шанс на спасение. Особенно приятно, что беспрецедентные походы на коньках по льду Байкала совершают наши земляки. Хочется срочно отправиться в поход, хотя бы малый: в лес или на ближайшее озеро. Ведь еще Марк Твен писал, что в конце жизни человек жалеет лишь о двух вещах: о том, что мало любил и мало путешествовал. Так давайте же путешествовать и любить!!!

▲ Кристаллы граната
из В.Сысерти

«Гранатовое ожерелье» Урала

Фото автора

Если говорить о горных богатствах, следует отметить, что природа действительно необычайно щедро одарила ими Урал. Уральские самоцветы, руды, минералы, окаменелости сколь многочисленны, столь же и разнообразны.

Не случайно академик Александр Евгеньевич Ферсман называл Урал «минералогическим раем»!

Путешествовать по Уралу в поисках минералов — настоящее приключение, захватывающее и увлекательное, которое по плечу каждому энергичному и любознательному человеку. Если вы цените красоту природы, готовы надеть штормовку и рюкзак, взять в руки фотоаппарат или геологический молоток, если вас влекут ночевки в палатке и чаепития у костра, значит, в полку «уральских рудознатцев», ценителей и хранителей уральских минералов прибыло!

Николай Беленков

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Студент на Альмандиновой копи Верхоловская

Совершенно не важно, кто вы: первоклассник и начинающий коллекционер минералов или умудренный опытом профессор минералогии из МГУ, россиянин или гость из-за границы, каждый сможет не только узнать много нового, посетив знаменитые уральские месторождения и небольшие копи, но и собственными руками собрать во время походов и экскурсий коллекцию интереснейших минералов Урала!

Около сотни новых минералов, ранее неизвестных в мире, впервые открыты именно на Урале. За всю историю на Земле обнаружено около 4,5 тысяч минералов, и на Урале можно найти больше половины из этого списка! Некоторые из них можно считать редкими и экзотическими, другие — широко распространенными, третьи — породообразующими, так много их в Уральских горах.

Именно к таким, широко распространенным, а порой даже и к породообразующим минералам следует отнести гранат. Если быть точным, это не один минерал, а целая груп-

па под общим названием «гранаты». Гранаты бывают красными и черными, зелеными и коричневыми, бесцветными и оранжевыми. Пожалуй, только синий цвет не встречается у природных гранатов.

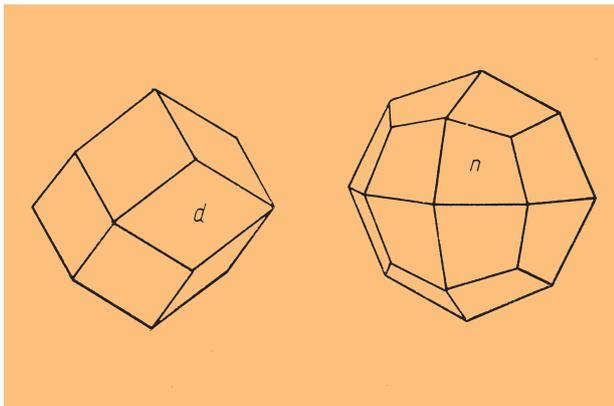
Слово «гранат» хорошо знакомо людям, весьма далеким от минералогии, и даже детям, и это не случайно! Кто же не знает фрукт с таким же названием? Что это, совпадение? Историческая шутка? Недоразумение? Какое из названий возникло раньше — минерала или фрукта? Связаны ли они друг с другом?

Попробуем разобраться... Если верить старинным рукописям, впервые минерал гранат был обнаружен на Ближнем Востоке в виде небольших кристалликов, сидящих в породе и окатанных зернышек ярко-красного цвета в песках Аравии. Эти зернышки по цвету, форме и размеру удивительно напоминали зерна гранатового дерева, растущего здесь во множестве. Это сходство, как говорят историки, и подарило минералу привычное сейчас название «гранат». Выходит, что название фрукта стало названием и минерала. Сам фрукт гранат, или как его раньше называли — «гранатовое яблоко», получил свое название за зернистое строение плода, полагая «гранум» — зерно.

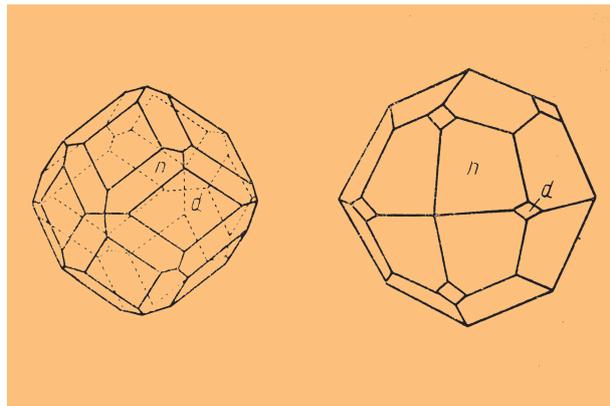
Наши предки славяне называли минерал гранат — «вениса», это же

▼ Гранатовая копь у Мраморского

▲ Формы кристаллов граната ромбододекаэдр — слева и тетрагонтриоктаэдр — справа

▲ Комбинационные формы кристаллов граната с преобладанием ромбододекаэдра — слева и с преобладанием тетрагонтриоктаэдра — справа

название мы встречаем в трудах знаменитого Плиния; впрочем, нередко так называли и другие камни красного цвета: шпинель, рубин...

Шли века, развивалась человеческая цивилизация, возникали новые науки, совершались открытия. Появление химии позволило установить, что гранаты могут быть разными не только по цвету, но и по химическому составу. При общей химической формуле в их состав, замещая друг друга, может входить железо или магний, хром или титан, кальций или алюминий.

В XIX веке на Урале были открыты новые минералы из группы граната и их разновидности. Ярко-зеленый хромовый гранат уваровит и драгоценный демантоид — хромовая разновидность андрадита. Они по праву могут считаться шедеврами среди уральских самоцветов и даже визитной карточкой Урала. Но об этих гранатах мы поговорим в другой раз.

Сегодня речь пойдет о самом распространенном уральском гранате — альмандине. Альмандин — это железисто-алюминиевый гранат с химической формулой $Fe_3Al_2(SiO_4)_3$. Он образует два изоморфных ряда с пиропом, где часть железа замещается магнием, и со спессартином, где часть железа замещается марганцем. Цвет альмандина варьирует от почти черного и темно-коричневого до ярко-красного, иногда с фиолетовым оттенком. Твердость 7–7,5. Альмандин достаточно хрупок, он обладает высоким удельным весом, стеклянным блеском, неровным или раковистым изломом.

Современное название, по мнению историков, происходит от местности Алабанда в Малой Азии, где в древности граниты и шлифовали, а вероятно, где-то неподалеку и добывали этот минерал.

Нет такого геологического музея в мире, где альмандин не был бы представлен хотя бы несколькими образцами. Не исключение и Уральский геологический музей, здесь собрана прекрасная коллекция уральских альмандинов.

На Урале этот минерал столь распространен, популярен и доступен, что его можно встретить в коллекции любого школьника или начинающего коллекционера-минералога.

Но это вовсе не означает, что альмандин какой-то «бросовый», неинтересный камень, недостойный серьезного внимания. Все как раз наоборот! Когда вы видите безупречные кристаллы этого минерала, с блестящими гранями или удивительной штриховкой, вы не можете не поразиться совершенству и законченности его форм.

Большинство гранатов, за исключением, пожалуй, гессонита и андрадита, обладают высокой кристаллизационной способностью. Это означает, что, в отличие от множества других минералов, представленных бесформенными зернами, гранаты чаще всего встречаются в виде хорошо образованных кристаллов.

Альмандин, как и все гранаты, образует изометричные кристаллы, относящиеся к кубической сингонии. Изометричные — значит, длина, ширина и высота кристалла примерно равны между собой. Нередко у кристаллов граната наблюдается четко выраженная комбинационная штриховка, параллельная ребрам кристалла или длинной диагонали.

Самая распространенная форма кристаллов у гранатов — ромбододекаэдр, двенадцатигранник, каждая грань которого — ромб. Гранат так часто образует ромбододекаэдры, что эту форму нередко называют «гранатоэдр», хотя ромбододекаэдры типичны и для других минералов, таких, как: магнетит, содалит, лазурит и т. д. Да и сам гранат, безусловно, не огра-

ничивается кристаллами только этой формы.

Второй по распространенности кристаллографической формой для граната является тетрагонтриоктаэдр — это двадцатичетырехгранник, где каждая из граней представляет собой четырехугольник.

Комбинация, т.е. сочетание ромбододекаэдра и тетрагонтриоктаэдра с преобладанием той или иной формы, также очень характерна для гранатов.

Трудно найти на Урале место, где не встречались бы гранаты, благодаря тому, что их вмещающие породы весьма разнообразны: это гнейсы и кристаллические сланцы (хлоритовые, слюдяные), пегматиты и скарны, хромиты и диаллагиты. Конечно, размер, качество, цвет и химический состав кристаллов гранатов в этих месторождениях будет сильно отличаться друг от друга.

Месторождения альмандина на Урале весьма многочисленны, перечислим лишь некоторые из них:

- *гранатовая копь горы Верховольская, где тетрагонтриоктаэдры альмандина залегают в гнейсах;*
- *Глубочинское месторождение гранатов в хлоритовых сланцах у В. Сысерти;*
- *выходы сланцев с почти черными альмандинами в Сысерти, в том числе на Бессоновской горке;*
- *копь альмандина и диаспора в гондитах у горы Пильная, Первоуральск;*
- *коричнево-красные альмандины станции Полевской;*
- *проявления альмандина в районе села Мраморское;*

▲ Уральские рудознатцы нашли гранаты на Верховловской

- *Альмандиновая копь в черте города Миасс;*
- *гора Шишка у станции Кундравы, где выходят альмандин-ставролитовые сланцы;*
- *хребет М. Таганай, у города Златоуст с его сиренево-красными альмандинами;*
- *Иссыльское месторождение розовато-сиреневого альмандина и ставролита в слюдистых сланцах;*
- *проявление ярко-алых альмандинов у деревни Кашино;*

- *многочисленные проявления альмандина в районе Слюдорудника, Кыштым;*
- *Осиновское месторождение альмандина в хлоритовых сланцах;*
- *альмандины (и спессартины) пегматитовых жил у станций Гать и Северка;*
- *многочисленные пегматитовые жилы с альмандином на Липовке, Мурзинских и Адуйских самоцветных копиях...*

В ПУТЕШЕСТВИЕ С «УРАЛЬСКИМИ РУДОЗНАТЦАМИ»...

Сегодня в путешествие за Уральскими самоцветами по альман-

диновым копиям мы отправимся со школьниками и педагогами центра Минералогического и Геоэкологического туризма «Уральские рудознатцы». Сейчас в Екатеринбурге, вероятно, это единственная действующая секция «Юных геологов», занимающаяся некоммерческими образовательными проектами геолого-минералогической, геоэкологической, минералогической, краеведческой, направленности, где школьники и студенты, да и любознательные взрослые могут изучать минералы и заниматься геоэкологическим туризмом.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ...

Если вы собрались в поход за минералами, советуем вам хорошо подготовиться и в качестве проводника взять с собой человека, знакомого с данной местностью и специфическими аспектами геологического туризма. Неплохой вариант — присоединиться к группе опытных туристов или геологов, совершающих поход на интересующий вас объект. Конечно, вам придется дожидаться подходящей «оказии» и подстраиваться к планам основной группы.

Еще одно небольшое наблюдение, которое поможет вам сберечь нервы и не заблудиться: спрашивать дорогу до копей у местных жителей, как показывает опыт, совершенно бессмысленно, поскольку большинство из них, как это ни печально, совершенно не интересуются историей своего района и практически не зна-

▼ Рудознатцы ищут гранаты на Верховловской

ют его природные и исторические достопримечательности. Впрочем, хотя весьма редко, бывают и приятные исключения из этого правила! Кроме того, многие «местные» оказываются дачниками из города, выезжающими в деревню лишь на выходные, и еще меньше знакомы с окрестностями. Если вы в пути послушаетесь совета подобных «специалистов», в лучшем случае, вы уйдете совсем в другую сторону, в худшем — заблудитесь!

КОПЬ ГОРЫ ВЕРХОЛОВСКАЯ

Альмандиновая копь горы Верхововская, находящаяся вблизи станций Палкино и Перегон, заметно отличается от большинства уральских месторождений альмандина.

Во-первых, кристаллы здесь в большинстве своем имеют форму тетрагонтриоктаэдра, а не ромбододекаэдра; во-вторых, залегают они среди биотитовых гнейсов, а не в кристаллических сланцах.

Эта копь была открыта в 1885 году местным крестьянином, отставным солдатом М. Кузьминым, жителем деревни Палкино, и впервые упоминается в 1887 г. в Записках Императорского Минералогического общества П.В. Еремеевым. Копь расположена на правом берегу р. Исеть, на западном склоне г. Верхововская, недалеко от ее вершины.

Размер кристаллов альмандина здесь от 0,5 до 3–5 см. Они вырастают в биотитовый гнейс, местами сильно разрушенный до того состояния, что легко крошится руками, местами весьма твердый и плотный, с трудом поддающийся молотку.

Кристаллы альмандина с горы Верхововская обычно имеют четко выраженное зональное строение и переполнены включениями. Вокруг этих кристаллов нередко, словно скорлупа вокруг ореха, расположена «рубашка» из полевого шпата толщиной от 0,1 до 2–3 мм. Кроме полевошпатовой «скорлупы», вокруг каждого кристалла альмандина есть еще и «рубашка» из гидроокислов железа.

В кристаллах альмандина с этой копи иногда можно наблюдать редкую особенность — способность раскалываться с образованием отдельно сти по шару.

Еще одной интересной «изюминкой» этого месторождения можно считать скелетные кристаллы альмандина, на которые неспециалисты могут даже не обратить внимание, приняв их за сросток нескольких кристаллов.

В 1894–1895 годах копь горы Верхововская и другие копи в окрестностях Палкино изучал А.Н. Карножицкий. Он первым дал их подробное описание и предложил этой группе копей общее название Евгение-Максимилиановские минеральные копи, в честь Президента Императорского Минералогического Общества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.

Добраться до этой копи удобнее всего на электричках Кузинского или Дружининского направления, идущих на запад от Екатеринбурга. От станций Палкино или Перегон несколько километров нужно идти пешком.

Если вы сели на электричку Кузинского направления, выйти нужно

▲ Скелетный кристалл граната с г. Верхововская

на станции Палкино и пройти на запад пару километров пешком вдоль недавно построенного участка екатеринбургской кольцевой автодороги, перейдя по мосту р. Исеть, свернуть на первой же горке на С-СВ по трассе водовода. Пройдя по водоводу около 1,5 км, нужно свернуть сразу за р. Романовка на север и продолжить путь по просеке. Перевалив три небольшие горки и перейдя две болотистые поляны, почти на вершине г. Верхововская необходимо свернуть на СЗ по тропинке, которая через 300 м выведет вас прямо к Альмандиновой копи.

Если вы сели на электричку Дружининского направления, выйти можно и на станции Палкино и на остановочном пункте Перегон. На станции Палкино места остановки электричек Кузинского и Дружининского направления находятся всего в 100 м друг

▼ Одна из гранатовых копей Глубоченского месторождения

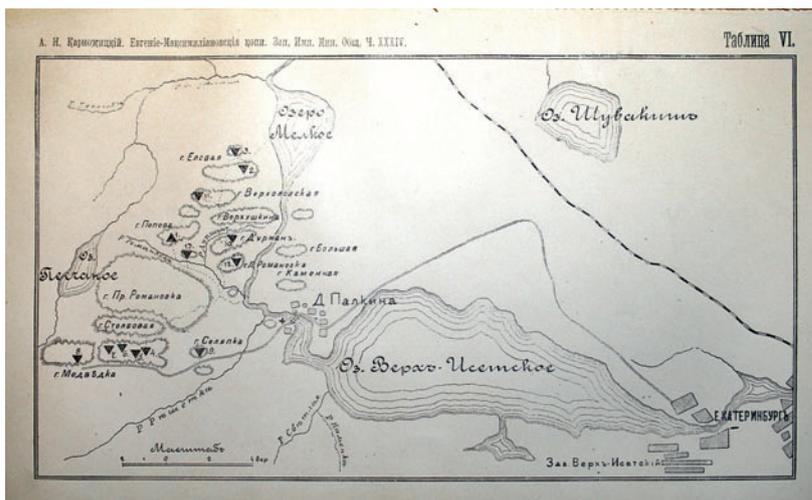
▲ Книга Карножицкого

от друга. Дорога от станции Палкино, Кузинского направления описана выше.

Если вы доехали до Перегона, вам нужно пересечь автодорогу Палкино-Северка, проходящую в 50 м от станции и, двигаясь дальше, вдоль реки Решетка, в том же северном направлении еще 200 м дойти до переправы.

Переправившись через Решетку по гранитным валунам, перейдя поляну, а затем через 200 м и Кузинскую железнодорожную ветку, выходим на трассу водовода, по которой, двигаясь на СВ, доходим до пересечения с екатеринбургской кольцевой автодорогой. Дальнейший путь к гранатовой копи полностью совпадает с первым маршрутом.

Современный маршрут на гранатовую копи очень простой и доступный, но еще лет 20 назад, пока не было дороги и водовода вдоль Исети, любителям камня приходи-

▲ Карта из книги Карножицкого

лось пробираться сюда через непролазное болото или обходить его, делая крюк в 15 лишних километров. Несмотря на кажущуюся близость к городу, из-за множества болот места здесь и сейчас достаточно глухие и дикие. А в конце 70-х, – начале 80-х годов поздней осенью здесь нередко можно было наткнуться на стаю волков.

Здесь уместно будет вспомнить старый туристический анекдот. В лесу неожиданно сталкиваются нос к носу турист и медведь. Медведь спрашивает туриста: «Ты кто?», тот ему гордо отвечает: «Я – турист!». «Нет, – отвечает медведь, – это я – турист!» «А я тогда кто?» – удивленно спрашивает турист. – «А ты – завтрак туриста», – заявляет ему медведь с довольной ухмылкой!

Во времена А.Н. Карножицкого, в конце XIX века, когда здешние леса и болота были вовсе глухими (не случайно соседняя гора называется Медвежка!), на эту копи добирались совсем иначе. В деревне

Палкино нанимали лодку и на ней плыли вверх по Исети до устья р. Романовка, где тогда находилась «Романовская пристань». Выше по течению р. Романовка старательские артели мыли россыпное золото, россыпи, впрочем, были достаточно бедными и их скоро забросили. От Романовской пристани около 1,5 км шли через болото по деревянным настилам, называемым «стлань» или «гать», а затем еще примерно столько же через лес по горкам и полянам. Без помощи местного проводника, которым обычно выступал тот самый первооткрыватель копей, палкинский крестьянин М. Кузьмин, обычно отыскать копи не удавалось!

ГЛУБОЧИНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ У В. СЫСЕРТИ

Это месторождение, наряду с Евгение-Максимилиановскими копиями близ Палкино, вероятно, самые популярные гранатовые объекты ближайших окрестностей Екатеринбурга.

Эта гранатовая копи также известна довольно давно. В середине XIX века здесь уже активно добывали гранаты, которые применялись в качестве абразивного материала при шлифовке изделий и металла, и камня. Иногда копи называют «Зверевской» по фамилии последней, до революции 1917 года, владелицы копей, принадлежавшей к знаменитой уральской династии горщиков Зверевых.

Существует даже легенда о том, что перед самой революцией на этой копи погибло сразу несколько горщиков. А случилось это якобы так: рабочие пробили для добычи граната шурф глубиной метров 6–8, а крепить его бревнами не стали, то ли из экономии, то ли понадеялись, что порода крепкая. И вот в момент, когда под землей

▼ Альмандин с Верховловской

в забое находилось сразу четверо человек, произошла подвижка пластов. Хлоритовый сланец, жирный и скользкий на ощупь минерал, из которого состоит порода, содержащая гранаты, соскользнул по наклонным пластам и наглухо перекрыл устье шурфа. Все, кто находился на поверхности, конечно, тут же бросились откапывать товарищей, но прошло несколько часов, прежде чем удалось пробить отверстие и заглянуть внутрь. Шурф оказался не засыпанным полностью, стены его даже не обвалились, однако все горшки оказались мертвы, они задохнулись от нехватки кислорода.

Какого-либо документального подтверждения этому факту найти не удалось, да и с геологической точки зрения история эта совершенно фантастическая, поэтому, вероятно, ее следует отнести к своеобразному горному и старательскому фольклору, которым так богат Урал и из которого черпал свое вдохновение П. П. Бажов.

«Зверевская» копь альмандина расположена на вершине небольшой горки, называемой нередко «Гранатовая», в нескольких километрах от поселка Верхняя Сысерть.

Здесь гранаты залегают в пластах хлоритового сланца, имеющего практически вертикальное падение.

Альмандины с Глубочинского месторождения обычно по граням имеют тонкую хлоритовую «рубашку» и нередко ожелезнение.

Форма кристаллов на этом месторождении — исключительно ромбододекаэдр. Размер их варьирует от 0,5–1 см до 5–10 см. Особенно эффектные образцы, где несколько кристаллов альмандина сидят в хлоритовом сланце.

Самый крупный кристалл, который довелось найти автору на этой копии в 1986 году, имел размер 22х19х18 см. К сожалению, этот кристалл залегал прямо под дерном на глубине всего 30 см от поверхности и был сильно выветренный, поэтому при извлечении из породы он распался на несколько частей.

Впрочем, по мировым меркам это мелочь! В начале прошлого века в Норвегии у Дальсфьорда был обнаружен окатанный гранатовый валун весом более 700 кг.

Чтобы попасть на Гранатовую копь, нужно от автовокзала Екатеринбурга доехать до поселка Верхняя Сысерть. От поселка удобнее всего двигаться по ЛЭП, пройдя несколько километров на ЮВ, и, преодолев вброд неглубокую речку, нужно подняться на Гранатовую горку. На вер-

шине горы с ЛЭП нужно свернуть на юг и, пройдя через лес без тропинки метров 300, выйти на просеку СЮ. Копь расположена в нескольких метрах от просеки практически на вершине горы.

АЛЬМАНДИНОВАЯ КОПЬ СТАЦИОННОГО-ПОЛЕВСКОГО

Это еще одно место, где без труда можно отыскать кристаллы альмандина.

Копь альмандина расположена недалеко от берега реки Чусовая, на восточной окраине пос. Станционный-Полевской, в 10 метрах от забора крайнего дома на обочине дороги, проходящей по склону небольшой, поросшей редким березняком горки. Здесь красновато-коричневые ромбододекаэдрические кристаллы граната альмандина, размером от 0,5 до 3–4 см в поперечнике, залегают в сильно разрушенном слюдисто-хлоритовом сланце, выходящем прямо на поверхность.

Добраться до этой копии удобнее всего на поезде, следующем в сторону города В. Уфалей. Выйти нужно на станции Полевской и пройти до окраины поселка пару километров пешком, перейдя при этом по мосту через р. Чусовая. **УС**

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

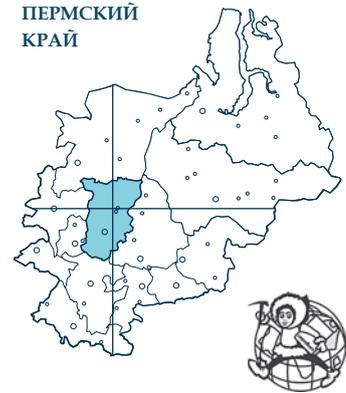
ул.Кирова, 71 тел.:(343)242-54-12(13)

www.vizsport.ru

БАССЕЙНЫ (В Т.Ч. ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТ 1 ГОДА), ФИТНЕС-КЛУБ, СПОРТЗАЛЫ, САЛОН КРАСОТЫ, КАФЕ, СПОРТИВНЫЕ СЕКЦИИ

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

«КРУГЛАЯ ДИКОВИНКА» В ЛЫСЬВЕ

Иллюстрации предоставлены автором

Осенью прошлого года исполнилось 100 лет одному из самых массовых видов спорта в Перми — футболу.

У нас в семье без малого сто лет хранится интересный документ — «Диплом для господина М. Сибиряковъ.

В шестом турнире футболистов присуждается ему 2-й Приз.

Австрийский и Венгерский футбольный клуб «Австрия»».

Диплом подписан секретарем Иозефом Бойше, капитаном

Францем Смршем и кассиром Иозефом Обермайером.

20

Евгений Сибиряков

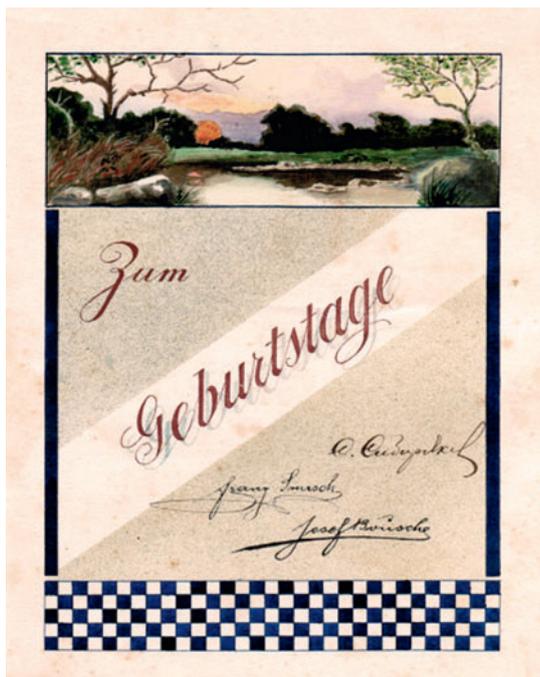
Окончил Уральский политехнический институт, инженер-металлург. Сейчас на пенсии. Первая публикация в «Следопыте» появилась в 1987 году.

Откуда взялся футбольный клуб «Австрия»? Как туда попали ребята из города Лысьвы? Вот что рассказал пермский тренер по футболу И. В. Рогожников. «Согласно архивным документам, первое упоминание о футболе в Перми относится к осени 1910 года. Именно тогда гимназист А. Шишонко привез в город настоящий кожаный футбольный мяч марки «Скрум». Молва о «круглой диковинке» мгновенно облетела всю гимназию. Теперь каждый день гимназисты осваивали новую игру на Вознесенской площади».

Сегодня на этом месте — небольшой сквер перед авиационным техникумом, в здании которого раньше находилось Алексеевское реальное

Поздравление с Днем рождения М.А. Сибирикова от клуба «Австрия», 1915-16 гг. ▼

училище, готовившее технических специалистов. На его базе впоследствии и был создан авиационный техникум, отметивший недавно 135-летие. Возможно, ребята с Лысьвенского завода учились в мужской классической гимназии его величества императора Александра I или в частной гимназии О. В. Циммермана. Именно на Вознесенской площади, где сейчас разбит сквер им. Швецова, началась биография и лысьвенского футбола.

Михаил и Сергей Сибириковы были одними из первых реалистов, кто ударил ногой по «круглой диковинке» марки «Скрум». В летописи пермского футбола читаем: «В 1913 году В. Ордынский и Евсин распространяют по городу самые первые правила игры в футбол, в этом же году состоялся первый чемпионат Перми по футболу среди гимназий и средних учебных заведений. Как и ожидалось, победила Первая гимназия. В розыгрыше принимали участие гимназисты, семинаристы, реалисты, ремесленники-студенты».

Приехав в Лысьву на каникулы, Михаил и Сергей Сибириковы влились (были приглашены) в организованный военнопленными футбольный клуб «Австрия». Он был создан в 1916 году (точная дата неизвестна). Это произошло после знаменитого прорыва русской армией австрийского фронта на юго-западе. В плен попало около четырехсот тысяч солдат и офицеров австро-венгерской армии.

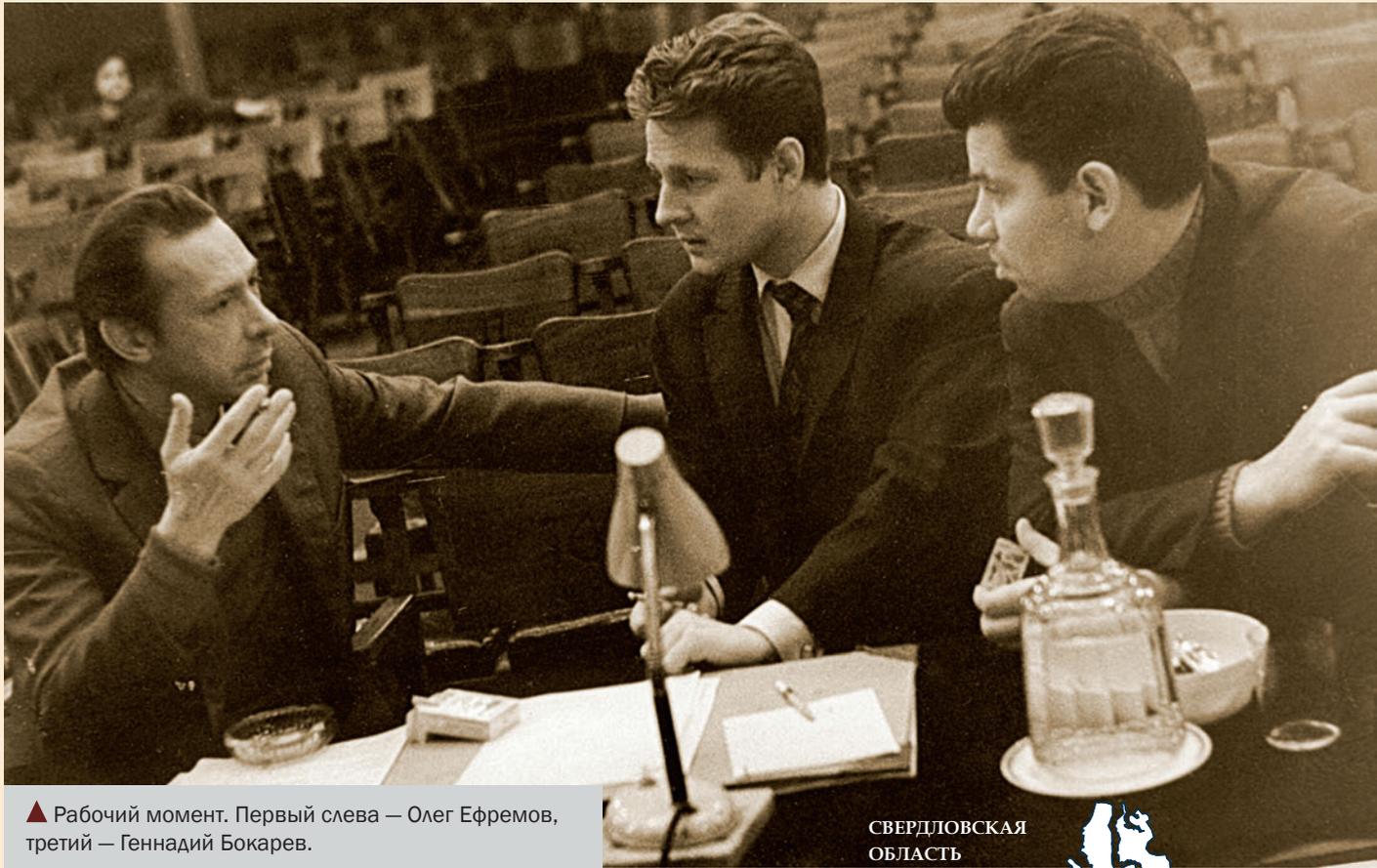
▲ Сибириков Михаил Андреевич, Москва, 1930 г.

«Господин М. Сибириков» — это мой отец Михаил Андреевич, в ту пору 14-летний ученик Алексеевского реального училища в Перми. Вместе с ним в команде играл и его родной брат Сергей Сибириков. По рассказам отца, турнир проходил на спортивной площадке за казармами «пятисотиками». В них жили пленные австро-венгерские офицеры, они и «занесли» в Лысьву бациллу этой увлекательной игры.

Как создавалась в Лысьве первая футбольная команда 1929 года? Возможно, где-то есть документ, который прольет свет на этот вопрос. У меня же хранится фотография, сделанная в июле 1929 года. На ней запечатлена первая футбольная команда Лысьвы после игры с командой Московского городского совета профсоюзов (МГСПС). Лысьвенцы проиграли тогда со счетом 0:2. На снимке среди футболистов — мой отец Михаил Сибириков (он играл форвардом — левый или правый край), Павел Рождественский, Павел Колесов, Иван Видунов, Колосов (кличка — Васька Мазай), братья Халдины, братья Старостины. Они были хорошими друзьями и сохранили эту дружбу на всю жизнь.

Есть на фотографии и не игравший в футбол Александр Степанович Шилов, бывший в то время председателем завкома профсоюза Лысьвенского металлургического завода. Это лишний раз подтверждает, что в становлении лысьвенского футбола и в создании первой сборной ведущую роль играл профсоюз ЛМЗ.

Может быть, кто-то узнает на этой фотографии 80-летней давности своих родственников и поделится сведениями о людях, которые стояли у истоков футбола в Лысьве. **УС**

▲ Рабочий момент. Первый слева — Олег Ефремов, третий — Геннадий Бокарев.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Как варились «СТАЛЕВАРЫ»

Иллюстрации из архива автора

В 1972 году во МХАТе состоялась премьера одной из самых культовых пьес эпохи застоя — «Сталевары».

40 лет спустя об этом вспоминает автор — заслуженный деятель искусств, член Союза писателей России Геннадий Бокарев.

Геннадий Бокарев

После армии я работал в горячем цехе на ВИЗе. Нужны были деньги. Чудовищно высокая температура, тяжелые условия труда. По 3–4 килограмма за смену мы теряли в весе. Прошло много лет. Я окончил ВГИК, и Свердловская киностудия обратилась ко мне с просьбой написать какой-нибудь сценарий о рабочем классе: это было модно. Опирался я на свой жизненный опыт — к тому времени я успел поработать также

на Уралмаше инженером, занимался, участвовал в автоматизации прокатных станов. На заводе заводов выпускали аппаратуру для сталеплавильного цеха. Я туда похаживал. И вообще работа сталеваров мне нравилась. Красивый труд, огонь, металл. Настоящие мужики, здоровые, надежные, работы не боятся никакой, драки не боятся никакой, выпить могут, друзья хорошие. Мне вообще дух этот очень люб.

Не стало Геннадия Кузьмича Бокарева, сталевара, прозаика, драматурга... Во всех этих профессиях он умел остаться Человеком. Этот рассказ-интервью — последнее интервью Геннадия Бокарева, записанное незадолго до его кончины Алексеем Молчановым.

Звонок из «Мосфильма»

Но по какой-то причине этот фильм на Свердловской киностудии не пошел. Потом я получил такое же предложение от «Мосфильма». И написал сценарий под названием «Самый жаркий месяц». Позже по нему снял фильм режиссер Юлий Карасик. У меня тогда сразу два сценария ставились на «Мосфильме», поэтому мне надо было жить в Москве и работать с режиссерами. И вдруг однажды в моем номере в гостинице «Россия» раздается звонок и знакомый голос говорит: «Я — Олег Николаевич Ефремов, прошу вас завтра прийти в МХАТ». Я, конечно, думаю, что меня кто-то разыгрывает. Ну, как я мог представить: Ефремов только-только был назначен тогда художественным руководителем МХАТа. Мы встретились, и между нами произошел примерно такой диалог:

— Слушай, старик, давай пиши пьесу!

— Олег Николаевич, я пьес в жизни никогда не писал и не знаю, как это делается.

— Да ты брось, напишешь!

— Ну как на сцене, во МХАТе, можно показать плавку, цех?

— Не бойся, в театре все можно!

— Олег Николаевич, а как вы, собственно, на меня-то вышли?

— Мне сейчас очень нужен спектакль, чтобы заявить о себе. Я прочитал кучу пьес. И мне ни одна не нравится. И тут мы сидим в компании. И известный кинокритик Майя Туровская сказала, что в Москве живет один мужик с Уралмаша. Он чего-то написал, почитай, может, понравится. Я прочел и говорю: «Давай его телефон!».

Я долго отбивался, но Ефремов все-таки вынудил меня, и я начал работать. Это был довольно долгий процесс. Пьеса получилась не сразу. Но название он придумал. Я оставил старое — «Самый жаркий месяц». Он говорит: «Нет, это не годится, давай какое-нибудь другое! Ну, скажем, «Сталеварская диалектика». Я возражаю: «Нет, Олег Николаевич, это совсем не годится. Представляете, на афише: «Сталеварская диалектика». Кто ж туда пойдет?!» Он тогда предлагает: «Сталевары». На том и порешили.

Вердикт корифеев

Олег назначил читку. Она проходила в репетиционном зале. Пришла вся труппа художественного театра. В том числе «великие старики»: Масальский, Кторов, Грибов, Яншин, Тарасова, Прудкин, все в парадных

костюмах, при орденах и регалиях. Я был потрясен совершенно. Олег чего-то бубнил: на-на-на ... не выделяя никаких интонаций. Я сидел и стогал со стыда. Мне казалось, что такие гении внимают бездарную мякину. Потом они молча встали и разошлись. На следующий день Олег сказал, что принято решение ставить пьесу.

«Петька» — Евгений Евстигнеев

Для меня, конечно, главный герой тот, которого играл Евгений Евстигнеев — Петр Хромов. А Вячеслава Расцветаева специально позвали из Перми в труппу Художественного театра на роль Виктора Лагутина. Олег увидел его в каком-то киноотрывке. Кстати, распределение ролей происходило забавно. Олег спрашивает: «Знаешь, кто Петьку будет играть?» Я думаю: ну, Киндинов, ну, Щербakov, может быть. Он говорит: «Евстигнеев!» Я ошарашен: «Олег Николаевич, ты с ума сошел! Сколько Евстигнееву лет?»

— Сорок пять!

— Так герою-то тридцать!

— Дурак ты, ничего не понимаешь! Он так сыграет твоего Петьку!

И Олег, конечно, оказался прав. Актеры поначалу не понимали, что они играют. Пьеса ведь написана сленгом тогдашних лет. Как-то после репетиции Владлен Давыдов подходит ко мне и говорит: «Ты не знаешь, как это играть? Я всю жизнь на сцене во фраке либо в мундире». А ему в спектакле досталась роль старого сталевара, который ухаживает на пенсию. В то время на СТПРК режиссером Владимиром Ротенбергом был

снят документальный фильм «Нурулла Базетов». Я взял его в Комитете по кинематографии и показал им. А потом Олег устроил актерам экскурсию на «Серп и Молот». Мы ходили вместе. И они там все рабочее дело посмотрели.

«Мне слов не пиши!»

Ну вот наконец последний прогон. Завтра смотрят «папы-мамы» — так называют приглашенных, а послезавтра — премьеры. Зашли мы втроем в кабинет: Ефремов, Евстигнеев и я. Олег спрашивает: «Ну как?» — Я отвечаю: «Слушай, Олег Николаевич (он меня все время заставлял называть себя Олегом, а я не мог человека старше себя и более значимого, чем я, называть так вот амикошонски), что-то плохо!»

— Где плохо?

— А вот перед финальной сценой какой-то провал!

— Тогда вот тебе бумага, ручка, бутылка коньяка и лимон. Запираю тебя на ключ, а мы с Женей тем временем пообедаем!

И они ушли. И за два часа я заново переписал восемь страниц машинописного текста. Единственное, что сказал Евгений Александрович, выходя в дверь: «Мне слов не пиши!» (Смеется) Я учел его пожелание. Там примерно минут 15 идет сцена. Я написал ему в репризе одно слово: «Кеды».

Чай с Фурцевой

Премьера прошла, на удивление, удачно. Олег где-то за границей раздобыл всевозможные спецэффекты. «Как изменился театр! — восторгался столичный журналист. — Непри-

▲ Сцена из спектакля

нужденно, без видимых технических трудностей, с хроникальной убедительностью предстает на сцене мартеновский цех. Гудят печи. Лавообразные, вулканические процессы внутри этих гигантских «кастрюль» завораживают зрителя кинематографической подлинностью. С самого верха по диагонали, похоже на плиты металла, под грохот «хроникального» звучания стремительно опускаются «ставки», быстро и точно меняющие места действия, перебрасывающие его со скоростью экранного «затемнения». Разъезжают цеховые «кары», аккумуляторные тележки, механизованные «слуги просцениума», остроумно совмещившие две функции — смену реквизита и образное наполнение движением, характерным для металлургического завода».

Кстати, ни одна эстрадная «звезда» в те годы ничего подобного не имела, все это было впервые. Министр культуры СССР Екатерина Фурцева была на премьере. После нее она пригласила меня в директорскую ложу на чай. Затем пьесу поставили в 89 театрах СССР, а также в Польше и Финляндии. Понимаю, не потому,

что она уж так хороша (смеется), а потому, что это был МХАТ, и так она прогремела, что все считали за необходимость поставить ее у себя. Просто судьба, момент, везение, так сошлись звезды, вот и все.

Вначале был Фельцман

Сперва Олег хотел заказать музыку к «Сталеварам» Оскару Фельцману. Мы пришли к нему вместе с помощником режиссера, но Оскар отказался: «Не могу я на эту тему писать». И тогда обратились к Эдуарду Колмановскому. Он сочинил марш-вступление, несколько музыкальных эпизодов, а также две песни — обе на стихи Михаила Матусовского: «Листья прошлогодние» и «Песня о заводском гудке». «Песня о заводском гудке» стала потом лауреатом телевизионного фестиваля «Песня года».

В 70-е годы не посмотреть «Сталеваров» было чуть ли не неприличным, об этой постановке писали во всех газетах, говорили по радио и телевидению. Пьесу называли «прекрасной», режиссуру — «великолепной», игру артистов Е. Евстигнеева, Н. Гуляевой,

А. Георгиевской — «замечательной». Пьеса стала символом режиссерской работы Ефремова во МХАТе и была упомянута в песне Владимира Высоцкого:

*На мхатовскую мельницу налили
Расплав горячий — это удалось.
Чуть было «Чайке»
крылья не спалили,
Но, слава богу, — славно обошлось.*

Сегодня иные иронизируют по поводу фильмов и пьес советского периода. Однако, кто он, современный герой? Нынешний кинематограф и сцену заполнили рэкетеры, авантюристы, криминальные авторитеты, бизнесмены, проститутки, коррумпированные чиновники. Им противостоят честные правоохранители или мстители-одиночки. Большинству граждан их жизненное кредо не близко, и корифеи российского фильма вынуждены искать темы в отечественной истории.

А может, плохо ищут в современности?

Записал Алексей Молчанов **VC**

Река времени

7/XI-19342

Сезон 1974—1975 гг.

Геннадий БОКАРЕВ

СТАЛЕВАРЫ

Пьеса в двух действиях

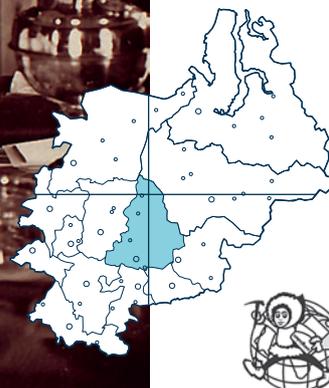
Действующие лица и исполнители:

Виктор Лагутин	заслуженный артист РСФСР В. Н. Расцветаев
Петр Хромов	народный артист РСФСР Е. А. Евстигнеев
Андрей Сергеевич, начальник мартеновского цеха	заслуженный артист РСФСР Д. И. Шугов Н. С. Кондратьев
Вагиз Евгений Петрович, его заместитель	народный артист РСФСР П. Г. Чернов заслуженный артист РСФСР Н. П. Алексеев заслуженный артист РСФСР В. Н. Сергачев
Варламов, начальник смены	народный артист РСФСР Ю. Л. Леонидов
Сартаков, сталевар	народный артист РСФСР В. С. Давыдов заслуженный артист РСФСР И. М. Тарханов
Алексей Шорин Юрий Лузин Федор Ван Ванч Саян Женя	подручные сталевара Е. А. Киндинов Н. Н. Никольский Г. С. Епифанцев В. Т. Кашир Б. В. Щербаков
Мастер	М. А. Лобанов заслуженный артист РСФСР А. А. Михайлов А. А. Калатин
Зоя Самохина Люба, крановщица	народная артистка РСФСР Н. И. Гуляева
Тоня, секретарша	Л. В. Стриженова С. Н. Бодырева С. Б. Семендяева
Сундуков	заслуженный артист РСФСР Н. П. Ларин народный артист РСФСР А. М. Комиссаров заслуженный артист РСФСР М. Е. Медведев
Клава	народная артистка СССР А. П. Георгиевская заслуженная артистка РСФСР Р. В. Максимов
Пикотин	заслуженный артист РСФСР А. И. Покровский

Парень в очках	Ю. О. Мешагин заслуженный артист КазССР Л. Ф. Монастырский
Девушка	О. Б. Барнет
Аня	Н. И. Назарова
Официантка	Л. К. Касаточкина Т. В. Бронзова
Бульдозерист	В. Р. Петриченко Ю. В. Мочалов
Первый парень	В. Г. Фокин А. В. Давыдов
Второй парень	Н. Н. Болотов В. Г. Фокин
Рабочие	Т. В. Бронзова В. В. Безручко В. В. Буш Б. Н. Гусаков Д. А. Климов В. В. Пушкарев К. Ф. Чистяков В. Я. Шохин
Водители электромобилей	А. В. Смирнов С. Г. Роман
Рабочие и работницы металлургического завода	
Постановка и режиссура народного артиста РСФСР	О. Н. ЕФРЕМОВА
Режиссер (стажер) — заслуженный артист Казахской ССР	Л. Ф. МОНАСТЫРСКИЙ
Художник — народный художник РСФСР	И. Г. СУМБАТАШВИЛИ
Художник по костюмам	— Т. А. Иванова
Композитор	— Э. С. Колмановский
Текст песен	М. Л. Матусовского
Световое оформление — заслуженный работник культуры РСФСР	А. М. Дрябин, И. А. Ефимов, А. П. Дроздов
Звуковое оформление —	Н. Г. Васильев, В. И. Архипов, Г. П. Ефимочкина
Заведующий музыкальной частью и дирижер	— В. М. Немирович-Данченко
Помощники режиссера	— Е. И. Иванова, М. В. Солонец
Литературная часть	— А. В. Кеслер, О. Н. Ежова
Руководство художественно-постановочной частью — заслуженный деятель искусств РСФСР	Н. Н. Готтих
Главный режиссер театра — народный артист РСФСР	О. Н. ЕФРЕМОВ
Начало утренних спектаклей в 12 час., вечерних — в 19 час.	
После начала действия вход в зрительный зал не разрешается	

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ЭМИЛЬ МАРИАНОВИЧ СЕНКЕВИЧ. Человек. Исследователь. Врач.

Иллюстрации предоставлены авторами

Урал — древняя территория. Территория, хранящая в себе множество неразгаданных тайн, даже несмотря на то обстоятельство, что она обследована досконально. Казалось бы, что еще можно нового открыть?

Ведь все интересное открыли и исследовали до нас...

Однако позвольте не согласиться с этой мыслью.

Исследователей Урала можно перечислить множество. В этом списке есть и именитые особы: Петр Симон Паллас и Василий Никитич Татищев, Петр Иванович Рычков и Иван Иванович Лепехин, Эрнест Карлович Гофман и Антал Регули, Вера Александровна Варсанюфьева и Ипполит Михайлович Крашенинников и многие другие.

Нельзя не упомянуть и известнейшего уральского путешественника, писателя, этнографа и исследователя северных территорий Константина Дмитриевича Носилова и его спутника по кондинской экспедиции, впоследствии известного этнографа, Инфантьева Порфирия Павловича. Список можно продолжать еще очень долго — и все это будут интереснейшие и удивительные люди, путешественники, исследователи, ученые и краеведы, да и просто любознательные персоны!

Но нам хотелось бы рассказать о человеке, чей исследовательский труд остался незамеченным. Чей жизненный путь еще предстоит описать и изучить. Чьи великолепные фотоснимки нам и достались на память об этом почти неизвестном человеке, незаслуженно забытом и не оцененном при жизни. В этом очерке мы и хотели рассказать о нем. К тому же для этого есть повод. В апреле 2012 года исполняется 130 лет со дня рождения этого исследователя, врача, страстного охотника.

Итак, знакомьтесь — Эмиль Марианович Сенкевич.

Наталья Бердюгина

Путешественник, действительный член
Русского Географического Общества.

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный
член Русского Географического Обще-
ства. Победитель конкурса «Многоликая
Россия — 2010»

ДОКТОР СЕНКЕВИЧ

О докторе Сенкевиче наша исследовательская группа узнала совершенно случайно. Один из коллег-краеведов, зная о нашем увлечении этносом народа манси, посоветовал обратиться в Свердловский областной музей истории медицины. Дескать, видел в экспозиции музея несколько интереснейших фотографий о манси. Так мы впервые узнали о Сенкевиче. Коллекцию документов, личных вещей и фотографий Эмиля Мариановича, доктора медицинских наук, страстного охотника и исследователя манси, собрал первый директор музея — Александр Дмитриевич Бальчугов. В свое время он был участником нескольких этнографических экспедиций областного краеведческого музея в Ивдельский район в 1960–70-х годах. Во время этих экспедиций Александр Дмитриевич увлекся мансийской этнографией. И это обстоятельство послужило весомой причиной для сохранения наследия Сенкевича в период создания Музея истории медицины.

Во время нашего знакомства с экспозицией музея оказалось, что здесь хранится альбом с фотографиями, принадлежавший Эмилю Мариановичу. Открыв его, мы оказались в удивительном мире северной тайги и ее обитателей. Нас очаровали эти небольшие фотоснимки размером с визитную карточку, аккуратно наклеенные на страницы «видавшего виды» старенького фотоальбома. К сожалению, до нашего прихода они должным образом так и не заинтересовали никого. А жаль, поскольку их создатель оказался человеком незаурядным, тонко подметившим уникальные «картинки» из жизни инородцев, в основном манси, на Северном Урале.

Так уж сложились обстоятельства, но к моменту нашего поиска и исследования из семьи Эмиля Мариановича Сенкевича оставалась в живых только сноха — Тамара Леонидовна. Общаясь с ней, мы были рады тому, что успели застать ее в живых. Яркие, колоритные рассказы из жизни семьи Сенкевичей, отсутствие обычных домашних пересудов, воспоминания только приятных, позитивных моментов — вот то, что мы смогли записать с ее любезного согласия. К нашему глубокому сожалению, Тамара Леонидовна умерла в ноябре 2011 года.

Часть сведений о непростых перипетиях семьи Сенкевичей мы опускаем, чтобы не утомлять читателей. В обрывочных воспоминаниях об особенностях непростых взаимоотношений, впрочем как и в любой семье, чувствуется харизма героев любознательность, и творческое начало.

Тамара Леонидовна помогла нам не только в расшифровке вопросов «давних лет», но и описании личности нашего героя.

Эмиль Марианович родился в 1880 году в семье польского дворянина Мариана Анастасьевича Сенкевича — участника польского восстания 1863 года, сосланного за это в Сибирь. О ранних годах детства и юности Эмиля почти не сохранилось никаких свидетельств. Но точно известно, что его назвали Эмилем в честь бабушки Эмилии Сенкевич. В семейном архиве сохранилась лишь пара старинных фотографий. С пожелтевших снимков на нас глядит женщина с правильными чертами лица, несколько суровыми — высокий открытый лоб, прямой нос, «острый угол» подбородка и, главное, пронзительные глаза.

Отец, как уже было сказано выше, оказался вовлеченным в серьезную политическую неразбериху, в результате чего был сослан в Сибирь. До конца своих дней он так и не смирился со своей участью, страстно любя Польшу и не приемля Россию. В ней все было против бунтовщика. Местом ссылки для Мариана Сенкевича, как и для многих поляков, стал Иркутск. Срок наказания уже подходил к концу, семья строила планы переселения на Украину.

Было осуществлено грандиозное путешествие в Киев. На обратном пути судьба преподносит очередную удар. Во время переезда на пароходе взрывается котел, в результате чего погибают многие пассажиры, в том числе и семья Мариана Анастасьевича — жена и трое ребятишек.

Спустя несколько лет Сенкевич вступает в брак с Аврелией Яковлевной Маковской.

Наконец он обретает долгожданное счастье. Эмиль — самый старший из троих детей. За ним родились Константин (в семье его ласково называли Кеа) и младшая Доня. Рассматривая пожелтевшие семейные фото, мы любовались этой семьей. Застенчивая Доня, Кеа — романтичный юноша. Эмиль поразил нас обликом утонченного, но зрелого мужа. Повзрослев, он отпускает бородку — она несколько не портит его внешний вид, наоборот, подчеркивает манеру «держать себя». Его неловко назвать щеголем, поскольку чувствуется утонченность в одежде (не броско, но отменно) и поведении (выдержанно и элегантно). Этот стиль можно легко проследить во всех последующих снимках, запечатлевших нашего героя.

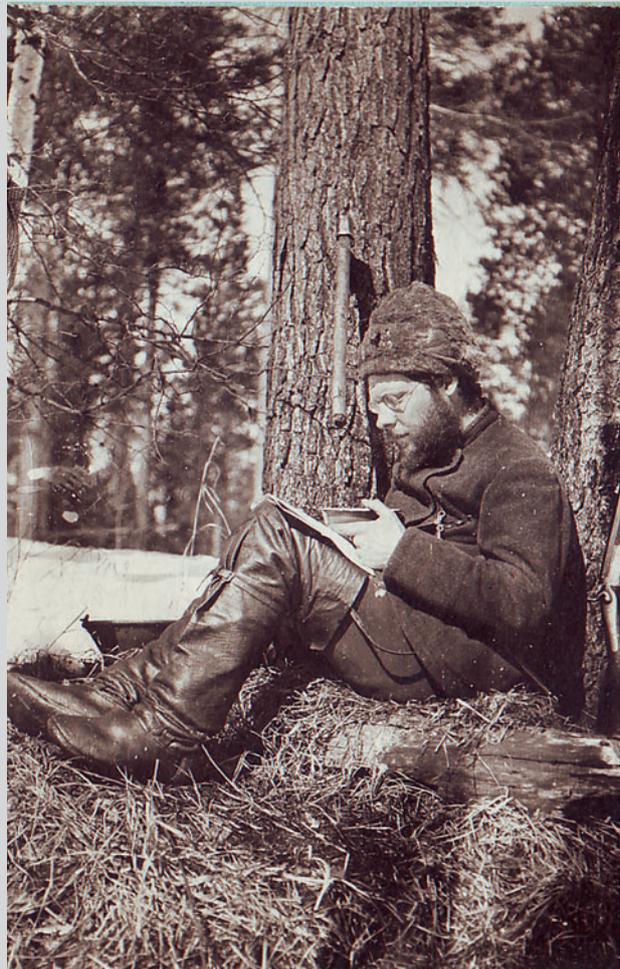
Эмиль Марианович получает медицинское образование в Варшавском университете. На этом настоял его отец. Всю свою жизнь Мариан Анастасьевич стремился обратно в Польшу и мечтал о том, чтобы семья все-таки переехала туда. Правда, звание врача Эмиль не успевает получить — придется добиваться этого позднее и уже в России. В Казанском университете он проходит Испытательную комиссию, и ему присуждают звание доктора.

Одним из самых знаковых событий для доктора Сенкевича стало знакомство там же, в Казани, с врачом Александрой Захаровной Комлевой, будущей женой. Она тоже врач и это обстоятельство сыграет важную роль в жизни обоих. Жизненный интерес, врачебное братство, общее дело, клиника, широкий круг знакомых — все это сопровождает семейную пару. Правда, надо сказать, что отец, Мариан Анастасьевич, был не в восторге от выбора сына, он предпочитал видеть снохой польку. Не скрывая своих чувств, он даже пишет об этом Александре Захаровне.

По мнению Тамары Леонидовны, будучи страстным охотником, Эмиль Марианович добивается разрешения поработать несколько лет объездным врачом в поселке Пелым. Кроме всего прочего, и «северная зарплата» поспособствовала тому, что с 1905 по 1907 год доктор Сенкевич работает на Северном Урале. Именно эти три года его работы врачом в захолустье — одни из самых интереснейших для нас в его биографии. В этот промежуток времени Эмиль Марианович узнает, описывает, фотографирует, исследует такой огромный объем материала, что невольно хочется снять шляпу перед этим скромным врачом, который даже не предполагал, что сумел запечатлеть для потомков уникальнейшие картины из жизни исчезающего народа.

К сожалению, мы не смогли найти описания большинства снимков, которые попали в Свердловский областной музей истории медицины и в наш собственный. Возможно, и сохранились где-то путевые дневники доктора. Но, по признанию Тамары Леонидовны, все записи по недоразумению (поверьте, не по злему умыслу!) были выброшены вместе с ненужными бумагами. Остались лишь великолепные статьи в журналах «Уральский охотник» и «Вестник знания», опубликованные в середине двадцатых годов прошлого столетия, архивные фотографии, принадлежавшие Т.Л. Сенкевич, и ее воспоминания.

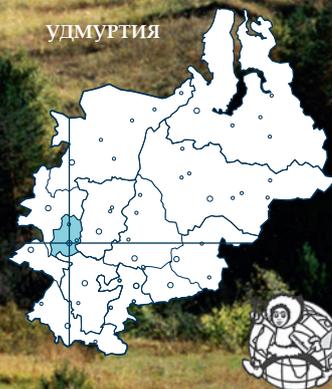
Перед нами стоит непростая задача связать все, что узнали, в единое целое и рассказать вам об этом удивительном человеке. **УС**

ЗАГАДКА СВЯЩЕННОГО ЗВЕРЯ

Иллюстрации предоставлены авторами

Удмуртия

▲ Вид на Зуевоключевское городище в Удмуртии

«Ну, то, что ездовые собаки бывают, это я слышал.

А вот чтобы ездовые коты...»

Кто не помнит эту фразу мультяшного кота Матроскина? Ее мы и решили поставить эпиграфом к нашим заметкам. Они касаются новых интересных находок археологов, раскрывающих странные и необъяснимые, казалось бы, стороны жизни древних людей. Правда, связаны они не с котом, а с таинственным обитателем лесов Северной Евразии. В мифопоэтическом творчестве и обрядовой практике разных народов этому зверю отводится едва ли не самое почетное место, его называют и «батюшкой», и «братом человека», и «лесным князем», и наоборот. Таким объектом поклонения был главный соперник человека — медведь.

Елизавета Черных

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета, автор и соавтор 7 монографий и более 100 статей. Область научных интересов — ранний железный век и средневековая история народов Урала. Более 30 лет руководит отрядами Камско-Вятской археологической экспедиции, участник и организатор раскопок памятников в Прикамье и на Урале, Верхней Волге, Калининградской и Ростовской областях.

Лариса Липина

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета. Окончила художественно-графический факультет. Область научных интересов — искусство народов, проживавших в Прикамье в древности и средневековье, в частности — бронзовая костюмная гарнитура с образами животных и смысл композиций с ними. Автор около 30 научных работ. В настоящее время пишет книгу о бронзовых украшениях прикамского костюма и занимается графическими реконструкциями археологических материалов.

Образ медведя стал популярным в уральском искусстве со времен каменного века. Пожалуй, самым распространенным можно считать изображение медведя в так называемой жертвенной позе, где зверь показан склонившим голову на передние лапы. Обряды жертвоприношения медведя хорошо известны по этнографическим свидетельствам и, прежде всего, по описаниям «медвежьих праздников» у разных народов Урала и Сибири. Убитый медведь в этих действиях играет роль «генерала», виновника торжества, которому воздаются почести.

Совсем недавно среди предметов ананьинского звериного стиля (назван так в честь древнего могильника, найденного у д. Ананьино близ г. Елабуги в Татарстане и давшего название археологической культуре I тыс. до н.э.) внимание ученых привлекла серия рукоятей ножей и шилев. Изображение медведя на этих предметах выходило за рамки общеизвестного канона. Необычным явился один весьма занимательный элемент — перевязь, охватывающая морду хищника. То, что перед нами детали какой-то упряжи, не вызывает сомнений. Но ведь это никак не сочетается с почтительным отношением к медведю. Неужели обитатели горо-

▲ Костяная рукоять с Зуевоключевского городища (р. Кама, Удмуртия)

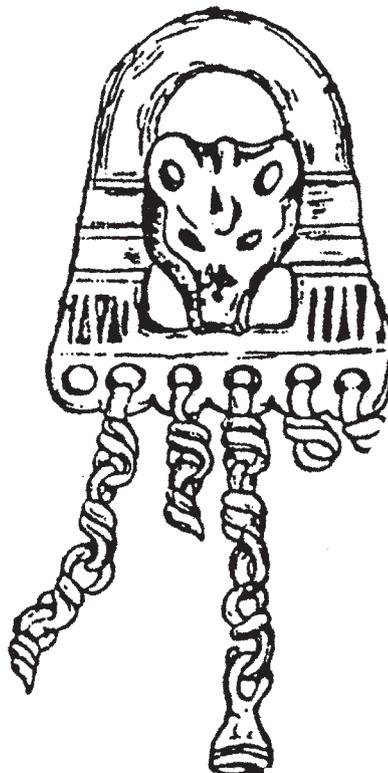
дищ на Каме и Вятке 2,5 тысячи лет назад пытались приручить лесного зверя? С какой целью?

К тому же временному отрезку, что и рукояти, относятся миниатюрные псалии (древние принадлежности удила) из медвежьих фаланг, украшенные резными изображениями голов медведей. Размер псалиев наводит на мысль об использовании их в качестве креплений намордника, ошейника или шлейки для небольшого зверя — возможно, выращиваемого в неволе медвежонка. В сибирских этнографических материалах встречаются сведения о содержании медведей в селениях нивхов и айнов, с последующим приношением их в жертву. Матерых медведей держали

в неволе по несколько месяцев, а медвежат до тех пор, пока они не станут сильными и не обростут толстым слоем жира (до 3-х лет). Логично предположить, что для содержания медвежонка использовалась какая-то ремennая конструкция.

На разных этапах ритуала приношения в жертву медведя, выращенного в неволе, применялось перевязывание головы, морды или шеи зверя. Так, у негидальцев, живших на Амуре и Аргуни, существовал обряд сѳналла — перевязывания медвежьей морды особым образом, когда в пасть зверя вкладывали палочку в малую четверть длиной, на обоих концах которой было вырезано изображение головы медведя; к одному из концов этой палочки привязывали ремешок или кусок тальникового лыка, который затем протягивали

Изображения медведя в жертвенной позе на средневековых металлических украшениях народов Урала ▼

▲ Миниатюрные костяные псаали с изображением медвежьих голов

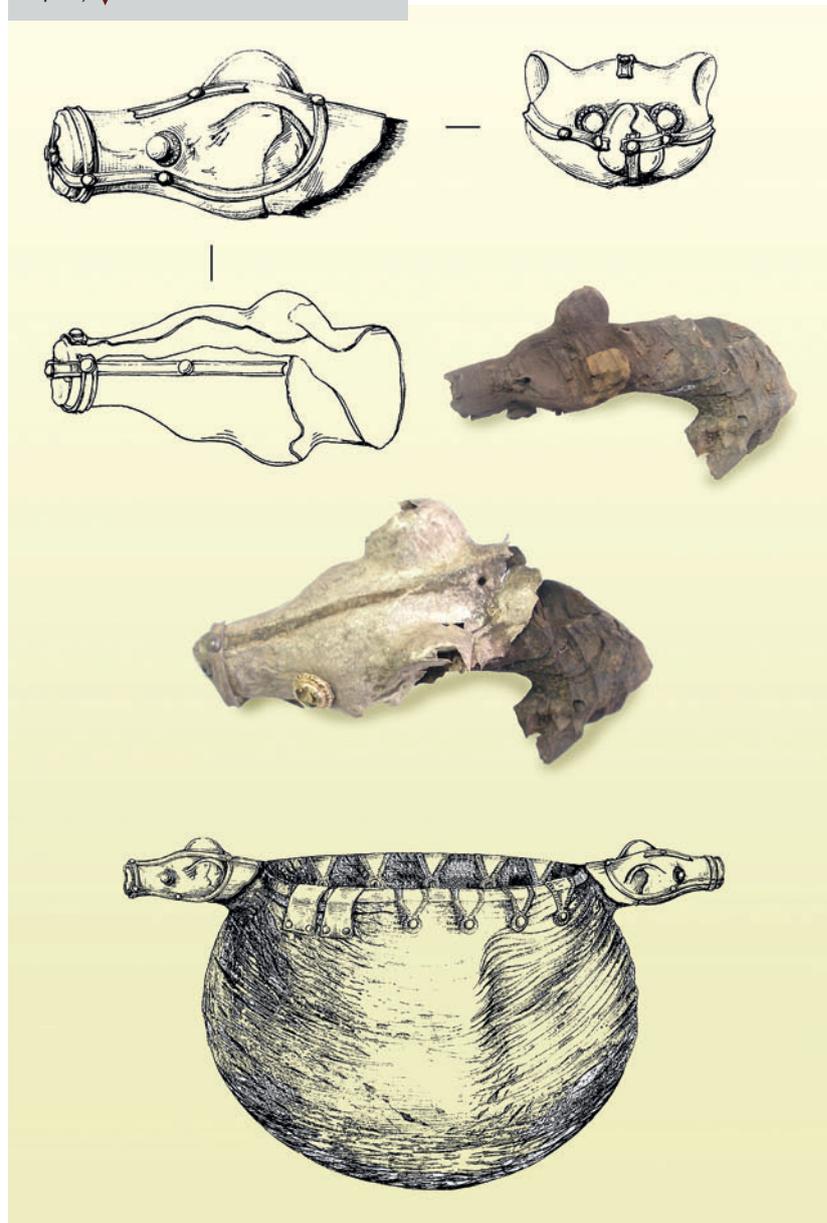
под нижней челюстью, заматывали на другом конце, перекидывали через нос, снова заматывали за первый конец и пропускали между клыками. По сути, надевали «намордник». Яркой иллюстрацией этого сюжета являются декоративные ручки в виде медвежьих голов на чаше из капа, найденной археологами в одной из могил раннесредневекового Верх-Саинского могильника (Пермский край), где хорошо видна конструкция и декоративные детали крепления ремешков на голове зверя.

Однако сюжет обузданного медведя в древнем искусстве не исчерпывается натурным изображением зверя в наморднике, и его трактовка вряд ли ограничивается значением «привязывания его души» на медвежьем празднике. На наш взгляд, этот сюжет будет более понятен, если обратиться к шаманским ритуалам. Один из знатоков урало-сибирских археолого-этнографических материалов Михаил Федорович Косарев заметил, что, несмотря на свое небесное происхождение, медведь по своим признакам больше похож на божество подземного мира. На селькупских культовых рисунках шаман, спускающийся в Нижний мир, изображался сидящим на медведе. По материалам этнографа Г.Н. Грачевой, шаман во время камлания погонял ездовых медведей, представленных шкурами медведицы и ее сына, и называл их «моими собаками». Смутные упоминания о езде на медведе отмечаются и у шаманов аганских хантов (Аган — приток Оби близ Сургута). Вероятно, взнузданный медведь — это помощник шамана в его путешествиях по разным мирам Вселенной, преимущественно нижним.

К сожалению, в мифологических материалах сюжеты на эту тему крайне лаконичны. У саамов: Солнце поручает своему зятю объехать

по небу весь мир, и часть пути — утром, надо ехать на медведе. У венгов: герой привозит из леса бревно

Культовая чаша с Верхсаинского могильника (р.Сылва, Пермский край) ▼

на медведе. Других сохранившихся мифов о таком использовании медведя нет. Очевидно, данная ситуация может быть объяснена чрезвычайной архаичностью и древностью традиции, сохранившейся до наших дней лишь в небольших фрагментах.

В начале 2000-х годов на одном из ананьинских городищ был найден череп очень старого (около 30 лет), больного и увечного медведя, неспособного, по мнению специалистов, дожить до такого возраста без помощи человека. Вероятно, его содержали в неволе, отнюдь не имея целью ритуальное убийство. На левом верхнем клыке хищника сохранились следы искусственных спилов. Может быть, это самое древнее свидетельство воспитания бродячего артиста, предсказателя судеб или участника древних мистерий? **УС**

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

◀ Казак. Литография Лезена.
1805 г.

Кзаки-чародеи

Иллюстрации предоставлены автором

Конь уже оседлан и взнуздан. Вычищены и проверены сабля, пика, пистолеы. Уложена в гаманец нехитрая дорожная снедь. И сам казак одет по всей форме: в седло — и в дорогу!

Да очень уж длинен путь, ехать мучно: то ветер пылит, то дождь мочит... А нельзя ли п о б ы с т р е й? Да отчего ж нельзя? Или я не характерник? Не владею временем и пространством?

Если казак знал и помнил свой путь, он его вначале мысленно вообразил, как бы сейчас сказали — визуализировал, в виде некоей схемы, от начальной точки до конечного пункта. Некий отрезок пространства.

Затем рядом в уме проводилась расплывчатая, как бы размытая черта — время пути.

Сначала оба отрезка выглядели одинаковыми по длине. Затем медитировавший казак мысленно вытягивал отрезок, обозначавший время. Отрезок пути становился короче времени, которое должно было быть реально затрачено на его прохождение. И не только в медитации — наяву тоже! Поход, обычно длившийся месяц, такой чудесник мог пройти за пару дней... И «сваливались» тогда казаки будто ниоткуда, как снег на голову, на великое удивление друзьям, а врагам — на суеверный ужас...

Антон Васильев

Профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике — молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании», «Уральском следопыте». Живет в Москве.

▲ Яицкий и оренбургский казаки. 1774 г.

После ритуала оставалось лишь вскочить в седло, ухарски заломить набок шапку, скакуна плеточкой «погладить». Да запеть любимую уральскую казачью:

*В степи широкой под Иканом
Нас окружил кокандец злой,
И трое суток с басурманом
У нас кипел неравный бой...*

...Старики говорили о них неохотно. Но, если очень уж упрашивали внучата, начинали рассказ — то ли сказку, то ли быль, старательно замаскированную под сказку. Больше всего этих легенд помнят в южных наших землях, в донских, кубанских и уральских станицах, в беленых хатках Малороссии под свечами пирамидальных тополей:

— Издревле на Руси жили особые казаки. Откуда их уменье пошло — неизвестно, болтунов среди них не водилось, в языческие времена их не трогали, а можно сказать — почитали. Могущество их уважали, да и мало их было. А потом, когда христианство завели у нас, так не очень почетно это стало, да и ушли казаки-чародеи на дальние реки, в дремучие леса, в горы али еще куда...

— А что они умели? — боязливо спрашивали внучата.

— Всякое умели... Мир знали лучше обычных людей. Невидимое видели, со временем договаривались, еще они превращенцами часто были, оборотнями то бишь, летать умели. И еще убить их врагу трудно было. Чувяли они свои пули, затылок у них пред тем холодел; лечиться могли и водой наговорной, и травами, и си-

лой деревьев да камней. И дрались так, что турки, ляхи да татары только завидовали. Вот возьмет характерник две саблюки и, как мельница, всех на пути в капусту покрошит.

Еще их звали галдовниками, химородниками. Ох, многое умели эти казаки: и мертвых на ноги ставить, и невредимыми выходить из воды и огня, и во мгновение ока переноситься из одного края степи в другой.

Только мало их было... десятка два в каждом роду. Это именно характерники, которые по уму управляли силой своей, а сколько ту силу дуриком использовали — бес и тот не знает. Один ученик обычно за всю жизнь у характерника бывал.

— А если их так трудно убить было, от чего же они умирали?

— Жить они могли гораздо дольше простых людей, хотя говорят, что некоторые и от смерти уходили. А бывало, умрет колдун такой, его закопают, а он через день живым мертвяком ходит.

Тут дети шепотом спрашивали старика:

— Так они с чертом знали, что ли? Чтoб силищу этакую-то получить?

— Странные они, конечно, были... Но воевали лишь за русскую волю, к добру тянулись, хотя и пекла не боялись. И страдали от уменья своего...

— Дедуня... А старые люди на селе говорят, что ты из казачьих краев родом, что всех твоих убили, а ты один утек. Чтo ты сам...

— А ну спать, неслухи! На печку, живо!

Большинство преданий и легенд про характерников были записаны только в XIX веке, однако первые упоминания о них уже встречаются в летописях, относящихся ко второй половине XVI века.

«Характерным» называли человека «с изюминкой», с чудачватым, упрямым характером, увлеченным чем-то необычным (тем же, к примеру, кладоискательством). Да и сами мастера казачьих искусств, вероятно, напускали вокруг своих дел таинственности, чтобы поменьше мешали непосвященные...

Слово «характерник» чаще всего выводят от греческого «характер», но некоторые считают его искаженным санскритом, переводя как «наделенный божественной силой» (вспомним чакру «муладхара».) в японском языке слово «хара» также обозначает центр жизненной силы. Одним словом, так называли человека, наделенного способностями знахаря или

воина-мага, и в силу этого уже резко выделявшегося в казачьей среде. Таких казаков-чародеев нередко именовали также «галдовниками» (от украинского «галдовать» — колдовать) и «заморочниками», потому как умели они напускать «морок» (гипноз для отвода глаз), а иногда просто называли знахарями и колдунами.

Казачьи и богатырские чародеи стали неотъемлемой частью былин, легенд и сказов. Д.И. Эварницкий в своем двухтомнике «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» (1888 г.) пересказывает народные легенды: «А як вийдуть на війну, то їх б'ють кулями (пулями), а вони собі й байдуже: пазухи порозставляють і збирають туди кулі. «Та ну был!» — кричить кошовий хлопцеві, а сам і без пістоля і без рушниці стоїть. «Підожди, батьку, наберу куль та тоді і постріляю».

Старики рассказывали Эварницкому о казаках: «На войне их никакое оружие не брало, кроме серебряной пули, а погонишься за ними — так и не поймешь, то ли они люди, то ли что другое... Кинет дрюк в реку, на дрюк раскинет повсть (полы кафтана), сядет на ней как на плоту, на кобыне играет, горилку пьет и плывет...»

- А скажи, куда ж они подевались?
- Загнали их.
- И далеко загнали?
- Туда, где чертям рога правят...

Характерникам приписывалось также умение навредить «морок», или «омману», на врага, внушая что угодно целым полкам противника. По старинным легендам, запорожские ведуньи перед боем чертили в воздухе особые знаки, вероятно, схожие с рунами, и силой мысли посылали их в сторону неприятельского стана. Через некоторое время враги начинали, как безумные, истреблять друг друга...

Русская и украинская литература неоднократно упоминала о чудесах характерников. Об этом можно прочесть в романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей», где атаманша Маруся околдовывает красного командира, ведущего ее на расстрел. Подобные люди появляются и на страницах романа «Черная рада» Пантелеймона Кулиша, известного писателя и этнографа. В ставке Богдана Хмельницкого, неизвестно, за какие грехи, сидел в погребе запорожец, вытворивший со стражами что угодно, но почему-то не сбегавший. Его нарочно завязывали в мешок, подвешивали к потолку, а он собственной персоной уже шел из-за двери...

Разумеется, всем памятен гоголевский ясновидящий Пацюк, устраивавший телекинез вареникам. Он тоже был с Запорожья...

Особенно много характерников было среди казачьих атаманов. Наиболее известны Степан Разин, умевший, согласно донским легендам, проходить сквозь стены и исчезать в воде, и кошевой Иван Сирко. Последний, по преданию, родился с зубами. Турки и татары никогда не принимали с ним прямого боя, прозвав запорожца живым шайтаном, а султан Турции приказал молиться в мечетях о его гибели.

Сирко ходил на войну с небольшим отрядом, считая любое сражение забавой, и никогда не добивал побежденного врага. После смерти Сирка запорожцы забальзамировали его правую руку и возили ее с собой в походы: она неизменно приносила удачу... «Кто будет равен мне, — говорил Сирко, — тот мне брат, а кто превзойдет — вовеки будет проклят». По некоторым данным, Стенька Разин оказался характерником посильнее — церкви до сих пор поют ему анафему.

И если воинские заговоры довольно широко бытовали среди казачества, особенно в кругу пластунов, то лечеб-

ные молитвы были уделом немногих. Такими казачьими медиками большею частью были кашевары.

Процесс приготовления пищи в казачьих верованиях всегда считался занятием мистическим, сопровождаемым заговорами — его предваряли разжигание «вагры» (на санскрите — «живой огонь») и взятие из колодца «непочатой» воды, да и любая кашеобразная пища часто была частью таинства, стоит вспомнить хотя бы рождественское сочиво, пасху или поминальную кутью.

Среди многих народов — славянских, кельтских, германских — живы легенды о воинах-чародеях, умевших превращаться в зверей и птиц. Вообще же «ликантропия» (превращение людей в волков) имеет корни сверхглубо-

▲ Казачья Мадонна

кие. Самые ранние сведения о ней сохранились в «Истории» Геродота, где в книге четвертой «Мельпомена» описываются нравы скифского народа неуров, могущих оборачиваться в волков.

Покровителем волков у славян считался святой Егорий (Георгий), заменивший собою в пантеоне Перуна. В языческие времена образ громовежца представляли в сопровождении двух волков, считавшихся его хортами (псами). Интересно, что от слова «хорт» происходит название запорожской колыбели — острова Хортицы, который является местом выхода на поверхность мантийного канала с огромным энергетическим выбросом.

Помимо этого, украинское слово «сиром» (так называлось рядовое казачество) является одним из эпитетов волка, извечного спутника Перуна. В волка же умели превращаться, как говорит «Слово о полку Игореве», и некоторые древнерусские князья — и не только Всеслав Полоцкий, который «.. въ ночь влькомъ рыскаше...», но и сам князь Игорь при бегстве из половецкого плена: «Въвржеся на бръзь комонь и скочи съ него бусымъ влькомъ». Так что совсем не случайно запорожское казачество

появилось именно на Хортице, этом ведическом сакральном центре.

Клан характерников внутри казачества в Запорожском войске имел свой курень и свой флаг. Один из таких флагов несет в своем поле знак, шитый серебром на пурпурном фоне или золотом на белом, который переводил человека в состояние, характеризующееся термином — Проникновение. Именно с этой целью и использовались характерники в Сечи. Их обязанностью была глубокая разведка и разрушение планов противника.

Для этого химородники проникали на территории, занятые врагом, часто под видом путников или купцов, всегда безукоризненно выполняя задания, которые ставил перед ними кошевой. В этой роли функции воинов-ведунгов были аналогичными тем, которые выполняли легендарные ниндзя в древней Японии. В близком кругу кошевого всегда на каких-то должностях находилось два-три характерника, так сказать, под рукой, на всякий критический случай.

Характерники, видящие человека буквально насквозь, читавшие по глазам, как по книге, были лучшей из всех возможных служб безопасности Сечи.

Воины-чародеи разбивались на пятерки, отвечали друг за друга, и не было «святое уз товарищества». Сохранился текст ману, которая, по поверью, забирала силу у противника: «Облачусь пеленой Христа, кожа моя — панцирь железный, кровь — руда крепкая, кость — меч булатный. Быстрее стрелы, зорче со-

кола. Броня на меня. Господь во мне. Аминь».

Одно из правил характерника было не влюбляться в обычных женщин, потому что «непосвященная» подруга могла вытянуть из него энергию, необходимую в бою. Характерники не были сплошь холостяками, но жениться старались только на «своих», на девушках из ведовских родов. Среди их избранниц встречались ведуньи и воительницы, не уступавшие никакому мужчине. Помните старинную былинку о Деве-Полянице, с которой еле сладил могучий маг Вольга, или о киевлянке-змеепоклоннице Марине, заворожившей Добрыню Никитича?

Вот наиболее древняя легенда о характерниках. Жил когда-то в изначальной Руси непревзойденный мастер владения мечом Дубежич. Он долго странствовал по свету, пройдя за Камень-Пояс и Сибирь к сияющим снегам Горного Алтая. Там русский странник был принят в обитель просветленных — Беловодье. Дубежич стал среди них своим, получил посвящение и принес на Русь то искусство владения оружием в измененных состояниях сознания, когда человеческое естество приобретает совсем другие качества, и способности его, с точки зрения обычного человека, становятся невероятными.

Вернувшись седым стариком домой из того многолетнего путешествия, Дубежич передал Знание своим детям — сыну Лано и дочери Коре, от потомков которых и пошли воины-маги в дружинах русичей.

Учеба премудростям характерников начиналась с очень простых,

на первый взгляд, вещей. Мастера завязывали ученикам глаза повязкой, приучая ориентироваться в окружающем мире только на слух. Потом — только на запах, перевязывая уже и уши. Ученики занимались резьбой по дереву, все время вырезая один знак, который напоминал луковицу в разрезе. Вырезали до тех пор, пока тот знак не начинал звучать, становясь ключом к соответствующему внутреннему пространству. Добиться этого можно лишь одним-единственным способом — нужно было тот знак «увидеть» внутренним зрением и точно воспроизвести. Так открывалось внутреннее виденье истинного содержания вещей в окружающем. За тем новым виденьем шла перестройка всей жизни. Спать, одеваться, есть, действовать нужно было по тому виденью, пока оно не становилось человеческим естеством. Дальше шло усвоение боевых техник, в основу которых была положена стихия воздуха с помощью посвящения Стрибогу. Темным знаком, соединявшим боевые техники в одно целое, был черный степной орел или коршун.

В казачьих войсках практиковалось, наряду с обычным, военное целительство для экстремальных ситуаций. Благодаря своим секретам казаки устояли в войнах с Польшей, Турцией, киргизами, Кокандом и Хивой, крымскими и сибирскими татарами. Целорник (от слова «исцеляю») был почитаемым человеком, его труд высоко оплачивался. За лечение ран, как правило, колотых и рубленых, у одного больного ему платили десять золотых — такова была стоимость хорошего коня.

Казачьи целорники знали много заговоров и наговоров — лечебных мантр, особым резонансом действовавших на источник болезни. Сейчас известно, что каждая клетка нашего организма слышит и обладает собственным сознанием. Казачьи медики во времена Грозного царя лечили на клеточном уровне!

При авитаминозах, анемии, после тяжелых заболеваний применяли в равных частях траву трилистника и листья шавеля. Их сушили на солнце с 11 до 12 часов дня в течение 20 минут. Три пригоршни заливали 1,5–2 литрами воды, доводили до кипения и настаивали на углях два-три часа. Пили настой теплым три раза в день по полстакана.

Чтобы снять стресс и успокоить нервы, брали горсть высушенной астры-ромашки или дикой ромашки, заливали траву стаканом горячей медной воды и настаивали 30 минут.

▲ Уральский казак в степи

(Чтобы приготовить медную или железную воду, в кипяток бросали железные или медные опилки, настаивали, пока вода не остынет.) Такой настой давали казакам, освобожденным из плена.

При варикозном расширении вен казаки брали мелкую рыбу, чистили, мелко резали ее и варили до однородной массы. Затем добавляли ложку рыбьей крови, перемешивали и клали больному на ногу компресс на ночь.

Землю из определенных «мест силы» целорники заворачивали в паутину, и она мгновенно останавливала кровотечение. Но в этом лечении тоже были свои секреты. В прежние времена дикое поле Сечи было под

энергетической защитой порогов Днепра. Вода, проходя через пороги, несла мощную энергетику, являясь источником «казачьего спасения». Теперь на этих местах — водохранилище и атомная станция. Кто-то очень захотел превратить один из сакральных центров Руси в «промышленную зону».

И только ветер, летящий над степью, еще поет, шелестя емшаном-попынью, про казачьи подвиги, курганы и клады. Про рыцарей-чародеев...

Но, может... они живы и сейчас? **УС**

▲ Французы в 1812 г, пленные ополчением (И.М.Прянишников)

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ПРЕЛЕСТНЫЕ ЛЮДОЕДЫ

Иллюстрации предоставлены автором

Да, да, почтеннейший мой книжник!

Заткни фонтан и не рюми —

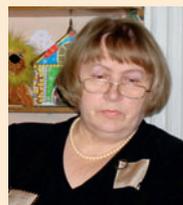
Ведь косолапый шаромыжник

Произошел от cher ami.

В.Князев

«Вопреки бесчисленным поклонникам Наполеона, беру смелость думать, что для такого великого гения, каким его считают, он слишком уж уверен в своем счастье и в своих способностях, слишком легковверен, неосторожен, малосведущ. Слепое счастье, стечение обстоятельств, угнетенное дворянство и обольщенный народ помогли ему взойти на престол; но удержаться на нем, достойно занимать его будет ему трудно. Сквозь его императорскую мантию скоро замят артиллерийского поручика, у которого от неслыханного счастья

зашел ум за разум: неужели, основываясь на одних только сведениях географических и донесениях шпионов, можно было решиться идти завоевывать государство обширное, богатое, славящееся величием духа и бескорыстием своего дворянства, незаблемой опоры русского престола; устройством и многочисленностью войск, строгою дисциплиною, мужеством их, телесною силою и крепостью сложения, дающего им возможность переносить все трудности; государство, заключающее в себе столько народов, сколько и климатов, и ко всему этому

Наталья Запорожцева

Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

имеющее оплотом своим веру и терпимость? Французы — неприятель, достойный нас, благородный и мужественный; но злой рок в виде Наполеона ведет их в Россию; в ней положат они головы свои, в ней рассыплются кости их и истлеют тела».

Так писала Надежда Дурова в своих «Записках кавалерист-девицы». Слова ее оказались пророческими. Много наполеоновских воинов полегло в заснеженной России.

Царские власти даже затруднились учесть завоевателей, разбредшихся по городам и провинциям необъятной России. Еще в декабре 1812 года Михаил Кутузов писал жене, что в России осталось, по крайней мере, 150 тысяч солдат и офицеров Великой армии.

На 1 января 1813 года, по данным Министерства юстиции, в стране насчитывалось более 216 тысяч пленных: около 150 тысяч в лагерях Ярославля, Костромы, Вологды, Калуги, Саратова, Орла, Тулы, Урала и 50–60 тысяч так называемых «шаромыжников» — попрошаек, нашедших приют у населения (прося милостыню и ночлег, они обращались к местным жителям «сег ами» — «дорогой друг», поэтому получили прозвище «шаромыжники или шерамыжники»). От «шевалье», как называли себя французы, в России пошло ругательское «шваль». Да и как иначе назвать «завоевателей»,

превратившихся к зиме в несчастных грязных оборванцев!

Участник наполеоновских войн Ф.Н. Глинка писал: «Декабрь 1812 г. До какой степени доходит остервенение человека! Нет! Голод не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников назвал французов обесчеловечившимся народом. Голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они, нимало не содрогаясь, и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! И гибнут как мухи в самую позднюю осень. Большая часть их совсем обезумели; бродят как слепые. Желая обсушиться, мы оправили кое-как одну избу и истопили печь. Сотни стенающих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Едва почуяли они теплый дух, как присыпали к дверям. Втеснилось их несколько десятков. Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Множество голосов на всех почти европейских языках вопили, жаловались и изрыгали проклятия на Наполеона. Они с голода кусали друг друга. Намедни один француз, взламывая череп недавно убитого товарища, говорил мне: «Возьми меня: я могу быть полезен

России — могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти выморозки поправятся, и наши расхватают их по рукам — в учителя, не дав им даже и очеловечиться... В Борисове несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит!.. Которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печью, заползают в камин и страшно воют, когда начнут их выгонять. На улице мороз 20 градусов. Недавно пошли мы в одну избу и попросили хозяйку протопить печь. «Нельзя топить, — отвечала она, — там сидят французы!». Мы закричали по-французски, чтобы они выходили есть хлеба. Тотчас трое, черные как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами. Каждый предлагал свои услуги. Один просился в повара; другой — в лекари; третий — в учителя! Мы дали им по куску хлеба и они поползли под печь. В самом деле, если вам уж очень надобны французы, то вместо того, чтобы выписывать их за деньги, присылайте побольше подвод и забирайте даром. Их можно ловить легче раков. Покажи кусок хлеба и целую колонну сманишь! Сколько годных и в повара, в музыканты, в лекаря, особливо для госпож, которые наизусть перескажут им всего Монто, в друзья дома и — в учителя!!! И как

▼ Картина В.Верещагина «На большой дороге. Отступление. Бегство...»

▲ Колокольня Покровской церкви г.Сарапула – храм Победы в Отечественной войне, сохранившиеся фрески в храме

ручаться, что эти же запечные французы, доплзая до России, прихлясь и приосанясь, не вскружат голов прекрасным россиянкам, воспитанницам француженок!.. Некогда случилось в древней Скифии, что рабы отбили у господ своих, бывших на войне, жен и невест их. Чтобы не сыграли такой штуки и прелестные людоеды с героями русскими!..»

В довоенное время хороший француз-гувернер стоил тысячу рублей в год. А тут вдруг толпы «гувернеров», готовых за ночлег и еду учить кого угодно и чему угодно. Предприимчивые казаки распределяли пленных по дворам в качестве бесплатной рабочей силы. Редким был дом, где бы ни было пленного француза. Сначала «мусье» шел за полтину. Вскоре цена поднялась. Из писем военнопленных стало известно, что некоторые помещики центральной России, купив «мусье» за рубль, записывали их в крепостные.

Однако предложение служить в русской армии военнопленные «приняли с надменностью, отозвались презрительно, что российская служба по дисциплине и числу жалованья им не нравится». Из дезертиров и пленных все же удалось сколотить русско-германский и испанские полки, численностью не более 8 тыс. чел. Но что делать с остальными? И родился проект: предложить пленным временно или постоянно поселиться в России, заселять ими свободные земли, привлекать на фабрики, заводы, другие промышленные предприятия иностранных специалистов. Губернские власти стали активно выявлять всех мастеровых и отправлять их на заводы и фабрики. Пленные, пожелавшие вступить во временное (от 2 до 10 лет) или вечное подданство, должны были выбрать сословие крестьянства или дворянства. К середине 1814 года русское подданство приняло примерно 60 тысяч пленных. Но большинство пред-

почитало записываться во «временное гражданство», надеясь когда-нибудь возвратиться на родину.

В 1813 году пленные французы начали прибывать в Вятскую губернию. Первая партия в тысячу человек, одетых в ветхие мундиры и шинели, прибыла в Вятку в сильные морозы в конце января. С 1812 по 1816 год на территории Вятской губернии находилось около 5850 военнопленных Великой армии. Среди них были французы, итальянцы, испанцы, португальцы, голландцы, австрийцы, саксонцы, пруссаки, вестфальцы, баварцы, швейцарцы, поляки, датчане, немцы Рейнского союза, хорваты, шведы. Из Вятки пленные были отправлены во все уездные города губернии. В Уржум попали 7 офицеров, среди них 3 итальянца: майор Томаз Букио, капитан Арналдо Мартиненго, поручик Томаз Оттелио, в Вятку — 11 офицеров разной национальности. 900 военнопленных было направлено на Холуницкие заводы — на рудники и на выжиг угля. Группы военнопленных работали на Кирсинском железнодорожном и на винокуренном заводах. К городским общественным работам в Вятке было привлечено около 300 человек. Они выравнивали площадь возле присутственных корпусов, убирали мусор и лом около губернаторского дома, очищали каналы. В Сарапуле пленные занимались земляными работами при сооружении каменной ограды вокруг Вознесенского собора и при постройке колокольни Покровской церкви. Среди пленных встречались музыканты, танцмейстеры, живописцы, лекари, гувернеры. Им тоже было найдено применение. Так, в Вятке обосновались аптекари — француз Даву, голландец Герардус Ванбек, в Слободской лазарет был принят Луи Боже, французский штаб-лекарь корпуса маршала Нея, в Орлов прибыл Антуан Ламберт, доктор медицины и лекарь Август Бушур, оператор (хирург) егерского полка, в Елабугу Пьер Оливье, лекарь 12 линейного полка. В Котельниче проживал живописец Ипполит Дромерт, а в Слободском — два музыканта: Жак Розеф и Пьер Баноль.

Далеко не все военнопленные мирно трудились и вели себя добропорядочно, были такие, которые вселяли «страх в поселян разными буйствами и неистовыми поступками». Так, содержащийся в Вятке поручик 13-го егерского полка Франсуа Полен Ланглуа, будучи пьяным, «учинил буйственные и грубые поступки» по отношению к обывателям. В Яранске военнопленный Гонберг зарезал мещанина Каф-

танникова. В Орлове один из военнопленных подкараулил и избил палкой городничего. В распоряжение Вятского губернатора Фон Братке отправлен был из Варшавы в Вятку «один из важнейших шпионов Бонапарте» Шевалье де Варимонт с просьбой «устроить его в приличное место и иметь строжайший присмотр, чтобы шпионство его могло быть совершенно безвредно».

Добавил забот местным властям пленный французский генерал Жозеф Доменик Вандам, отличавшийся неистовым нравом. По приказу губернатора Фон-Братке Вандам был размещен в доме вятского городничего Полозова «для лучшего за поведением его надзора». Канцелярией вятского губернатора был составлен список профессионального состава пленных. Фабрично-заводских рабочих оказалось мало, в основном были сапожники, ткачи, типографские работники, шляпники, садовники и слуги. Всем пленным в зависимости от чина выдавали денежное содержание. Так, генерал получал 3 рубля в сутки, полковник и подполковник — 1 рубль 50 копеек, а нижние чины по пять копеек.

Для улучшения материального положения пленным разрешалось устраиваться на работу. На Воткинский завод осенью 1813 года из Уржума были присланы пленные итальянские и французские мастера «по каменному делу» и печник, всего четыре человека. По распоряжению управляющего заводом им были отведены «пристойные квартиры», а за их поведением уста-

новлено наблюдение. Каждому их них определено жалование по два рубля в месяц и «сверх того по два пуда провианта». Но вскоре пленные французы отказались от заводских работ из-за тяжелых условий труда, низкого жалования и плохой одежды. Заводская администрация заявила, что новая одежда полагается только раненым, которые не в состоянии уже работать, а остальные «должны доставать себе одежду чрез свои труды». Они стали требовать перевода их в Сарапул. 22 декабря 1813 года под присмотром полиции пленные из Воткинского завода были отправлены в Сарапул.

Отец «кавалерист-девицы» сарапульский городничий Андрей Васильевич Дуров в конце марта 1813 года сообщал, что в Сарапул прибыло пленных французов 145 человек нижних чинов и 5 офицеров без вещей. Он распорядился выдать им немного денег и разместить их по домам обывателей. Он считал, что там они получают еду и хоть какую-то одежду, потому что русский человек жалостлив и не питает злобы к пленным. Удалось выяснить имена офицеров, прибывших в Сарапул. Это капитаны 5 кирасирского полка Август де-Лампиньет, 2 уланского полка Луи Альфонс Сентко-стард, 11 конно-егерского полка Луи Адольф Крое, 6 кирасирского полка Лямуре и Жилом Виктор Туварак в штате генерал-майора дю-Трюне.

Городничий выяснил, кто из пленных имеет какие-нибудь способности, и перевел кого в музыканты, кого

в художники, других — в учителей танцев. Служили пленные гувернерами, преподавали рисование, языки и иные дисциплины в учебных заведениях и в домах богатых купцов. Писатель Н.Н. Блинов сообщал, что в Сарапуле было около 400 пленных французов.

Военнопленный француз Жан Предо был приглашен учителем французского языка к некоей барышне, влюбился в нее и остался жить в Вятской губернии. Его сын, коллежский ассессор Яков Иванович Предо, за добросовестную службу в Сарапульской почтово-телеграфной конторе был награжден орденом Анны и Станислава III степени, и имел трех сыновей — Валериана, Владимира и Сергея. Около 200 военнопленных не желали возвращаться на родину и остались жить в Вятской губернии. Так, группа военнопленных из крестьян поселилась в Нолинском уезде, где они основали починок Команда. В фонде Сарапульского духовного правления есть письмо бургомистра г. Сарапула Ф. Мартынова от 8 июня 1814 года о французских пленных, желавших принять российское подданство. Этим пленным французам записали в число мещан г. Сарапула с местожительством в с. Галаново и правом организации «своего дела», освободили на 10 лет от податей «для обзаведения домом и хозяйством», от рекрутской повинности и гарантировали свободу вероисповедания. Другие пленные зарабатывали себе хлеб на обществен-

ных работах. Строили они и торговые ряды у центрального Сарапульского Вознесенского собора.

Жители Вятской губернии, не столкнувшиеся со зверствами завоевателей, видели в пленных лишь несчастных, голодных иноземцев и от души жалели их. Сарапульский священник Анатолий Никольский вспоминал, что гордые французы, испытав неприязнь населения в других местностях, были поражены добродушием сарапульцев и, узнав о строительстве при Покровской церкви огромной колокольни, изъявили желание за самую низкую плату вырыть землю под ее основание. Укладывали они затем и бутовый камень в основание колокольни, соорудили каменную ограду вокруг Воскресенского собора. Сейчас от собора остался лишь фундамент, а над лавками красуется реклама хозяйственных товаров. Храмы в Мазунино, в Мостовом Сарапульского уезда также имеют документальные свидетельства участия в строительстве французов.

Величественная колокольня Покровской церкви стала символом Победы в Отечественной войне 1812 года. На 52 метра взметнулась она свой позолоченный купол со шпилем, который был виден за 20 км пассажирам паровозов с Камы. Колокол в 600 пудов, самый большой в городе, отлитый на сарапульском заводе Рябинина, оглашал окрестности. Эту колокольню — самую высокую во всей Вятской губернии — проектировал выдающийся

архитектор Семен Емельянович Дудин — европейски образованный зодчий. В годы Гражданской войны церковь сильно пострадала от обстрелов с левого берега Камы. Церковь была закрыта в 1932 году по распоряжению Удмуртского облисполкома.

Здание переоборудовано в хлебобеккарню. Сейчас она представляет собой печальное зрелище: храм, в котором сохранились прекрасные фрески с евангельскими сюжетами, почти разрушен. Фигуры Христа, апостолов осыпаются и гибнут от дождя и ветра. Это памятник регионального значения. Верующие приходят сюда молиться и многие, говорят, слышат звуки старого колокола...

В конце 2010 года Президент Удмуртии А. Волков побывал здесь с руководителем «РуссНефти» Михаилом Гуцриевым, и было принято решение восстановить Покровский ансамбль. Сейчас долгожданная реставрация храма Победы началась. Остается надеяться, что к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года величественный Храм Победы встанет над городом во всей красе. Сарапульцы надеются, что с возрождением старейшего храма начнет возрождаться и заброшенная ныне Большая Покровская улица (ул. Труда), на которой он стоит, — самая главная, самая богатая и престижная улица в старом Сарапуле и весь исторический центр города.

Уже с весны 1813 года началось освобождение находящихся в Вят-

ской губернии военнопленных. Многие из них не выдержали сурового вятского климата и похоронены на русской земле. Однако в Вятской губернии их смертность была относительно невысокой, так как добиралась туда наиболее крепкие и здоровые солдаты и офицеры Великой армии. В 1812–1816 годах в губернии умерло около тысячи военнопленных, т.е. менее 20%. В среднем же по России погибло 2/3 содержащихся военнопленных.

К началу 1815 года в Вятской губернии не осталось уже ни одного пленного. Все они были освобождены и отправлены на родину, причем некоторые с русскими женами и детьми. Память о французских пленниках долго сохранялась в народе.

Французский след в жизни вятчан был плодотворен как для жителей российской провинции, так и для иностранцев. «Пленные французские», занятые в местной промышленности, благоустройстве городов, обучении вятских детей музыке, танцам, рисованию, языкам, как могли, передавали им часть своей культуры. Они научили местных жителей некоторым ремеслам, например, плетению корзинок из соломы. До сих пор сохранились построенные с участием военнопленных храмы, ограды и гидросооружения Кирсинских прудов. Вернувшиеся на родину военнопленные унесли с собой часть общерусской и вятской провинциальной культуры. **УС**

▼ Макет Покровской церкви

**Владимир
Трусов**

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

БОРИС ЕЛЬЦИН — сын Николая-второго

Фото автора

В 2011 году исполнилось семьдесят лет со дня рождения первого президента России.

Борис Николаевич Ельцин появился на свет 1 февраля 1931 года в селении Бутка Талицкого района Уральской области — из-за отсутствия роддома в родном селении. Но все Ельцины и Старыгины проживали в селе Басмановском.

У родственников и однофамильцев написание фамилии через Ы — ЕЛЬЦЫНЫ. Почти у всех русских фамилий после буквы Ц идет Ы: Спицын, Цыбин, Кадцын и т. д. И только начиная с отца президента — Николая, фамилия в их семье стала писаться ЕЛЬЦИНЫ.

Дед Игнат Акимович ЕЛЬЦЫН родился в 1866 году. И было у него 16 детей.

Первая жена — Анна Васильевна АКСЕНОВА (1866–24.02.1891). Деревня Пиджакова. Бракосочетание 10.02.1888 г. в Троицкой церкви Басмановского села.

Вторая жена — Анна Дмитриевна РЫЖКОВА (1871 —?). Деревня Береговая. Бракосочетание 31.05.1891 г.

в Троицкой церкви Басмановского села. Их дети:

1. Ирина Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (28.04.1889–02.05.1889). Басмановское село.

2. Александра-первая Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (02.04.1892–30.11.1892). Басмановское село.

3. Александра-вторая Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (13.04.1893–16.08.1898). Басмановское село.

4. Николай-первый Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (25.07.1894–05.08.1894). Басмановское село.

5. Илья Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (20.07.1895–03.08.1895). Басмановское село.

6. Владимир Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (06.07.1896–26.07.1896). Басмановское село.

7. Марфа Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (06.06.1897–21.07.1897). Басмановское село.

8. Тихон-первый Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (14.06.1898–16.06.1898). Басмановское село.

9. Тихон-второй Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (13.06.1899–05.08.1899). Басмановское село.

10. Наталия Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (24.08.1900–07.10.1902). Басмановское село.

11. Мария Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (30.03.1902 —?). Басмановское село.

12. Иван Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (17.10.1903 —?). Басмановское село.

13. Александра-третья Игнатьевна ЕЛЬЦЫНА (22.04.1905–15.08.1905).

14. Николай-второй Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (23.07.1906–1978). Басмановское село. Восприемники: деревни Пиджаковой Иван Климентьевич Шебунин и крестьянская жена Анастасия Ивановна Аксенова. Крестил 25 июля священник Флорентий Николаевич Троицкий. Жена — Клавдия Васильевна СТАРЫГИНА (11.05.1908–1993). Басмановское село. Восприемник: Иуда Дмитриевич Загоскин и солдатская жена Зинаида Семеновна Кудринских. Крестили 12 мая священник Флорентий Николаевич Троицкий и исправляющий должность псаломщика Александр Баженов.

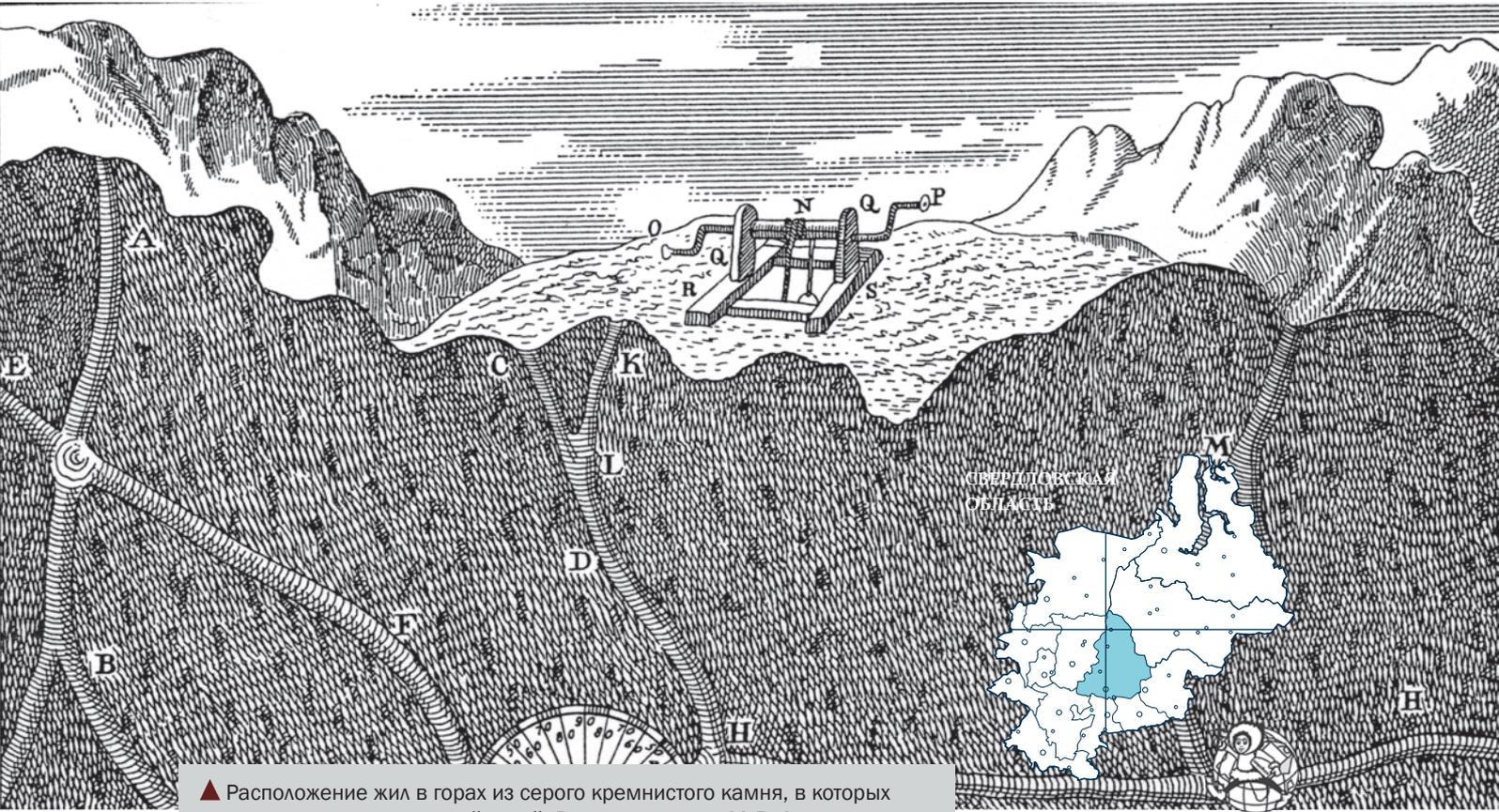
15. Дмитрий Игнатьевич ЕЛЬЦЫН (13.05.1908 —?). Басмановское село.

16. Андриан Игнатьевич ЕЛЬЦЫН. (15.04.1910 —?). Басмановское село. Андриан Игнатьевич погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Как видим, в семье Игната Акимовича Ельцына было два сына Николая. Первый прожил только одиннадцать дней, а второй — стал отцом президента России.

Первые Ельцины пришли в Басмановское село в середине XVIII столетия из Архангельской губернии в поисках плодородной земли для ведения сельского хозяйства.

По переписи 1710 года известно, что в Буткинскую слободу с Русского Севера пришли более тридцати семей. В этой же переписи сказано, что в Буткинской слободе в деревне Краснояланской в доме Ивана Басмана проживает семья Федора Ивановича Кошевых. В дальнейшем деревня Краснояланская была переименована в Басманову, в честь первопоселенца **✠**

▲ Расположение жил в горах из серого кремнистого камня, в которых имеются жилы со свинцовой рудой. Рисунок из книги М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел», 1763 г.

ЗАКАМСКОЕ СЕРЕБРО — миф или реальность?

Иллюстрации предоставлены автором

Известно, что новгородцы еще с 1193 г. брали дань с Югры серебром. Часть они отдавали московским князьям. Серебро называли Закамским. Московский князь Иван Калита ездил в Орду и возил хану подарки. В одну из таких поездок хан потребовал большее количества серебра, что привело к кровавым разборкам с новгородцами. Из описания Марко Поло известно, что хан был осведомлен о наличии у русских серебряных рудников. Но современные исследователи считают, что серебро на уральском севере не добывалось. Согласиться с этим не позволяют документы, сохранившиеся в Государственном архиве Свердловской области.

Оказывается, еще Иван III в 1491 году направлял на Цильму отряд для поиска серебряных руд, привлекая для этого иностранных специалистов.

Затем Иван Грозный продолжает поиск руд, посылая в 1553 г. И. Ф. Шишкина на Двину, а оттуда, набрав людей, велит отправиться копать руду на Цильму. Поиски серебряных руд продолжались и при царе Михаиле Федоровиче. Ему донесли, что в Чердынском уезде на реке Пыльве (притоке Камы) живет немец, приехавший для поиска золотых, серебряных и медных руд, и, проживая там, он изготавливает для местных жителей всевозможные украшения...

Особенно активно стали поступать сообщения о серебряных рудах в XVIII веке. Но все поиски, как правило, не приводили к открытию месторождений. Иногда местные жители за серебряную руду принимали свинцовую, называемую галенитом, которая имеет металлический блеск, чем и привлекает к себе внимание.

Василий Ищенко

Василий Ищенко, главный технолог ОАО «Уралэлектромонтаж», краевед. Постоянный автор журнала. Научное направление его статей и очерков — горнозаводская деятельность на Северном Урале в XV—VII вв. Проживает в Екатеринбурге.

За ложное донесение обвинители, вероятно, подвергались наказанию, сообщений о серебряных рудах стало поступать меньше, но зато с более точными сведениями.

Одно поступило в 1773 г. от отставного поручика Карла фон Фитингофа, который работал у графа Александра Сергеевича Строганова. (В некоторых источниках сообщается, что Фитингоф был главным управляющим после Я.М. Волегова.) Он пишет, что «нашел в пустых местах в ведомстве Пермской канцелярии по реке Усьве, впавшей в реку Чусовую, выше порогов в горе по течению на левой стороне знак руды, которая по ситуации подобие имеет ерманческой, довольно ему известной серебряной». (ГАСО, Ф116. Оп. 1. Д. 83. Л.1.) Фитингоф решил сам привезти образцы руд в Берг-Коллегию, но в дороге они у него пропали. Для повтора он просит выдать ему указ на проведение обследования прииска, направить горного офицера и обеспечить деньгами в сумме 200 руб. А если прииск окажется благонадежным, то предоставить ему право на его разработку. Берг-Коллегия дала указание Пермскому горному начальству, чтобы ему выдали деньги и направили с ним горного офицера для осмотра шурфов. Но Пермское горное начальство вскоре ответило, что Фитингоф за деньгами не явился и место его нахождения неизвестно.

Наконец, сообщение о серебряной руде поступает в 1813 г. непосредственно от камергера и кавалера Всеволода Андреевича Всеволожского. Он лично сообщил пермскому бергинспектору Томилову, что в 40 верстах от его Пожевского завода найдены руды в большом количестве и, по его мнению, в выплавленном из этих руд слитке имеется серебро. Он просил прислать на его завод горного специалиста по плавке серебра, а также провести испытание руды и слитка. Вскоре на завод приехал берггешворен Захаров, которому поручили установить плавильную печь для плавки серебряных руд. Но испытанные на Юговском заводе образцы руд и слиток не дали серебра. Тогда Захарову сообщили о находке другого прииска со свинцово-серебряной рудой на реке Вильве (притоке Усьвы) в 200 верстах от Пожевского завода и в 30 от Архангело-Пашийского завода княгини Голицыной. Прииск находился в землях, обмежеванных по просьбе Всеволожского землеметром Чекановым в 1810 г. На добычу руд с этого прииска Захаров нап्रा-

вил своего пробирного ученика Бакунина с группой людей.

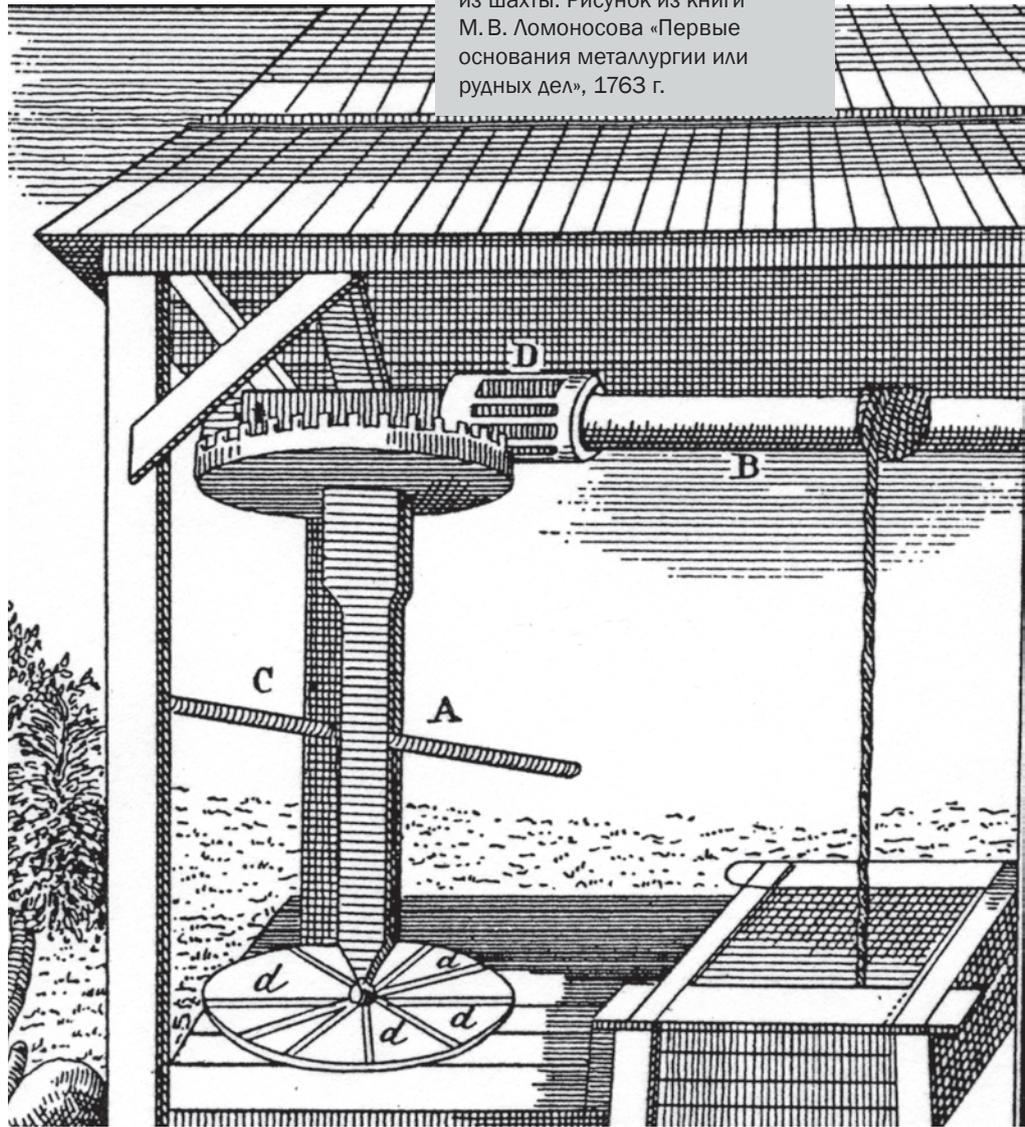
Факты указывают на то, что ранее объявленный прииск рядом с заводом являлся выдумкой и имел целью заполучения специалиста по плавке серебряных руд. Объявлять же в Пермское горное правление о находке прииска со свинцово-серебряной рудой Всеволожский не спешил, видимо, хотел тайно плавить серебро.

Бакунин с группой добытчиков успешно прибыл на место и стал добывать руду, выкопав 9 шурфов. Но неожиданно разведку пришлось приостановить, так как пришел поверенный княгини Голицыной Иван Воронин из Архангело-Пашийского завода и прогнал людей Всеволожского, пригрозив, что если они вернуться, то в следующий раз он приведет с собой 200 человек и всех их перебьет. Сам же со своими людьми остался на прииске и занялся разработкой выкопанных шурфов.

Назрела конфликтная ситуация. Через несколько дней вернулись люди с Пожевского завода числом 50 человек, вооруженные ружьями, пистолетами и саблями. Они прогнали с разрабатываемых шурфов людей Голицыной, а для усиления своих позиций привели еще 80 человек, ожидая ответного адекватного действия. Но кровопролития не произошло. Княгиня Голицына решила урегулировать спорный вопрос мирным путем.

Она обратилась в Пермское горное правление. При этом ей пришлось признаться, что прииск со свинцово-серебряной рудой, разрабатываемый Всеволожским, был найден Василием Голубцовым и разработан несколькими шурфами ее поверенным Суворовым еще в 1798 г. Земли же, где выкопаны шурфы, относятся к ее Архангело-Пашийскому заводу.

▼ Машина для подъема руды из шахты. Рисунок из книги М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел», 1763 г.

Всеволожский, предвидя такую ситуацию, успел опередить Голицыну и первым объявил в горное правление о находке прииска. Он утверждал, что один шурф находится в его даче рядом с Усвинскими железными рудниками, остальные же шурфы располагаются в землях общего пользования. Размежевание земель между владельцами оказалось делом сложным, поэтому было решено до выяснения обоснованных границ владений предоставить Всеволожскому разработку шурфов, вывозку породы на Пожевской завод и дальнейшую разведку свинцово-серебряных руд. Но если будут найдены крупные залежи руд, то разработку их ему следовало передать тому владельцу, в землях которого они окажутся.

И Всеволожский развернул активную работу. Было выкопано 70 шурфов. Близ них построены избы и амбары. Не исключено, что он занялся и плавкой руд, так как в 1824 г. с Пожевского завода запросили шнуровую книгу для записи выплавляемого серебра. Между тем, интенсивная вырубка леса при поиске руд, а также лесные пожары, в которых обвиняли людей Всеволожского, привели к недовольству владельцев

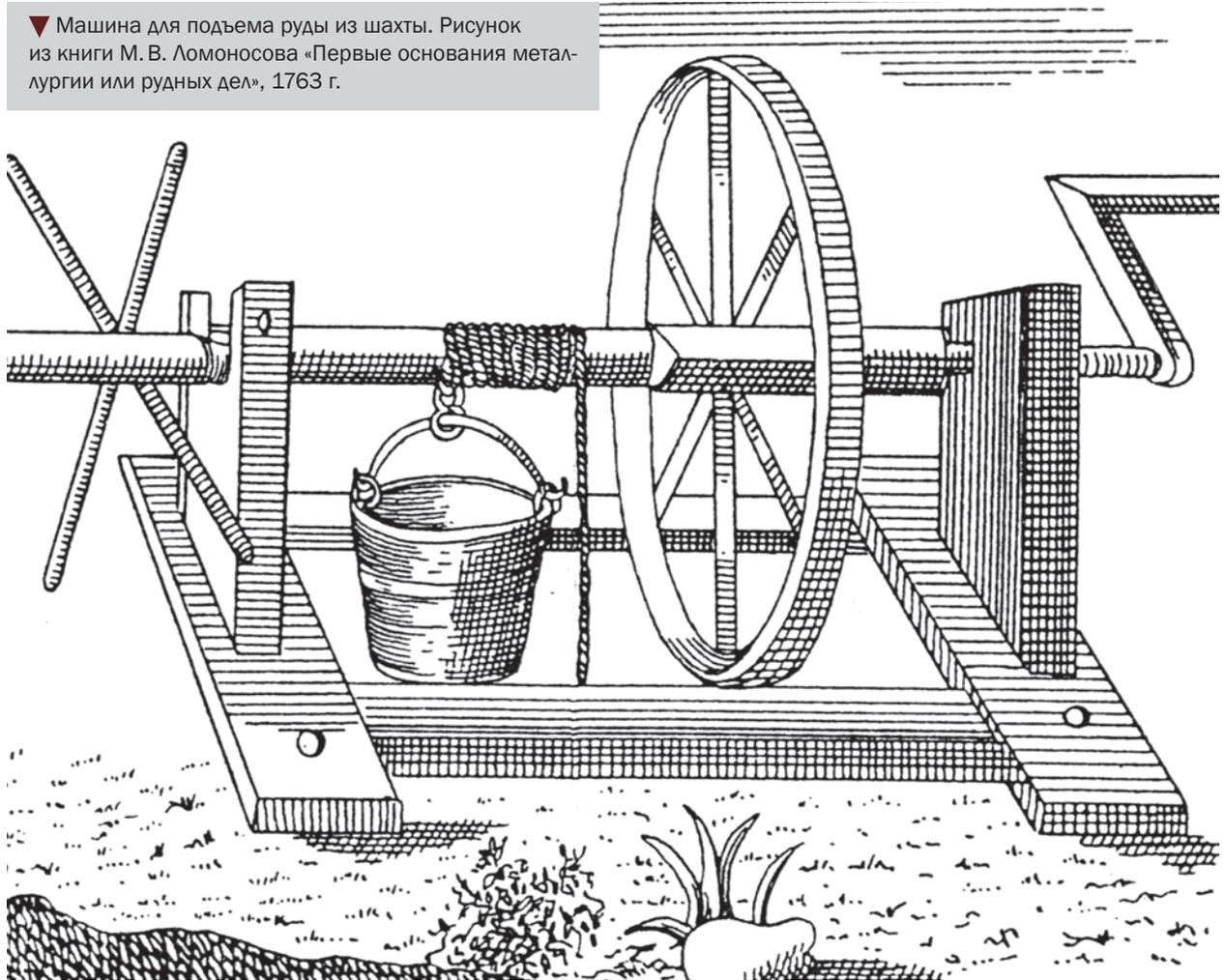
земель. (К этому времени было установлено, что все шурфы располагаются на общих землях.) Владельцы земель пожаловались непосредственно царю, и Правительствующий Сенат в 1835 г. постановил: «Приостановить работу по разработке шурфов и разведке серебряных руд», аргументируя это решение тем, что на протяжении двух десятков лет так и не было открыто богатого месторождения. Всеволожскому следовало выплатить стоимость истребленного леса. Принятое решение не очень расстроило камергера, так как в это время были открыты богатые золотосодержащие пески в его Заозерской даче.

Так безрезультатно закончилась разведка серебряных руд, хотя в описаниях приисков горные офицеры отмечали, что в шурфах имеются тонкие прожилки свинцово-серебряных руд, которые в любой момент могли привести к большим пластам. На месте разведки обнаружено 1000 пудов неразработанной серебряной руды. По проведенным анализам, в 100 пудах руды содержалось 17,5 пудов свинца, а в каждом пуде свинца до 9 золотников серебра. И до настоящего времени остается загадкой: плавил Всеволожский серебро или нет?

Прииски Всеволожского показали, что свинцово-серебряные руды действительно имелись в тех местах. Такие же руды найдены и у озера Вагран. (В 18 верстах от Петропавловского завода и в 3-х верстах от золото-содержащего прииска, расположенного на горе Кумбе.) Их разрабатывал верхотурский купец и заводчик Максим Походяшин.

Кроме разработки свинцово-серебряных руд, Походяшин выплавлял еще и серебристую медь из руд Васильевского рудника Турьинского месторождения, хотя делал это с большим нежеланием — плавить такую руду было трудно. К трудности плавки добавлялось и то, что Походяшину приказывалось отвозить эту медь коштом в Москву и Санкт-Петербург, а также оплачивать дорогостоящие расходы по выделению из меди серебра. Естественно, такие условия не способствовали увеличению выплавки серебристой меди. Сыновья же его Николай и Григорий за десять лет выплавляли 36266 пудов черной серебристой меди, в которой по лабораторным пробам должно содержаться более 700 кг серебра. **УС**

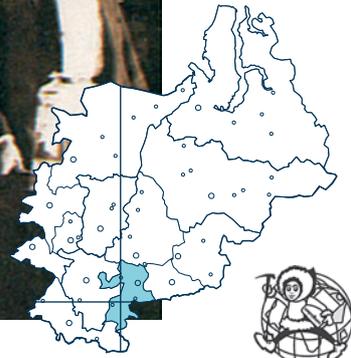
▼ Машина для подъема руды из шахты. Рисунок из книги М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел», 1763 г.

▲ Председатель Верховного суда А.Вышинский оглашает приговор

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Как княжна-комсомолка хотела Сталина убить

Иллюстрации предоставлены автором

В Верхнеуральском политизоляторе по делу кремлевской библиотеки отбывала тюремный срок Екатерина Константиновна Муханова (княжна Урусова-Муханова, 1898–1937). Так называемое «Кремлевское дело» возникло в начале 1935 г. как прямое продолжение сталинской политики репрессий после убийства С. М. Кирова. Поводом послужило «разоблачение» якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих, работников комендатуры, военных, которые, по данным НКВД, готовили покушение на И. В. Сталина.

Было объявлено, что главным организатором террористической сети, поставившей своей целью убийство вождя, является Л. Б. Каменев. С целью придания так называемому «кремлевскому делу» ярко выраженной политической окраски и крупномасштабного характера, оно непосредственно «увязывалось» с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и т. д.

Дело Мухановой выглядело так. Она работала библиотекарем в кремлевской библиотеке, подбирала книги, в том числе и для Сталина. После репрессий, последовавших за убийством Кирова, она решила убить Сталина. Достала ядовитый порошок и пересыпала им страницы нескольких книг для Сталина. Но на месте преступления ее застиг агент охраны.

Закрытый судебный процесс проходил летом 1935 года. Урусова получила 10 лет тюремного заключения.

Срок отбывала в г. Верхнеуральске Челябинской области. В состав контрреволюционной террористической группы служащих правительственной библиотеки, кроме Мухановой, входили: Н. А. Розенфельд, З. И. Давыдова, Н. И. Бурого, К. И. Синелобова и Е. Ю. Раевская, причем руководящую роль в этой группе отвели Розенфельд и Мухановой. Всего же по этому делу было осуждено 110 человек. Двое из них были приговорены к расстрелу.

Так почему же избежала тогда высшей меры Екатерина Урусова-Муханова? На этот вопрос поищем ответа в воспоминаниях троцкиста А. И. Боярчикова, который сидел в Верхнеуральской тюрьме вместе с Л. Б. Каменевым и слышал, как в камере читали письмо Льва Борисовича к его соратнику Г. Е. Зиновьеву.

Детство Мухановой прошло на хуторе в Калужской губернии. Своих родителей она не помнила

Алексей Яловенко

Ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. Недавно в Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.).

и ничего о них не знала. Когда однажды спросила тетку Аксиныю, то, к своему несчастью, услышала, что их нет в живых — они умерли. Считая себя круглой сиротой, затаила обиду на свою судьбу. Одиночество привязало ее к тете Аксиные — она полюбила ее как родную мать. Своих детей Аксиныя не имела. Будучи из бедных хуторян, она рассказывала девочке, как трудно ей жилось на свете безграмотной, темной. Девочка запомнила

▲ Работники тюрьмы перед административным зданием

эти слова. Она старательно училась, прилежно усваивая все, что ей преподавали в сельской школе.

По ее окончании Аксинья выхлопотала ей направление в Московский институт политического просвещения. Так Муханова оказалась в Москве. На втором курсе института ее выбрали членом бюро комсомола, и она стала душой и любимицей студенческой молодежи.

Шли годы. Учеба в институте подходила к концу. Перед экзаменом ее спросили, куда она хотела бы поехать на работу. Девушка выбрала родину — Калужскую область. С радостью она готовилась вернуться в родные места. Но судьба решила иначе: на выпускном студенческом вечере она пригласилась секретарю ВЦИК А. Енукидзе, который предложил работу в Кремлевской библиотеке. Не без колебаний она согласилась и пошла навстречу своей судьбе: побоялась отказать такому высокопоставленному человеку.

Кипучая деятельность в Кремле сперва увлекла Муханову. В Кремлевской библиотеке был огромный книжный фонд древней и современной литературы. Она подбирала нужные книги, заказанные для Сталина и других известных деятелей партии. Работа ей нравилась. Ее материальное и бытовое положение складывалось отлично. В закрытом кремлевском распределителе она получала все, что было угодно. Даже приглашала на жительство к себе Аксинью. Но та отказалась, ответив, что «в Москве ей делать нечего».

На глазах Мухановой проходил XVII съезд партии. Она оформляла для делегатов съезда книжные

выставки, встречалась и беседовала с ними. На ее горизонте не было ни единого облачка... На душе царил покойствие и благодушие. Ей казалось, что в таком настроении пребывает и вся страна, все люди...

«Я хотела убить Сталина. Я хотела, чтобы народ свободно вздохнул. Я смерти не боюсь»

И вдруг грянула гроза... Муханова по секрету узнала, что на съезде партии при выборе нового состава ЦК забаллотировали Сталина. При этом единогласно в члены ЦК был избран Киров. Тогда еще никто не догадывался, что эти выборы сыграют роковую роль в судьбе партии и советского народа.

Вскоре после съезда был убит соперник Сталина — Киров. Вслед за этим начался сталинский террор. По всей стране пошли расстрелы людей, якобы повинных в убийстве Кирова. Были уничтожены более тысячи делегатов XVII съезда партии, осмелившихся поднять руку против Сталина во время голосования. Все эти 1100 делегатов были старыми большевиками, активными участниками трех русских революций. Они были введены в заблуждение фракционной «семеркой» Сталина в 1923–1927 годах и попытались на съезде партии обуздать зарвавшегося вождя своим голосованием против. И были расстреляны как «враги народа»...

Студентов коммунистических вузов в подавляющем большинстве исключали из партии, высылали

в Сибирь и Казахстан. В Москве и Ленинграде закрыли Государственный институт журналистики, Институт Красной Профессуры, Коммунистический университет трудящихся Востока и другие вузы. Страна вздрогнула, охваченная ужасом. Каждый день газеты заполнялись клеветническими доносами о вредительстве и терроризме.

Эти события изменили взгляды Мухановой. Раньше она с именем Сталина связывала будущее Советской страны, теперь же увидела в нем тирана России и населяющих ее народов. Она все чаще стала задаваться вопросом: «Имею ли я право не замечать происходящего? Если я не замечаю страданий народа, закрываю на них глаза, то этим содействую преступлениям против народа. Надо убить тирана».

Ее решение созрело мгновенно. Но как его осуществить? У нее нет оружия. А если бы было, она все равно не смогла бы воспользоваться им — к Сталину ее не допустят. Что же делать? С помощью друзей она смогла достать ядовитый по-

рошок. Но успела пересыпать ядом только несколько книг...

Долгие дни и ночи тянулись в одиночной камере на Лубянке. Ее допрашивали по десять часов ежедневно. Следователи кричали, угрожали расстрелом. Но она держалась с достоинством. Сказала следователю, что ей стыдно вспоминать свою сытую и красивую жизнь в Кремле. Теперь она знает, как страдает советский народ, какой ужасный режим установил для него этот тиран. А закончила свои показания решительным заявлением: «Я хотела убить Сталина. Я хотела, чтобы народ свободно вздохнул. Я смерти не боюсь».

Такая откровенность Мухановой доводила следователей до белого каления. Они решили допросить приемную мать Мухановой, Аксинью, которую привезли из Калуги. Следователи потребовали от нее сказать, кто родители Мухановой и где они теперь. Аксинья долго молчала. Ее пытали, отчего она едва не умерла. Но на тринадцатый день призналась во всем. Она рассказала, что родители Мухановой не крестьяне, а потомственные дворяне. Они не умерли,

а в 1918 году бежали за границу. Ее отец — родовитый князь Урусов — был крупным калужским помещиком. У него, кроме имения в Росве и богатого дома в Калуге, был еще крахмало-паточный завод на Уфе. С момента бегства князей за границу прошло 18 лет, а известий от них с тех пор не поступало.

Следователи торжествовали: у них в клетке оказалась русская Шарлотта Корде! С холодным презрением следователь зачитал ей показания Аксины. Девушка воскликнула: «Неправда! Вы хотите меня опозорить перед русским народом. Вы клевете! Я не дворянка, а крестьянка и комсомолка!»

Приемную мать привели на очную ставку. Когда Аксиныю ввели в кабинет следователя, Муханова не узнала ее. Перед ней стояла поседевшая, сгорбленная старуха с серым, потухшим лицом. От прежней статной, энергичной Аксины ничего не осталось. Увидев девушку, Аксиныя опустила голову и долго не могла слова вымолвить, а когда пришла в себя, сказала: «Да, моя девочка, все это правда. Я приняла тебя из рук твоих родителей — князя и княгини Урусовых. Я поклялась твоей матери, княгине, перед иконой Пресвятой Богородицы сберечь тебя до ее возвращения и сохранить в тайне твое княжеское происхождение. Я не сдержала клятву. Прости меня, ради Господа Бога...». Когда Аксиныю уводили обратно в камеру, она поклонилась Мухановой низко в ноги. Та подошла к ней и молча поцеловала в губы.

Новая страница биографии Мухановой, как петля, нависла над ее головой: теперь ее будут судить как дворянку. Была ночь, а она не могла уснуть. Болела голова. В ее памяти ожили полузабытые картины далекого детства у лысого кургана на хуторе у реки Росвы. Здесь находилась забытая временем древняя могила русских воинов, сложивших головы за родную Русь в битве с татарами. Эта могила всегда вызывала укор в ее сознании за короткую память народа...

В двери камеры щелкнул глазок. Муханова встала и зашагала по камере. В ритм своих шагов она шептала: «Надо защищаться! Надо защищаться!»

Закрывается судебный процесс — Кремлевский — по делу о покушении на Сталина открылся в Москве летом 1935 года. На скамье подсудимых, кроме Урусовой, было много других работников Кремля — из пищеблока, хозяйственных, культурно-просветительских и охраны. В числе подсудимых — се-

кретарь ВЦИК Енукидзе, комендант Кремля Петерс и зав. культпросветом Розенфельд. В качестве соучастника Розенфельда к суду был привлечен его родной брат Л. Б. Каменев. Судебный процесс длился 10 дней.

Верхнеуральской тюрьмы. Только будущее поколение, считал рассказчик, может узнать истинную правду о драматической судьбе княжны-комсомолки Урусовой-Мухановой.

Девушка воскликнула: «Неправда! Вы хотите меня опозорить перед русским народом. Вы клевете! Я не дворянка, а крестьянка и комсомолка!»

С последним словом на суде выступила Урусова. Она сказала: «Судьи пытались оторвать меня от трудового народа России. Но это им не удалось. Мое дворянское происхождение не должно порочить меня перед народом. Выкормила меня и воспитала простая крестьянка, ставшая мне матерью. Меня подготовили к трудовой жизни советская школа и комсомол... Старый мир мне враждебен. Я ненавижу угнетение и тиранию, и потому хотела убить тирана. Я не боюсь смерти. Народ меня вспомнит».

Урусову тогда не расстреляли, потому что не хотели сделать из нее мученицу. Ее осудили на 10 лет тюремного заключения.

Все описанное есть пересказ А. И. Боярчиковым письма Л. Б. Каменева своему соратнику Г. Е. Зиновьеву, написанного после возвращения с судебного процесса. Письмо читала вся Верхнеуральская тюрьма.

В этом рассказе есть элементы легенды, родившейся в стенах

В Верхнеуральской тюрьме особого назначения Екатерина Константиновна Муханова провела два года. В июне 1937-го ее доставили в Москву. На этот раз громкого процесса не было. За участие в контрреволюционной террористической организации она была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна 3 июля 1937 года на Донском кладбище. Реабилитирована 5 июля 1957-го.

Эта печальная история нашей современницы перекликается в веках с другой драматической судьбой древней родственницы Урусовой, сподвижницы боярыни Морозовой. В известной картине Суриков изобразил рядом с закованной в цепи боярыней ее сподвижницу — княгиню Урусову, погибшую в закрытом монастыре вместе с Морозовой. Княгиня Урусова XVII века погибла за христианскую веру, а княжна-комсомолка Урусова XX века — за свободу народа. **УС**

▼ Верхнеуральский политизолятор. Главный фасад

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ

26-27

Мая

подробности на сайте: www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

апрель 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

КИРА КАЛИНИНА

Стела

50

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

Аварийный выход

56

БОРИС ДОЛИНГО

Изваяние

62

79

Повод для улыбки

ПАВЕЛ КОБЕР

Дорогу инновациям

79

Стема

Я схожу с монорельса в двух кварталах от института. Вагончик катит дальше — к розовой полоске неба над крышами, без остановок до самого Полигона.

Прохожих немного. Редкие машины переваливаются по ухабистой дороге. Проплывает бесшумный кар хайлонов — полусфера цвета сливочного крема. Ни окон, ни дверец, в гладких, как вода, боках отражаются люди, дома, кусочек неба с поддвеченными закатом облаками. Мы встречаемся на перекрестке, кар — прямо, я — налево, в страну приведений, на другую сторону реальности.

Высотные коробки офисов, футуристические кубы лабораторий и исследовательских центров погружены в анабиоз. В огромном здании института жизнь едва теплится.

Пожилой вахтер долго возится с компьютером, проверяя мой пропуск. Я рассматриваю плакаты за его спиной. Старый, красочный, как заставка к фантастическому сериалу: «Дистанционно пилотируемый субсветовой робот-зонд — ваш пропуск к звездам!» И новый, попроще: «К звездам — собственными силами!»

— Интересуетесь?

Он служит в институте всю жизнь, и ему будет обидно, если постаревшим пилотам не найдется замены. Мне уже предлагали стать дублером Арвида, обещали оплатить учебу в технологическом. Я им подхожу. Какие-то особые беки в синапсах.

— Нет, — говорю, — я только к брату.

***

Дворовый фонарь погашен. Тихо так, что слышен гул скоростного экспресса, летящего сквозь ночь далеко за городом. Во тьме сада силуэт Арвида едва разли-

Кира Калинина

Родилась в 1971 году в Воронеже. С 1972 года живет в Тюмени. В 1993 году окончила факультет романо-германской филологии Тюменского государственного университета. Работала библиотекарем, переводчиком, дизайнером, верстальщиком, корректором. С ноября 1998 года по февраль 2009 года — корреспондент еженедельника «Сибирский посад», с февраля 2009 года — на вольных хлебах.

чим. Я привычно задираю голову: Арвид ближе меня к небу на целых шестьдесят четыре сантиметра. Его глаза блестят среди осенних звезд — сами как звезды.

— А что за созвездие вон там, под Андромедой... забыла? Это Овен. Теперь смотри еще ниже и чуть правее.

— Знаю-знаю, твой Кит! — догадываюсь я. — Только на кита он совсем не похож.

Я становлюсь на цыпочки, мне хочется достать до неба, ткнуть пальцем в блестку со странным именем Тау. Звездочка тянется мне навстречу. Чем пристальней я смотрю, тем больше и ярче она становится. Мне нравится эта игра. Но стоит моргнуть, и Тау миг съживается до бледной крупинки.

— Арвид, почему ты не летишь к Полярной Звезде? Или вон к той... — я веду пальцем вдоль цепочки крупных бриллиантов Андромеды и останавливаю выбор на альфе Персея. — Она большая, а твою Тау еле видно.

— Но она все равно ближе. И похожа на наше Солнце. Возможно, у нее есть планеты.

— И на них живут люди?

— Не думаю. С другой стороны, почему бы нет? Когда вырастешь, выучишься на планетолога или микробиолога... возможно, на астрофизика, у тебя неплохо с математикой. Займешься обработкой данных, которые я буду присылать. Если там правда есть жизнь, ты узнаешь первой.

Я молчу, а Арвид продолжает фантазировать:

— Нет, ты станешь конструктором звездолетов. Ты построишь корабль, который летает быстрее света, и мы с тобой вместе отправимся на Полярную Звезду. Посмотрим, вдруг там живут полярные медведи?

Арвид не верит, что можно летать быстрее света. Он не верит, что из девочки может получиться хороший конструктор. Но я не обижаюсь. Я знаю, что сумею его удивить. Потом представляю, как буду жить все эти годы без него, и сердце леденеет.

— А если я тоже заболēju? Ты вернешься, а я уже умерла.

Он опускается на одно колено, берет меня за плечи и смотрит в глаза.

— Ты не умрешь. Таких, как мы с тобой, болезнь не берет.

***

Саркофаг Арвида пятый справа. В окошке десять на десять видно только закрытые глаза и верхнюю половину носа. Я знаю почему. Трубки, шланги, провода, превратившие человеческое тело в придаток машины, выглядят чертовски неаппетитно.

Я представляю себе голову Арвида, облепленную паклей нейросети.словно через микроскоп, вижу паутину волокон, пустивших корни в его мозге, вижу, как вздрагивают щупальца аксонов, когда по ним пробегает искры электрических разрядов. Такая же сеть пронизывает искусственное тело корабля-зонда, затерянного где-то на полпути к Тау Кита.

Глазные яблоки Арвида под опущенными веками движутся, откликаясь на картины его космических снов двенадцатилетней давности. Даже информация не передается быстрее света.

Xenon LP574XBZ летит втрое медленнее. Я читаю популярные журналы, иногда пытаюсь осилить специальные статьи, но у меня не хватает умения понять, как сознание Арвида может находиться в двух пространствах и двух временах сразу. Боюсь, когда его контракт закончится, вместо брата я получу полуживую развалину с искаленным мозгом.

— Привет. Как ты там?

Я невольно поднимаю глаза кверху и щурюсь от света люминесцентных ламп.

— У меня завтра тестирование. Полигон объявил набор обслуги. Или прислуги, если угодно. Не думала, что они клюнут на мое резюме.

Что еще?

— Говорят, там не платят чаевых. У них не в ходу наличные. Но все равно я буду получать в три раза больше, чем у Лиса. Если пройду.

Не могу удержаться от жалкого смешка.

— Знаю, ты не этого для меня хотел... Но надо же к чему-то стремиться. Так что пожелай мне удачи, хорошо?

Как раз в этот момент его веки совершают быстрое движение вверх-вниз, словно выражая согласие.

***

Во сне я бесплотна и невесома, как мысль. Мне не страшны ни холод вакуума, ни термоядерный жар светил, ни разрушительная сила субатомных частиц. Я одолеваю световые годы в одно мгновение. Во сне законы физики не действуют.

У меня нет корабля, но он мне и не нужен. Я найду Арвида и скажу ему, что все изменилось. Существа

с далеких звезд сами пришли на Землю. Мультивирус побежден. Ты сможешь побывать на других планетах, тебя многому научат. Это называется программа адаптации. Туда отбирают строго, но ты у меня способный. Только возвращайся домой, слышишь?

Стоя на лужайке в нашем саду, я с закрытыми глазами могу указать на небе звездочку Арвида. Но, паря среди пустоты без начала и конца, я не знаю, где искать. Может быть, я лечу слишком быстро и просто не успеваю разглядеть его суденышко среди комет, астероидов, облаков пыли и газовых туманностей. Меня мучает страх: что, если он погиб, но сообщение об этом еще не дошло до Земли?

***

Правительство очень хотело, чтобы Полигон разместили на территории космоцентра, но Фонд развития отказался, и правильно сделал. Я будто попадаю на другую планету: чистые улочки, ухоженные насаждения, дома веселых расцветок, круглые автомобильчики бог знает на какой тяге. Даже небо над головой кажется светлее. Вокруг улыбчивые люди, хайлоны в светлых одеждах, похожие на крабов трантарриане, парочка куглей.

Я стараюсь не пялиться. Но где еще увидишь кугля? Шар высотой с человека катится, помогая себе коротенькими отпрысками. Кто-то в сети сравнил куглей со старинными морскими минами, над которыми потрудился безумный художник-пацифист. Упругая шкура переливается сиреневым и бирюзовым, вспыхивает пятнами желтого, малинового, оранжевого. Говорят, так кугли общаются.

Нас тестируют только земляне, молодые, чистенькие, очень вежливые. Те, кто работает на Полигоне бок о бок с пришельцами, создавая будущее Земли, считают себя элитой. Они не вживляют себе нейрошунты, не ставят имплантаты, не носят экзопротезы, которыми увлекалось

поколение Арвида. В их руках технологии более высокого порядка. Но им все еще нужны люди, чтобы стричь газоны, мыть тарелки и подавать еду в ресторанах.

***

— В эту дверь, пожалуйста.

Я вхожу и застываю на пороге. За столиком, сцепив руки в замок, сидит хайлон. Внешне они почти не отличаются от землянина. Только кожа зеленоватая, на пальцах по три сустава и жутковатые зрачки, способные расширяться, заливая чернотой всю роговицу, и вытягиваться в вертикальную или горизонтальную линию. Для удобства общения хайлоны берут земные имена. Этот называет себя Иваном.

Меня начинает знобить. Ни одного пришельца до сих пор я не видела так близко.

Он хочет, чтобы я расслабилась, и начинает с простых вопросов. Его речь льется мягко, почти ласково. Без акцента. Все они говорят без акцента. Я отвечаю невпопад. В голове желе, под ложечкой комок льда. Тело деревенеет от усталости и предчувствия неудачи.

Он заводит разговор о семье и сочувственно качает головой, когда я говорю, что родители умерли в первую волну пандемии. Я их не помню, поэтому мне не больно. Я живу с теткой. Иван спрашивает, не хочу ли я поучаствовать в программе адаптации.

— У меня нет образования.

— Вы можете пройти курс профориентации. Квота невелика, но почему бы не попробовать?

— Я хочу остаться на Земле. Хочу работать на Полигоне.

Зрачки Ивана расцветают черными звездами, и я понимаю, что загнала себя в ловушку.

— Почему? — вот он, главный вопрос.

Я ищу слова, которые не были бы враньем и в то же время не сводили все к деньгам и надежде подыскать

среди здешних умников приличного бойфренда. Стать маленькой частицей большого дела... приблизить завтрашний день... внести свой вклад... расставляя перед посетителями тарелки с антрекотами. Бред.

— Здесь больше платят, — безнадежно признаюсь я. — Если работаешь в ночь, отвозят домой...

Я знаю, что говорю правду. Я думала, что иду на Полигон именно за этим, но слова сказаны, и я понимаю, что в них чего-то недостает. Главного. Смысла. Зачем я пришла сюда на самом деле? За эрзацем надежды. За суррогатом мечты.

— Вы позволите? — Иван деликатно трогает мое запястье. Так касаются новорожденного младенца или диковинного зверя. Чуткие пальцы точно находят место, где бьется пульс.

Мое сердце скачет, как дикий мустанг. Для чего затеян этот разговор? Что они хотят выяснить?

Иван сообщает, что собеседование окончено. О результатах меня известят.

***

Неважно кто ты, научный сотрудник или оператор уборочной машины, всем новичкам полагается бонус — экскурсия на орбитальную станцию пришельцев.

Нашу группу поручают заботам хайлонки по имени Эдита. Она просит вновь прибывших держаться вместе и ведет по просторным анфиладам, давая пояснения низким обволакивающим голосом. Вокруг много плавных линий и округлых поверхностей. Абстрактные узоры на стенах ползают и извиваются, как живые. Голова гудит, сквозь гул проступает далекая мелодия. Я прислушиваюсь, и мелодия становится громче.

Мы в огромном зале. Эдита называет его смотровой. Пол и стены исчезают, под нашими ногами сапфирово сияет Земля, величественнее и прекраснее, чем

в самой совершенной трехмерной проекции. Группа взрывается аплодисментами, но я едва слышу.

Вокруг простерт космос. Я чувствую себя легкой, как во сне. Я стрела, готовая пронзть бездну.

Этот сон лучше других. Я вижу цель, я зову звезды по именам. У меня тысячи глаз, чтобы измерить расстояние и проложить курс. На этот раз я точно знаю, где искать Арвида, но в первый момент с трудом различаю мерцающую во мраке искорку.

Он там. Частица его личности, распыленная по синтетическим кортикальным волокнам, силится опознать меня с помощью неуклюжих телеметрических датчиков. Кодированные сигналы с черепашьей медлительностью вползают в приемные каналы дешифровальных устройств. Я врываюсь следом и выдергиваю Арвида из сумеречного полусна, похожего на кому.

Он не хочет возвращаться. Он одолел половину пути, пожертвовал половиной жизни и не может повернуть назад, не увидев цели своего путешествия.

Хорошо.

Я обрастаю плотью, мускулами, мои крылья обнимают зонд и несут вперед, навстречу сиянию Тау Кита. Мы смотрим, как в разреженной плазме солнечной короны клубятся протуберанцы, как вздымаются из хромосферы многокилометровые спикулы. Узы тяготения привязывают к звезде три планеты. Одна бурлит расплавленной лавой, атмосфера другой так тяжела и плотна, что даже мой взор с трудом проникает к ее поверхности, чтобы различить скалистый рельеф и озера жидкого метана, третья — ледяная глыба. Дальняя орбита высеяна пылью и каменными обломками, ведущими прихотливый танец под влиянием ослабленных сил гравитации. Я под завязку загружаю данными жесткие диски записывающих устройств и свободные клетки нейросети Арвида и поворачиваю к Земле. Этих данных хватит, чтобы выкупить его у Агентства. Пусть только попробуют возразить...

***

Свет кромсает мозг, как хирургический скальпель. Я закрываю глаза, но свет не гаснет, а мир вращается вокруг, неразличимый за туманом слез. Меня тошнит, я зажимаю рот ладонью. Это возвращает мне ощущение собственного тела. По стенам ползут, ветвясь и разрастаясь, живые узоры, и вместе с ними во мне прорастает осознание реальности.

Я на станции пришельцев. Вокруг хайлоны. У них мрачные, озабоченные лица, и я понимаю, что сделала что-то ужасное.

— Ты пыталась угнать корабль из эллинга.

Звучит нелепо, но я верю. Первая мысль: меня вышибут с Полигона. Вторая: меня посадят. И только потом приходит недоумение: как это может быть?

Иван дает мне стакан воды. Никаких фокусов с психофизической регуляцией. Просто вода. Я пью мелкими глотками и прихожу в себя. Настолько, что, когда Иван велит идти с ним, я могу двигаться без посторонней помощи.

Он приводит меня в рубку звездолета. Здесь нет приборов и экранов. Я смутно чувствую поток данных, струящийся в стенах, в мягкой плоти кресел, вырастающих прямо из пола. Иван садится в одно, я в другое. Он выводит корабль за пределы станции. Он ничего не делает, но корабль слушается его, как собственная рука. Потом он предлагает мне взять управление на себя. Я пытаюсь уловить ритм в движущихся узорах стен, я пытаюсь услышать песню, но у меня не выходит.

***

За окном, озаренная солнцем, цветет липа. Теплые лучи ласкают щеки. Комната просторна, светла и совсем не похожа на палату тюремного лазарета. Иван включает сетевой терминал. Над проекционным столом развора-

чивается заставка службы новостей. Экстренный выпуск: система дальнего слежения зафиксировала у границ Солнечной системы искусственный объект, появившийся словно из ниоткуда. Объект опознан как дистанционно пилотируемый зонд Xenon LP574XBZ. Видеорядом идет нарезка кадров из хроники старта и размытых съемок в разных диапазонах с телескопа за орбитой Урана. Закадровый голос бормочет о программе исследований дальнего космоса, о роботах-зондах, напоминает, когда XBZ должен был достичь цели, уточняя, что его возвращение на Землю не предполагалось, пересказывает биографию Арвида. Я едва слышу и выхожу из ступора на словах: «... обратились к нашим звездным партнерам, — публичный эвфемизм для слова «пришельцы», — с просьбой сопроводить зонд к лунной базе...»

Я смеюсь, плачу и снова смеюсь. Иван ждет, и я спрашиваю:

— Так это было на самом деле? Я правда вернула его? Или... вы вернули?

— Ты все сделала сама.

— Но как? То есть... Я хочу сказать... потом у меня не получилось...

— Сильный эмоциональный стимул. Со временем ты научишься осознанно управлять своим даром.

— Моим даром? Постойте! Я знаю, там прошло совсем немного времени, всего несколько часов... Даже ваши корабли не летают так быстро.

— Летают. Если ты в это веришь.

— Не понимаю.

— Со временем поймешь.

Иван улыбается. Он сияет так, будто это его потерянный брат только что вернулся с той стороны небытия.

***

Липы отцвели. По краям дорожки лежит палая листва. Мы с Арвидом подходим к скамейке, на по-

следних шагах мне приходится поддерживать его, и он благодарно доверяет свой вес моим рукам.

Некоторое время он сидит, прикрыв глаза и тяжело дышит. Прошло всего восемнадцать дней. Врачи агентства не сумели бы поставить его на ноги и за год. Не говоря уже о том, чтобы собрать воедино раздробленное на осколки сознание. Когда я спрашиваю, что он чувствовал все эти годы, разорванный между сейчас и тогда, он говорит, что ни о чем не жалеет.

Есть кое-что, о чем я не рассказала Арвиду, потому что сама не знаю, было это или нет.

...Я в шаттле, упираюсь затылком в подголовник кресла. Лицо Ивана прямо передо мной, его глаза — окна во мрак.

«Хочешь узнать, почему мы пришли? Вы позвали нас, сами того не сознавая. Вы, дети обновлявшейся в муках Земли. Такие, как ты. Вы были в отчаянии. Вы нуждались в помощи. Вы не хотели терять близких, не хотели умирать. И мы услышали ваш коллективный зов через полгалактики...»

За известием о возвращении Арвида я забываю об этом странном откровении. Воспоминание всплывает через пару дней, и я все время спрашиваю себя: он правда это сделал или мне все прирезилось?

— Нас всю жизнь учили, что ничего не делается просто так. Каждый преследует свои интересы. Зачем пришельцам возиться с нами — лечить, учить, делиться технологиями. Зачем растить себе конкурента? — спрашиваю я Арвида.

— Ну, конкурент из нас получится не скоро. А вот младший союзник — вполне. Подражатель, который будет жить среди звезд по их примеру. Даже когда достаточно окрепнет, чтобы стоять на собственных ногах. Эпидемия мультивируса... Возможно, мы подошли к самому порогу, и они просто помогли нам переступить его, без лишних потерь для нас...

И для себя. В любом случае, — губы Арвида вздрагивают и слабо кривятся, словно он хочет усмехнуться, но забыл, как это делается, — если они держат камень за пазухой, ты не выяснишь этого, сидя на Земле.

— Ты пытаешься манипулировать мной. Как хайлоны.

Он вздыхает и снова опускает веки. Голова бессильно свешивается на грудь.

— Когда ты несла меня через космос, как беспомощного котенка, я чувствовал твой восторг, твоё упоение полетом. Я знаю, ты хочешь испытать это снова. Я бы на твоём месте хотел.

Я смотрю в небо, смотрю до тех пор, пока синева не расступается, открывая моему взгляду усеянный звездами простор. На мгновение я теряюсь в огненной россыпи, потом любопытство, жгучее до боли, толкает меня вперед — через полгалактики. Я застываю на траверзе планеты, так похожей на Землю, что в первый момент это сбивает меня с толку. Потом я вижу орбитальные города и снующие туда-сюда корабли, различаю непривычные контуры материков. Я бросаюсь вниз. Я падаю на планету. Мне не страшно, мне весело. Я вижу запрокинутое к небу детское личико, в черных от испуга глазах — мое отражение...

***

Мы с Арвидом в саду, посреди лужайки. Под ногами подстилка стриженной травы. Я гляжу снизу вверх — на Арвида и на звезды в ночи.

— Видишь вон ту, совсем маленькую? — спрашивает Арвид. — Она называется Стелла.

— Правда?!

— Зуб даю, — я слышу в его голосе улыбку, но верю безоговорочно.

Пройдут годы, и я узнаю, что Арвид не солгал мне. Любая звезда на небе — stella. ☐

Аварийный выход

Игорь покосился на приборную панель так, будто на ней сидела ядовитая фиолетовая жаба, как минимум. Тронул клавиатуру, отстучал на ней пальцами нервную дробь и, подышав на убийственно темный экран, нарисовал на стекле смайлик. Окончательно исчерпав на этом свой удивительно скудный арсенал проявлений паники, он вздохнул и задал неизбежный в нашем положении вопрос:

— Так что делать будем?

Я устало пожал плечами. От острого недосыпа ломило виски, чуть дрожали руки, желудок поминутно напоминал о себе болезненными спазмами, и даже глаз дергался — от этого мне казалось, что смайлик скептически подмигивает и ухмыляется. Выражение его «лица» было настолько вредным и адекватным сложившейся ситуации, что, видит Бог, сейчас я предпочел бы компанию жабы. Или даже двух.

На панели одиноко мигал датчик аварийного питания. Все остальные приборы не подавали признаков жизни. Игорь выжидающе сверлил меня взглядом, похрустывая сплетенными пальцами.

— Что делать, что делать... — пробормотал я. — Не ждать же на орбите солнечного ветра. Пусть мы станем приятной неожиданностью для центра. Влетим в окно, как Карлсончик...

— Хорошо бы не как Летучий голландец, — усмехнулся Игорь, щелкая тумблером. В секторе управления WAP-двигателем одна за другой загорелись клавиши управления. На моем экране высветились настройки курса: все верно, автоматически заданы координаты ближайшего к Земле навигационного маяка.

Александра Давыдова

Родилась в Ростове-на-Дону, в 2010 году переехала жить в Екатеринбург. Филолог по образованию (специальность — теория литературы). Любимая сфера рабочих интересов — проведение тренингов и интерактивов, разработка игр. Фантастику пишет с 2008 года. В январе 2012 вышли ее первый роман в соавторстве с Виктором Колюшняком под псевдонимом Алексей Верт («Дзен-софт», киберпанк, изд-во «Астрель») и сольная книга «Вечер у Вайетов» (изд-во «Шико», Луганск). Помимо «Уральского следопыта», печаталась в журналах «Если», «Реальность фантастики», «Азимут». Любимые жанры — мистика, социальная фантастика и киберпанк.

Пошел обратный отсчет...

Родители заподозрили у меня нарушение координации движений при ходьбе где-то в возрасте четырех лет. Но походы по врачам не давали никакого результата — все они после диагностики разводили руками: здоров, абсолютно здоров. Ага, только вот на затылке каждую неделю — новая шишка. Меня учили: «Если падаешь — группируйся!» Просили быть внимательным. Крепко держали за руку на прогулке. Но все бесполезно. Я просто не смотрел под ноги — небо казалось гораздо интереснее. Ведь

там были звезды. А если гулять, задрать голову, то и вправду сложно не спотыкаться.

Потом я выпросил бинокль в подарок и перевел наблюдения в стационарную плоскость. Родители вздохнули с облегчением и обрадовались исчезновению загадочной «падучей». А я выяснил, что звезд на небе гораздо больше, чем казалось раньше.

— Любуешься, Макс? Правда, красиво? — как-то спросил меня отец.

Я удивился:

— Нет, считаю...

Со временем я понял, что к звездам можно относиться и по-другому. В то время, как я сравнивал их яркость, проводил воображаемые линии вдоль Млечного пути и следил за траекторией движения спутников, некоторые просто на них смотрели. Восхищались. Пели о звездах серенады. Выстраивали астрологические умозаключения, претендующие на само будущее. И так далее. Получается, там, где я видел цифры и науку — уже на вступительном собеседовании в интернат сразу сообщил, что «собираюсь стать астрофизиком», большая часть человечества, так уж повелось, усматривала лишь романтику и поэтичность.

Я заподозрил у себя легкое психическое расстройство, когда мне было двадцать. Как раз шла курация по реликтовому излучению под руководством дотошного и вьедливого профессора. Объемы самостоятельной работы ужасали, на практических занятиях в «нерадивых недоучек» металась громы и молнии, на лекциях некоторые даже приспособились спать с открытыми глазами, чтобы компенсировать недосып — дневного времени катастрофически не хватало на подготовку. Я же,

хотя кафедра РИ была одной из любимых, впал в какой-то ступор: отвечал невпопад, не запоминал прочитанное, пропускал мимо ушей огромные куски лекций, задумавшись. Впервые наука меня волновала меньше, чем навязчивая идея. Идея абсолютно не связанная — вот удивительно — ни с расчетами, ни с космосом. Для моего сознания подобное отношение к учебе было настолько не свойственно, что, пребывая в ужасе от следствий, не сразу осознал причину.

А осознав, приволок Лере самый большой букет цветов, который только можно было найти в университетском городке, и признался в любви. Метод вправления мозгов оказался на редкость правильным: не получив от ворот поворот, я на радостях ухитрился не завалить экзамен.

Лера училась на арт-факультете. Знаете всякие присказки о противостоянии физиков и лириков? Так вот, на собственном опыте скажу, астрофизик и художник понимают друг друга еще хуже. Причем корень зла скрывался как раз в моей профессиональной сфере.

— А ты можешь подарить мне звезду? — спросила она как-то вечером, поглядев на небо.

Я сразу начал прикидывать: так, открыть новое небесное тело в студенческой обсерватории довольно сложно, придется просить практику на одном из крупных телескопов, месяца два-три потом займет расчет галактических координат, уточнение яркости, определение температуры поверхности...

Лера потерлась носом о мою щеку:

— Ну, или хотя бы сравни меня с ней.

Оказалось, что она имела в виду гораздо более романтичные и простые вещи: назвать звезду именем «Лера» и сфотографировать ее, например. На деле же астрофизические будни оказались

гораздо прозаичнее, чем она представляла: ноутбук считал, я проверял его расчеты, изредка заглядывал в телескоп и совсем не был похож на таинственного звездочета. Да еще и воинственно огрызался на ненаучное отношение к предмету. Довольно скоро моя прекрасная половина загрузила — я не оправдывал ее ожиданий и представлений. Если учесть, что я как раз собрался делать Лере предложение руки и сердца и совсем не хотел услышать в ответ отказ или сомневающееся «я подумаю», необходимость срочно исправлять харизму романтическими вливаниями была налицо.

Поэтому летом после четвертого курса я прошел медицинское обследование, пару сотен тестов и поступил в магистратуру на «полевую работу», как мы ее называли. С получением дополнительной квалификации «пилотирование космических судов класса В». В общем, намылвился в космонавты.

Романтический ореол вокруг этой профессии стал широк, как пояс астероидов, и непоколебим, как суперсимметрия, еще с того самого момента, как «он сказал «Поехали!» и махнул рукой». Вот уже полтора века героические пилоты звездолетов совершали подвиги на страницах фантастических романов, а с некоторых пор — и в реале, космос лежал у их ног вместе с толпами поклонниц, девяносто процентов мальчишек дошкольного возраста отвечали вполне однозначно на вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»

Когда меня тошнило после отработки аварийной посадки на симуляторе, цвет лица в зеркале напротив неуловимо напоминал капусту, подгнившую от неправильного хранения, а от перегрузок начинался нервный тик, романтики в этом я ни на грош не усматривал. Чувствовал только

усталость и раздражение из-за уменьшения доли теоретических курсов в общем графике занятий. Зато Лера могла говорить всем: «Максим — космонавт!»; и в ее исполнении это звучало так, как будто я, по меньшей мере, был королем мира. Ради ее восхищения стоило поблеть после центрифуги, и не один раз.

К тому же, я несколько сменил свою точку зрения на космос. Не только созерцательно-художественные личности им любовались вместо того, чтобы изучать — он и сам был против того, чтобы его исключительно «считали». И демонстрировал свое несогласие довольно наглядно. Окончательное осознание этого пришло на лекциях по теории гиперпространства и практических занятиях по применению аварийных двигателей.

Уже на вводной лекции профессор рассказал, что сразу после того, как в сентябре две тысячи девятого на Землю вернулся насовский WMAP-спутник с подробными данными о неоднородностях реликтового излучения, это подкинуло дров в костер ученых, разрабатывающих теорию гиперпространства. Некоторые из полученных данные о флуктуациях излучения великолепно вписывались в картину неплоскостной топологии Вселенной, и наука рванула семимильными шагами в этом направлении, получив все карты в руки. И хотя над Землей, выходя из строя, все еще периодически падали пассажирские «Боинги» и более-менее регулярные космические полеты не выходили за пределы Солнечной системы, уже к пятидесятым годам прошлого века гиперпространственный двигатель был изобретен и запатентован.

В математических моделях все сходилось идеально. Система движения от маяка к маяку не предполагала

проблем с расчетом и прокладыванием маршрута. Эксперименты на крысах, а затем и на собаках показывали полную безопасность проекта для живого организма. Новые Белки и Стрелки демонстрировали в ходе испытаний отличное здоровье и настроение. Гиперпространственники ликовали.

Был построен первый корабль с двигателем от фирмы «Wave Anisotropy Point», дан торжественный пробный старт... И судно вынырнуло через полтора суток в нужной точке пространства — правда, без экипажа. Точнее сказать, почти без экипажа. Семеро из двенадцати были мертвы, двое — в коме, еще двое — сошли с ума, а последний, как ни странно, — в норме. Он же и привел корабль обратно на обычных двигателях. Научная комиссия была в шоке. Ничто, как говорится, не предвещало, и тут вдруг такое.

Тщательно обследованные сумасшедшие на пару твердили о тайнах космоса и звездном величии и отказывались глядеть на небо.

Не найдя ни одной ошибки в расчетах и тщательно проверив все характеристики двигателя, эксперимент повторили еще раз — с отчаянными добровольцами. На этот раз выжило и осталось в своем уме четверо из двенадцати, сошло с ума трое, остальные откинули коньки. Среди не пострадавших был психиатр, который сразу же расспросил свежее испеченных пациентов и сумел добиться фраз типа: «Вселенная не такая, какой кажется», произнесенных в священном трепете.

Полеты в гиперпространстве оказались смертельной лотереей, не объяснимой с точки зрения теоретической науки. Экипажи в рамках экспериментов регулярно теряли людей, а радужные мечты о быстрой экспансии во вселенную разбивались о человеческий фактор, не совместимый с таким

типом перемещений. Как метко выразился мой преподаватель: «Десятки лет фантасты щелчком пальцев покоряли гиперпространство на страницах книг, а в действительности оно вытерло ноги о покорителей космоса». Не помогли ни новые расчеты, ни усовершенствование математических моделей — ни-че-го..

В итоге, каждый из кораблей все равно, в рамках инструкции по безопасности, стал оснащаться WAP-двигателем, который играл ту же роль, что и аварийное катапультирование в надземной авиации. На орбите Марса установили маяк, координаты которого по умолчанию вводились в дополнительную операционную систему корабля. Так что в случае безвыходной чрезвычайной ситуации всегда был последний шанс на возвращение домой. По крайней мере, сам корабль с оборудованием и грузами возвращался со стопроцентной вероятностью.

С Лерой мы давно уже жили вместе. Но пожениться все никак не могли. Сначала не было денег, а ей хотелось красивую свадьбу. Потом начались мои полеты — хорошо, если продолжительностью по несколько месяцев, а не лет.

— Ждать и смотреть на звезды, — кричала она во время ссоры. — Да я скоро возненавижу их за то, что они отнимают тебя у меня!

Да, романтика космических полетов на проверку оказалось такой же несостоятельной, как и сухая наука.

Когда мы виделись в последний раз, Лера опять подняла больной вопрос: что нам делать, чтобы остаться вместе? И, самое страшное, нужно ли нам это?

Твердо зная, что мне она нужна сильнее, чем воздух и весь остальной мир вокруг — конкуренцию

могли составить, пожалуй, только звезды, я пообещал придумать что-нибудь. Ведь всегда можно найти компромисс. И из любой ситуации есть выход, даже если шансы на успех ничтожно малы.

А потом я улетел в командировку к Лаланду в должности второго пилота.

По дороге туда мы спокойно готовили космические аппараты к выгрузке, делали фотосъемку звездного неба «с неземных ракурсов» и считали, считали, считали... По количеству запросов от Центра космических разработок на исследование различных объектов это был мой самый насыщенный полет в плане теоретических изысканий. В практическом же плане все шло скучно и пресно, как по нотам: ни одного сбоя оборудования, ни одного даже завалившегося метеорита по курсу.

Долетели хорошо, выпустили наших «птичек» на заданные орбиты, оставили маячок и повернули назад. И попали на полпути в «мертвую зону».

Сначала забарахлил автопилот. Потом начались проблемы с навигацией. Добавьте к этому, что связь с Землей вырубилась сразу же вслед за автопилотом, и сможете понять, почему настроение у нас испортилось сразу и довольно серьезно. Корабль просто «понесло» куда-то, а я с Игорем сутками без сна и отдыха торчал в рубке, пытаюсь хоть как-то повлиять на хаотичные перемещения груды металла, которая стала неуправляемой.

Мы, конечно, знали о том, что, бывало, за пределами Солнечной системы космические аппараты редко, но терялись; и пополнить статистику по этим самым потерянными кораблям нам очень не хотелось. Должно быть, так же чувствовали себя капитаны древних парусников, попадая в Саграссово море. Когда не работают ни руль, ни ветрила, связи

с суши нет, и, в общем-то, понятно, что живым отсюда выбраться вполне может и не получиться. Как море сотни лет назад забирало положенную ему жертву у отважных мореплавателей, так и космос продолжил эту политику. Ничем не объяснимую, с точки зрения существующих официальных научных теорий, но вполне понятную, если избавиться от скепсиса и допустить существование мистического и непознаваемого.

После сотой попытки связаться с Землей или победить свихнувшийся бортовой компьютер Игорь высказался в духе того, что, мол, обычному пространству мы проиграли с разгромным счетом «ноль: очень много». После чего поморщился, скептически покосился на приборную панель так, будто на ней сидела ядовитая фиолетовая жаба, и спросил:

— Так что делать будем?

Я пожал плечами:

— Что делать, что делать... Не ждать же на орбите солнечного ветра. Пусть мы станем приятной неожиданностью для центра. Влетим в окно, как Карлсончик...

— Хорошо бы не как Летучий голландец, — усмехнулся Игорь, щелкая тумблером.

Аварийный гиперпространственный двигатель завелся с пол-оборота, и начался обратный отсчет. За пять секунд до прыжка я подумал о фотографиях самых красивых созвездий, которые сделал специально для Леры, и от души пожалел комиссию, которой без моего участия ни за что не удастся угадать, в чем их научная ценность.

Я бы не сказал, что сошел с ума. Просто вся до этого существовавшая в моей голове картина мира,

аккуратно разложенная по полочкам, оказалась перевернута вверх дном. Объяснить, что я при этом чувствовал — такая же непростая задача, как показать глухому на пальцах «Лунную сонату», чтобы он мог сесть за синтезатор первый раз в жизни и тут же сыграть ее. Но я все-таки попробую.

Думаю, в этой лотерее все тянут один и тот же билет: вопрос в том, что творится в собственной голове. Как оказалось, гиперпространство не «вытирает ноги» о космонавта, оно всего лишь позволяет ему вывернуться наизнанку так, что появляется возможность пнуть собственные мозги и посмотреть, что из этого получится. Любопытство — великая вещь, и я удержался лишь потому, что мне было, к чему, точнее, к кому стремиться в этой жизни. Несмотря на огромный соблазн проверить, что произойдет, если допустить к себе в голову модели и способы существования Вселенной, которые полностью противоречат человеческой логике — да и логике вообще. Несчитаемые, необъяснимые, не поддающиеся систематизации. Рвущие сознание в мелкие клочья.

Неудивительно, что после подобной встряски мозг у большинства не выдерживал. У некоторых в прямом смысле — и они умирали от нарушения нервной регуляции, у других — в переносном, и они благополучно сходили с ума. Сознание сохраняли лишь единицы, у которых по счастливому стечению обстоятельств был «якорь», ради которого можно было отказаться от любопытства и закрыть глаза на предлагаемые тайны. Пусть даже они подавались на блюдецке с голубой гиперпространственной каемочкой.

Игорь тоже не умер и не сошел с ума — ну, по крайней мере, успешно прикинулся нормальным.

Своими ощущениями друг с другом мы не делились — после выхода в Солнечную систему молча просидели в ступоре часов десять, пока не подошли спасательные суда. Потом и возможности особой не было пообщаться: комиссии, проверки, медицинские тесты, психологи, как это обычно бывает.

В СМИ пошла серия репортажей о том, что «Россия как летала в двадцатом веке на устаревших самолетах, так и сейчас технические неисправности космических кораблей ставят жизни наших экипажей под угрозу». Комиссия действительно нашла серьезные неполадки в работе систем корабля, и у технической службы полетели головы. А я, поставив подпись на сотне бумаг и пройдя все положенные тесты, наконец поехал домой.

Подходя к подъезду, я поднял голову. Наше кухонное окно светилось, на подоконнике виднелся Лерин силуэт. Она всегда встречала меня из полетов именно так — как дети ждут чуда от незнакомого мира, прижавшись носом к стеклу.

Когда я шагнул через порог, она не оглянулась, а продолжала глядеть в сиреневое небо с появляющимися на нем одна за другой искрами.

— У меня плохая новость, — прошептала Лера, когда я подошел и тронул ее за плечо. — Если бы кто-то не вернулся, я бы его просто убила. И им, — выразительно помахала пальцем перед носом у разгорающегося Млечного пути, — я тебя не отдам, даже не надейся.

— У меня тоже плохая новость, — ответил я искусственно безразличным голосом. — Кто-то назвал звезду в твою честь и даже сфотографировал ее, но — подлец этакий — от волнения перед встречей забыл на корабле все фотографии. ☒

Изваяние

С пятого этажа отеля, выстроенного на побережье, открывался изумительный вид на залив. Океан раскинулся до самого горизонта, густая поросль деревьев, отдаленно напоминавших средиземноморские сосны, подступала к воде, оставляя полосу чистейшего белого пляжа, на который нехотя наплзали маленькие ленивые волны. Над легкой зыбью кружили местные птицы — некоторые очень даже смахивающие на земных чаек, а некоторые — совершенно экзотические, как и положено на чужой планете.

Километрах в трех по воде скользила яхта, но на самом пляже было малоллюдно — буквально несколько отдыхающих. Все вокруг дышало спокойствием и безмятежностью. «Трудно себе представить, — подумал Иван Зиглер, — что всего четыре года тому назад за Аллу шли бои».

Тогда СМИ широко комментировали эти сражения. К счастью, бои оказались короткими, и поверхность планеты пострадала мало: ударное соединение Земной Федерации почти сразу отрезало главные силы пратов, и те так и не смогли провести массивную бомбардировку.

Иван посмотрел на часы. «Черт бы побрал Шамиля, — подумал он. — Вытащил меня сюда, и мало, что не встретил, но уже второй день сам не появляется!»

Стараясь успокоиться, Иван прошелся по номеру взад-вперед и уже не в первый раз попытался привести в порядок в голове все, что он слышал и читал про Аллу.

Алла находилась достаточно далеко от ближайшей населенной системы Федерации. И здесь как раз служил Шамиль Готье, его приятель еще по школе. Шамиль занимал не последнюю должность в комите-

Борис Долинго

Родился в 1955 г. в г. Коканде, Узбекской ССР.

С 1975 г. живет в Екатеринбурге.

Окончил УрГУ, физический факультет. Первая публикация — 1990 г., издательство «Уральский следопыт» (в сборнике «Пристань Желтых кораблей»). Рассказы Бориса Долинго печатались в журналах «Уральский следопыт», «Веси», «Звездная дорога», «А-Хобби», «Сокол». Автор восьми романов, вышедших в свет в издательствах «Армада», «АСТ» и «Лениздат».

С 2002 г. — председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлита». Член Союза Писателей России.

те Охранного департамента Планетарной Дипломатической Миссии или коротко ПДМ — организации, игравшей на просторах освоенного космоса примерно ту же роль, что когда-то на Земле легендарная ООН. Департамент занимался опекой планет, где худо-бедно, но уже возникла цивилизация.

Если задуматься, то не только праты, но и сами земляне, когда они только-только начали осваивать дальний космос, вели себя по отношению ко вновь открытым мирам совсем не как добрые самаритяне, особенно если встреченные аборигены еще не вылезли из пещер. Так на корню была фактически загублена пара культур, сохранившиеся представители которых теперь влачили хотя и сытое, но тупое существование в наскоро созданных резервациях-заповедниках на бывших собственных планетах, ставших придатками в структуре добывающей промышленности и системе межзвездного туризма.

Но когда земляне столкнулись с деяниями пратов, они ужаснулись — и, наконец, приняли достаточно жесткие законы, согласно которым, ни одна корпорация не могла вести самовольный бизнес на вновь открываемых мирах, если там имелаась разумная жизнь, какие бы богатства на планете ни находились.

Трехсотлетний опыт полетов в дальний космос открыл некоторую закономерность возникновения жизни во Вселенной, и, вопреки многим утверждениям, жизнь оказалась не такой уж редкостью, хотя разумные формы встречались, естественно, не на каждом шагу. Не везде и млекопитающим удавалось взобраться на вершину эволюционной пирамиды, однако формы живых существ имели значительное сходство. Наверное, этого и следовало ожидать: общность физических законов нашей Вселенной рождала и общность закономерностей развития жизни, а, значит, и ее типов в большинстве своем.

Праты, цивилизация которых строилась на нещадной эксплуатации природных ресурсов любой открываемой планеты, начали использовать безответных алланцев как разумный рабочий скот. Они преспокойно практиковали рабство даже в своем обществе, и ждать при этом более гуманного отношения к представителям других рас не приходилось. Земляне до подобного впрямую и ранее не опускались и, освободив Аллу, приняли наконец конкретные законы, защищающие более молодые культуры.

Алла как раз относилась к типу планет, поживиться богатствами которых нашлось бы множество охотников: залежи золота, редкоземельных элементов, алмазов, нефти, урана и много чего еще, и при этом из-за соответствующего наклона оси — райски стабильный климат в большинстве широт.

В последний год здесь начали активно расти курорты, хотя земля под отелями выделялась только на правах аренды у местных жителей на 10 лет с возможностью

последующей пролонгации договора. Государственной политикой Земной Федерации стало объявление защиты аборигенов от разрушающего влияния технологической цивилизации до тех пор, пока общество Аллы не окажется полностью готовым к подобному укладу.

Золото или те же алмазы вывозить разрешалось только как официальную плату аборигенов за некие услуги, которые земляне могли им оказать. Если какой-нибудь турист попадался на таможне с мешочком драгоценностей без соответствующего документа, закон оказывался суров: нарушителя ждало, как минимум, понижение на пять пунктов в Социальном Статусе. Для человека достаточно солидного это было равносильно краху карьеры. Для юноши, не успевшего достичь соответствующего уровня СС, наказание оборачивалось годами принудительных работ, а по их окончании — пожизненным присвоением лишь первой социальной категории.

Именно поэтому, как сообщали СМИ, с момента окончания войны с пратами на Алле из бизнесменов присутствовали в основном только специалисты туристического бизнеса или торговцы ширпотребом. Чуть меньше года тому назад обнаружилось, что алланцы просто с ума сходят по предметам земного изобразительного искусства — картинам, статуям и тому подобным вещам. Причем не только и не столько уже готовым, сколько сделанным, что называется, «на месте», с натуры — именно за такое аборигены платили, не скупясь.

Однако прилететь на Аллу мог позволить себе далеко не каждый — слишком далекое и дорогое путешествие, но, тем не менее, как только заговорили о спросе на предметы искусства, сюда сразу хлынуло большое число арт-ваятелей. Часто они добирались до Аллы на последние деньги в расчете заработать состояние. Формально в этом не было ничего противозаконного, но, когда на таможне остановили очередного «Рубенса», нелегально вывозившего

пятьдесят кило алмазов, ПДМ отреагировала соответствующим образом. Въезд «творцов» ограничили не менее жестко, чем въезд бизнесменов: теперь для попадания на Аллу арт-ваятелям требовалось иметь конкретный заказ с письменно заверенным свидетельством.

Шамиль вызвал Ивана срочной и очень дорогой транк-депешей, в которой дал понять, что для Зиглера как раз есть великолепный официальный заказ. Иван хорошо понимал, что его приятель многим рискует, явно пользуясь служебным положением, и потому заказ, видимо, был на самом деле очень выгодный.

А Иван после развода прочно сидел на мели: Айгюль оказалась еще той стервой, а земные законы в подобных вопросах, особенно после Эпохи Великой Реформации Ислама, защищали в большей степени женщин. Надо сказать, что Зиглер был во многом сам виноват: он верил в истинные чувства и не позаботился соответствующим образом прописать в брачном контракте нюансы разделения имущества при возможном разводе.

Бывшая жена, доказав в суде, что у нее отсутствуют иные источники существования, ободрала только-только начавшего прилично зарабатывать арт-ваятеля как липку. Впрочем, вряд ли стоило винить ее больше, чем существующие законы.

Иван в одночасье остался без собственного дома в Найроби — месте, где последние лет сто селились арт-ваятели, а его счет в банке похудел настолько, что называть его вслух «счетом» стало даже неприлично. Айгюль и ее адвокат, войдя в раж, пытались отобрать даже набор ваятельских инструментов и аппаратуры, но свои «орудия труда» Ивану удалось отбить — ведь это тоже были его единственные «средства к существованию».

И вот сейчас Шамиль по дорожному стелларкому потребовал, чтобы Зиглер немедленно бросал все дела.

— Рви когти сюда, парень! — заявил Шамиль.

Иван вяло объяснил, что он теперь почти нищий, и, чтобы купить билеты на Аллу, ему придется заложить последние штаны.

— И заложил! Заложил, что хочешь, но прилетай! — чуть не заорал Шамиль. — Тебе ВСЕ компенсируется! А если высшее руководство узнает о моей протекции, то я точно должности лишусь. Именно поэтому звоню не с работы, а за свой счет, и, как ты понимаешь, счет мне придет немалый!

— Ну, в двух словах-то скажи, что за заказ? — Иван сделал последнюю попытку выудить информацию из приятеля.

— ПРИ-ЛЕ-ТАЙ! — отчеканил, как отрезал Шамиль. — Я же сказал: уедешь богатым человеком. Официально! Номер в отеле для тебя будет забронирован и оплачен — за пару дней я сам заплачу, и не вздумай меня подвести! Я уже направил запрос на визу для тебя — по каналу Планетарной Миссии, между прочим. Так что — смотри: если подведешь, то я точно в полном дерьме окажусь. Находи деньги, где хочешь, но жду тебя максимум через две недели. Пока, до встречи!

Готье отключился.

Иван с минуту смотрел прямо перед собой, в точку, где до этого светилось изображение приятеля, а потом смачно выругался и стал ходить по комнатухе, которую теперь снимал, словно тигр по клетке.

Хорошенькое дело — возьми билет до Аллы! В одну сторону на Аллу и не продавали, значит, обязательно придется брать обратный, хоть и с открытой датой. То есть удовольствие обойдется тысячи в две с половиной, как минимум. Плюс деньги на время полета — а это неделя в пути, не меньше, плюс стоимость питания и тому подобные штучки на борту рейсового звездолета, что тоже не по льготным ценам.

И никаких заказов нет, даже аванс нигде не перехватишь...

Зиглер вздохнул и через информационную систему перевел в транспортную компанию, выполнявшую рейсы на Аллу, нужную сумму. На его дистрофическом счете оставалось около шести тысяч кредитов — и на эти деньги надо будет еще как-то жить! А если Шамиль полную авантюру предлагает?

Хотя что-что, а Шамиль никогда не слыл трепачом. Значит, он выудил действительно сногсшибательный заказ...

В дверь номера постучали. Иван поспешно крикнул: «Войдите!»

Появился местный служитель, одетый в подобие архаичного земного фрака, сшитого, безусловно, специально на алланца, но все равно смотрившийся комично. Видимо, к этому стоило привыкнуть.

У алланцев тоже существовали расовые различия, но в целом они подпадали под некий общий видовой «стандарт», как и земляне. Можно было сказать, что аборигены напоминают людей — они являлись гуманоидами, но при этом выглядели до боли смешно. Фигурой они больше всего напоминали некую помесь человека с пингином: почти полное отсутствие шеи, покатые плечи и широкий таз.

Аборигены выглядели нелепо в службах терминала челноков или за гостиничной стойкой. Приземистые, коротконогие, с плосковатыми лицами — они казались персонажами из гротескной анимации.

Но алланцы почти боготворили землян, и это сильно скрашивало ощущения, которые Иван начал непроизвольно испытывать, как только увидел первого жителя планеты.

Служитель поклонился Зиглеру и передал письмо в наноконверте — ваятель ни на секунду не сомневался, что оно от Шамиля. Передача послания таким способом означала, что Готье старается соблюдать конспирацию.

Выпроводив служителя и дав ему пятерку «на чай», Зиглер поелозил над специальным швом конверта декодирующей кромкой личного коммуникатора. Через секунду материал письма тихо зашуршал, распадаясь, а в воздухе возникло изображение Шамиля.

«Дружище! — Шамиль приложил правую ладонь к сердцу. — Виноват, что не встретил, но — дела, я ж гостиничник! Спешу сообщить, что с твоим заказом все а-атлично. Буду сегодня к вечеру, встретимся — все расскажу, все обсудим. Ты только пока ни о чем ни с кем не трепись. Будут вопросы, отвечай: приехал отдохнуть, заказы поискать — и все. Больше — ни звука!»

Изображение исчезло, от конверта осталось несколько малозаметных пылинок на столе. Иван крякнул, дунул на стол, еще немного послонялся по комнате и пошелся на пляж.

***

Готье, как и обещал, вернулся под вечер.

Иван успел наплаваться, позагорать, пообедать в ресторане с на удивление приемлемыми ценами и поболтать с одним из постояльцев, назвавшимся представителем Марсианского уранового консорциума.

Зиглер удивился — он считал, что коли на Алле нет и пока не предвидится разработок полезных ископаемых по стандартным земным технологиям, то бизнесменам от подобного производства здесь делать нечего. О себе он сообщил то, что и рекомендовал Шамиль.

— Ну, — улыбнулся бизнесмен, — судя по тому, что вы нашли деньги на билеты, чтобы съездить «поискать заказ», вы не очень-то бедствуете.

Иван пожал плечами.

— Все в мире относительно, — философски заметил он. — Кое-как наскреб. А вы как собираетесь ве-

сти дела? Ведь на Алле урановую шахту или золотой прииск уж точно не откроешь!

Бизнесмен охотно кивнул:

— Разумеется! Но ведь ПДМ рассматривает разные варианты включения тех же залежей урана в число продуктов, на доходы от которых аборигены могли бы быстрее развивать свою цивилизацию. — Он хихикнул и добавил: — Развивать так, как нужно Федерации, ну вы меня понимаете?.. И если золото и алмазы они еще кое-как сами выковыривают из земли и несут нам, то уран или ниобий добыть не смогут. Все равно придется находить некий компромисс.

ПДМ сейчас над этим задумалось, ломает голову — и вот я здесь! — Он открыто засмеялся с явным чувством собственного достоинства. — Мы как-никак старейшая горнодобывающая компания вне Земли!

— Понимаю... — глубокомысленно кивнул Иван.

Он собирался задать еще вопрос, но в этот момент на веранду ресторана вошел Шамиль, зорко оглядел полупустой зал и направился к столику Зиглера.

Шамиль выглядел настоящим государственным чиновником, причем статус его чувствовался во всем. Декоративная арафатка цветов Федерации, легкий, почти прозрачный по погоде бурнус, в широком разрезе ворота которого выглядывала традиционная белая сорочка с «бабочкой», на среднем пальце левой руки — внушительный перстень-коммуникатор с гербом ПДМ. До блеска начищенные черные остроносые штиблеты с дырочками выглядывали из-под складок одеяния, словно клювы двух любопытных птиц.

Приятели обнялись, Шамиль подчеркнуто холодно поздоровался с урановым бизнесменом, и тот, чувствуя, что стал лишним, деликатно откланялся.

— Колись, — сказал Зиглер, когда после традиционных «Ну как ты?..» они пропустили по первой, — выкладывай, что у тебя за работенка?

— А-а! — расплылся в улыбке Шамиль и погрозил пальцем. — Такой заказ сложно найти, не будучи госчиновником, а вот заработать на нем совершенно официально — уже просто, главное соблюсти приличия, так сказать... Честное слово, через какое-то время ты уедешь действительно богатым человеком! И, кстати, твои акции как арт-ваятеля серьезно поднимутся, славу приобретешь. Ведь пока мало кому удавалось создать здесь нечто, достаточно монументальное. Все ваятели пока по мелочам работали... Ты, надеюсь, старому приятелю отстегнешь десять процентов за хлопоты? Ну, должен же и я тоже что-то зарабатывать, помимо жалования, верно?

— Не вопрос, дружище, — согласился Иван, — но что за заказ-то такой, что озолотиться можно?! Неужели, действительно, большие деньги?

Готье хитро прищурился, секунду разглядывал Зиглера, а потом разлил по рюмкам текилу, которую, как услышал в новостях Иван, уже собирались производить на местных плантациях из прекрасно прижившейся агавы.

— Клянусь Аллахом, этим якобы не пьющим богом предков, ты заработаешь много, — заверил Шамиль. — За успех нашего общего дела!

Они лизнули соль, выпили и закусили ломтиками лайма, прижившегося на Алле, как и агавы.

— Вот прикинь, — сказал Шамиль, — сколько, говоришь, у тебя увела твоя стервоза?

— Миллиона три в общей сложности.

— Хорошая сумма, — с уважением согласился Готье и махнул рукой: — Но тут ты все вернешь с горкой. Я не знаю, сколько времени тебе потребуется, чтобы сделать статую человека, высотой метров пять, но миллионов десять ты получишь!..

Зиглер округлил глаза и присвистнул.

— Неплохо, да? — продолжал Шамиль. — По два миллиона за метр изваяния! Заказчики, правда, жа-

луются, что вывернули карманы наизнанку, но деньги найдут, никуда не денутся.

Говорил бы это кто другой, Иван бы ни за что не поверил, но Шамиль всегда отличался точностью в делах — оттого и сидел на своем месте в ПДМ.

— Изваяние? — переспросил Иван. — Что за изваяние?

— Статуя, обычная статуя. Ты статую сможешь сделать?

— Статую — кого? Местного аборигена? Или их бога?

Шамиль хихикнул:

— Говорю же — человека! Это один военный пилот. Хотя он для местных почти что бог.

— Вопросов нет, сделаю! И кто же это такой чести удостоился?

— Пилот штурмовика из первой земной группировки, оказавшейся в районе Аллы. Они сразу вступили в бой с пратами.

— А откуда аборигены знают про такое? — удивился Иван. — И зачем им статуя этого пилота?

Шамиль усмехнулся и налил еще текилы.

— Изваяние! — Он поднял вверх указательный палец. — Аборигенам страшно понравилось это слово. Всегда и почаще говори «изваяние» — им все понравится еще больше.

— Хорошо, я так и стану делать, — пообещал уже чуть захмелевший Зиглер.

Шамиль снова усмехнулся и продолжил пояснения:

— Пилота звали... э-э... — он покопался в выскакивающих из его гербового перстня голографических окошках, — Касим Яранцев. Его штурмовик подбили, он совершил вынужденную посадку на Алле как раз в районе одной местной деревушки в горах. Праты выслали отряд, но то ли недооценили возможности земного пилота, то ли этот Касим был парень ловкий — он тогда сумел уничтожить всех. Аборигены ликовали:

с неба свалился чуть ли не бог, который стал убивать гнусных захватчиков, понимаешь?.. Давай, кстати, выпьем за победу над пратами — Алла — райское место!

— Да уж, я заметил, — энергично кивнул Иван. — Райское.

— И очень, очень прибыльное! — Шамиль аж вытянул губы трубочкой и прищурил глаза.

Зиглер почмокал, высасывая лайм:

— А что дальше случилось с пилотом?

— Дальше, собственно, случилось именно то, из-за чего у тебя есть теперь хорошая возможность заработать. Праты, естественно, выслали новый отряд. Наш пилот понимал, что следующим заходом они просто разбомбят все вокруг, от деревни не останется камня на камне, и он ушел оттуда, отводя от жителей угрозу бомбардировки. Я читал в сводке информации, что с ним хотели пойти несколько мужчин, чтобы помогать отстреливаться, но он сказал, что так они создадут лишний повод для карательной операции. Праты, естественно, все равно уничтожили бы эту деревню, но пока суд да дело, на поиски штурмовика подоспело наше ударное соединение и получилось так, что в этом районе образовался первый плацдарм землян на Алле. А пилот все-таки погиб, да... Не так давно кто-то там из старейшин деревни услышал, что земляне ставят памятники героям — то ли увидел земную статую, то ли еще как-то, и они решили увековечить у себя этого Яранцева. Изваяние сделать, одним словом.

Иван покачал головой и сказал задумчиво:

— А красивая история, черт побери!

— Разумеется, — согласился Шамиль. — Парень заслужил немного славы, хотя бы после смерти. Наши волокитчики все не соберутся ему памятник на бюджетные деньги поставить, а вот аборигены собрались. Они там даже вроде как музей героя организовали, теперь хотят статую...

— Изваяние, — чуть усмехнувшись, вспомнил Иван.
— Точно! — хохотнул Шамиль. — И, знаешь, очень удачно получилось, что старейшина обратился ко мне первому, когда я ездил с инспекцией в их район. Я, конечно, сразу про тебя и подумал, расписал господина Зиглера как великого арт-ваятеля. Но ведь так оно и есть, а работа великого творца должна стоить денег. Я уж постарался набить тебе цену! — подмигнул дипломат.

Зиглер непроизвольно ухмыльнулся:

— Сумма уж больно фантастическая. У них деньги-то такие есть?

— Да брось ты! Тут везде золота и алмазов полно. А этот заказ даст тебе не только деньги, но и славу, как я уже говорил. Лишний раз прославишь не только пилота-героя, но и сам себя. Ты ведь давно хочешь стать по-настоящему знаменитым — так вот он, шанс.

— Звучит заманчиво... — пробормотал Зиглер. — И когда встречаемся с заказчиками?

— Завтра. Сегодня еще чуть расслабимся, а завтра займемся делом...

***

Делегация из четырех «пингвинов» столпилась у двери в номер. Шамиль, возвышаясь над ними, стоял чуть в стороне и радостно скалился.

Вперед выступил пожилой алланец — глава деревенского совета или, по-простому, староста.

— Мы счастливы приветствовать землян, — сказал он на вполне приличном общеземном, хотя Иван видел, что на шее у него висит неактивная сейчас коробочка интерлингва. — Мы очень уважаем господина Готье и уверены, что он подобрал нам очень великого мастера. Нам нужно сделать очень хорошее изваяние...

Зиглера, как любого художника, покорило слово «мастер», в восприятии творческих людей Земли уже

много поколений ассоциировавшееся, скорее, с рутинной работой, чем со статусом «творца». Но сильно польстил эпитет «великого».

— Деревня обязана жизнями наших детей вашему земляку. Если бы не он, злобные праты убили бы всех! — добавил староста.

Зиглер поклонился:

— Я почту за честь создать изваяние нашего соплеменника, сделавшего так много для народа Аллы.

— Уважаемый Ир-Таки! — подал голос Готье, обращаясь к пожилому алланцу. — Я поведал ваятелю Ивану о том, что случилось когда-то. Иван очень занят, у него много заказов, но он сумел выкроить время, чтобы прилететь сюда и сделать замечательный подарок во славу дружбы народов Аллы и Земли.

Иван усмехнулся про себя — занят он как раз не был, а просто сидел без работы.

— Я приглашаю вас разделить с нами трапезу, после чего вы отдохнете с дороги, а завтра поутру тронетесь в путь, в вашу деревню.

За обедом аборигены, метаболизм которых был чрезвычайно близок к обмену веществ у землян, с удовольствием вкушали изыски ресторанной кухни отеля. Иван поинтересовался, далеко ли находится место, куда предстоит ехать. Выяснилось, что сначала придется проехать километров пятьсот вдоль побережья на слайдере, а далее, где слайдер-трасса пока не проложена, еще около двухсот по предгорьям.

— Конечно, получится достаточно долго, — сказал на ухо приятелю Шамиль, — но свободного индивидуального найма дальнего транспорта у нас пока тут нет. Выделить дипломатический транспорт я не могу по понятным причинам. Ты тут хоть и по спецвизе, но совершенно частное лицо, поэтому не должно просматриваться никакой протекции, упаси Аллах.

Придется добираться с аборигенами, они за вами приедут на станцию слайдера.

— Но это даже интересно! — обрадовался Иван. — Они приедут на каких-нибудь ездовых животных?

— Ага! На страшных местных рогатых и мохнатых конях-людоедах! — Шамиль хохотнул и налил еще вина — за обедом они пили местное сухое, очень похожее по вкусу на земной рислинг, но с более мягким, «цветочным» оттенком.

Иван озадаченно посмотрел на приятеля.

— Шучу! — отмахнулся Шамиль. — В здешних краях вообще почти нет серьезных хищников, все совершенно безопасно. Во многих местах, конечно, ездят на животных, но наши друзья, — он кивнул на чинно кушающих алланцев, — уже пользуются упрощенными автокарами. Так что доберешься с относительным комфортом.

***

Начало поездки не отличалось от такового на любой другой, уже обжитой людьми планете. Чуть меньше часа — и они оказались на последней станции слайдер-трассы. Стандартная платформа с залом ожидания и эскалаторами была пуста: смонтированная дорога здесь обрывалась, а дальше тянулось пустое пока индукционное полотно. Как сказал Шамиль, роботы, строившие продолжение магнитопровода, ушли вперед километров на тридцать.

Внизу, у основания эскалатора, ждали еще несколько аборигенов. В этом регионе жили вассо-таки — народ, к которому принадлежали и заказчики Зиглера.

Немного в стороне припарковались три автокара — простые транспортные средства, фактически самоходные тележки на широких колесах низкого давления, способные курсировать по заданному маршруту на автомате или в ручном режиме управления. На двух

тележках стояло по шесть сидений, а на третьей, грузовой — только два, туда и погрузили инструменты Зиглера и кое-какие припасы, купленные жителями деревни в располагавшейся недалеко от отеля фактории.

После нескольких минут почтительных поклонов и касаний предплечьями — у аборигенов этого края так вежливо здоровались — кавалькада двинулась в путь.

Ир-Таки рассказал Зиглеру, что дорога займет не менее суток: по горным тропам даже такие машины землян не могут двигаться быстрее. Правда, если ехать на нарапах, местных ездовых животных, то выходит много дольше.

Сиденье в целом было чуть-чуть маловато для землянина, но большого неудобства не случилось, и Иван устроился вполне сносно.

Маленький караван, шурша шинами на каменистой почве, устремился по тропе в горы. Солнце пока вскарабкалось совсем невысоко, не успев нагреть воздух, пронизанный свежими ароматами местных трав. Отдаленные вершины хребта, тянувшегося почти параллельно побережью, маячили ослепительными шапками снегов на фоне ярко-синего неба Аллы. Вдоль тропы, шедшей здесь с небольшим уклоном, курчавились заросли плотного высокого кустарника. Несмотря на слова Шамиля об отсутствии опасных хищников, у двоих вассо-таки Иван заметил вполне серьезного вида луки и стрелы.

Пока ехали, староста немного рассказал о своей деревне. Называлась она Озор и стояла на берегу небольшого озера в долине меж отрогов тянувшегося перед ними хребта. Вассо-таки выращивали скот, пряли пряжу, ткали красивые ковры. Иван хотел спросить о добыче алмазов, но не стал акцентировать лишний раз вопросы оплаты, полностью полагаясь на проработку этой темы Шамилем.

В одном месте в склоне каменистого холма, поднимавшегося слева от тропы, зияла огромная оплав-

ленная воронка, ярко блестящая на солнце карамельными наплывами спекшегося камня и почвы — шрам от когда-то шедших здесь боев. Чуть дальше оказалась еще одна воронка, потом еще одна. Распительность вокруг них так и осталась выжженной метров на сто. Хотя дезактивационные команды явно устранили все остаточные поражающие факторы нуль-взрывов и никакой радиационной и полевой активности вокруг уже не осталось, Иван передернул плечами, представив себе, что тут творилось когда-то.

Старейшина заметил взгляд Зиглера.

— Праты, — подтвердил Ир-Таки, кивая на воронку. — Если бы не земляне, они бы превратили всю нашу землю в ад. А если бы не Касим Яранцев, такая же большая яма осталась на месте нашей деревни.

Иван покивал и, включив коммуникатор, посмотрел на голографии пилота-героя, предоставленные ему Шамилем.

— Касим Яранцев, — благоговейно промолвил Ир-Таки.

Его более молодые сопровождающие, ехавшие в этой же тележке, тоже почтительно вглядывались в изображение, вытягивая короткие шеи.

Согласно биометрическим данным, пилот Касим Яранцев особым героем не смотрелся. Роста всего метр семьдесят пять, правда, сложен был крепко. Темно-русые волосы ежиком, чуть раскосые глаза и выступающие скулы, прямой и даже чуть с горбинкой нос — в этом человеке явно перемешались разные азиатские и европейские крови. Выражение лица казалось слишком добрым — совсем не под стать боевому пилоту.

Странно, подумал Иван, что мысль поставить памятник пришла в голову не землянам, а аборигенам. Впрочем, так случалось очень часто и в земной истории: некого героя ли, пророка ли часто возносят не его соплеменники, а какой-нибудь другой народ. Впрочем,

возможно, сейчас это и хорошо, а то получалось бы, что земляне навязывают алланцам собственных героев. А так благодарные жители Аллы заказывают памятник — точнее, изваяние! — чтобы прославить героя Земли. Красивый и очень благородный поступок с их стороны.

И, кстати, весьма дальновидный — особенно в купе с музеем, о котором упоминал Шамиль. Ведь весь этот край явно скоро станет туристической Меккой, и музей придется тут очень даже кстати. Золото золотом, но, когда сюда по-настоящему поедут туристы, всякие поделки местных промыслов будут прекрасно продаваться рядом с музеем, принося немалый доход.

Зиглер поинтересовался, откуда в Озоре нашлись экспонаты для музея Касима Яранцева.

Ир-Таки пару секунд смотрел на землянина, а потом попросил повторить вопрос, включив интерлингв. Коробочка что-то пропищала, и староста кивнул, расплываясь в смешной улыбке:

— У нас остались кое-какие его вещи, а еще твои соплеменники разрешили нам взять некоторые части его разбитой летающей машины.

— Ясно... — кивнул землянин. — Я с удовольствием посмотрю на ваш музей.

Староста поклонился в знак признательности, а остальные вассо-таки, которым он перевел эти слова, одобрительно закивали, перешептываясь.

Они заночевали у ручья, стекавшего с гор, хотя машины на автоуправлении легко могли двигаться и в полной темноте. Вассо-таки, похоже, не доверяли таким возможностям земной техники, а Иван не стал их разубеждать. Он долго любовался на россыпь звезд на ночном небе, на спутник, который был меньше земной Луны и назывался здесь Гутар-ано.

Все алланцы уже спали, и только Ир-Таки сидел чуть в стороне, не решаясь нарушить молчание землянина. Зеленовато-серый Гутар-ано полз над вершинами

ми хребта, высвечивая его резкие очертания на фоне иссиня-черного звездного неба. Где-то изредка покривали местные ночные то ли птицы, то ли звери.

Старейшина кашлянул:

— Скажите мне, уважаемый Иван, а страшно ли это — летать среди звезд?

Зиглер не ожидал подобного вопроса. Он чуть поежился от легкого ночного ветерка и, старательно подбирая слова, ответил:

— Сейчас нам это уже не страшно. Но ведь земляне не сразу научились летать среди звезд. Очень долго мы не умели летать там далеко и быстро. Сейчас у нас это получается. Мы летаем быстро, далеко и ничего не боимся.

Пожилой вассо-таки вздохнул:

— Как вы думаете, уважаемый Иван, мы сможем когда-нибудь этому научиться — летать среди звезд?

Вопрос снова слегка поставил Зиглера в тупик — он не был дипломатом и не слишком глубоко задумывался о политике, проводимой властями Федерации на населенных планетах, аборигены которых находились на низком уровне технического развития. Но если судить по отдельным примерам, то никто категорически не препятствовал овладению земными знаниями. Конечно, делалось это осторожно и очень постепенно. Сообщалось, что земляне строили школы, давали знания по специальным программам самым высокоразвитым народам на открытых ими планетах, прививая там расовую терпимость, чтобы эти аборигены далее уже сами просвещали своих менее развитых сородичей, не работая их при этом.

— Я уверен, что вы сможете, — сказал он. — Но такие знания получают не так быстро — вам придется многому учиться.

Ир-Таки вздохнул:

— Я это понимаю. Мы очень хотим учиться. Каждый молодой вассо-таки в нашей деревне хотел бы стать похожим на Касима Яранцева, быть таким же храбрым и управлять звездным кораблем! Мы обязательно построим школу, чтобы учиться, вот только снова накопим золото и алмазы.

Иван в полумраке с удивлением покосился на алланца:

— Снова накопите? Простите, а в каком смысле — снова?

— Ну, мы пока должны поставить изваяние Касима Яранцева. У нас почти были собраны средства на школу, но мы решили поставить изваяние. Во-первых, это память землянина, защитившего нас. Во-вторых, Шамиль Готье сказал, что раз у нас есть музей героя, то надо обязательно иметь и его изваяние — у вас это называют памятником.

Иван потер переносицу, подавляя улыбку: Шамиль, похоже, неплохо развел аборигенов на деньги.

Вслух он сказал:

— Я уверен, что у вас получится накопить и на школу. Школа ведь тоже нужна.

Староста вздохнул:

— Мы обязательно накопим. Это тяжело, но накопим. Мы хотим иметь хорошую школу. Вы, наверное, устали, уважаемый Иван. Поспите — завтра еще почти полдня пути.

Накопите, подумал Зиглер, устраиваясь в прихваченном по совету Шамиля спальном мешке, золота и алмазов у вас везде много.

***

На место прибыли уже далеко за полдень. Путь лежал через перевал, тропа сузилась, попадалась масса оползней, в общем, двигались медленно. Деревня немного напомнила старинные земные поселения

на Балканах — домики из камня-плитняка с крышами, крытыми красноватыми пластинками обожженной глины, тонули в зелени садов, живописным полукольцом окружавших почти круглое озеро.

Несмотря на то, что он не шел пешком и, тем более, не ехал верхом, Иван, не привычный к поездкам в столь спартанских условиях, действительно устал. В Озоре не оказалось никаких удобств типа душа или высокотехнологичных туалетов — подобные земные новшества сюда не проникли, хотя по наличию автокаров можно было надеяться на некие блага цивилизации. Впрочем, у аборигенов имелось нечто вроде древних земных бань, и усталому человеку даже в двадцать пятом веке горячая вода и пар очень помогали. Так что Иван сначала расстроился из-за отсутствия земных удобств, но после «бани», окунувшись в прохладную воду озера, почувствовал, что иногда вполне можно обойтись и без всего этого. Хотя бы какое-то время.

Наутро после завтрака Ир-Таки повел показывать музей. В центре чисто убранного каменного сарая, словно алтарь, возвышался кусок обшивки штурмовика. На нем была прикреплена сильно поврежденная форма пилота и покореженный взрывом унистрел — личное ручное оружие, которое земные дипломаты разрешили оставить в музее. Вдоль одной из стен расположились столы, где жители выставили и другие вещи, когда-то принадлежавшие погибшему пилоту.

С удивлением Иван заметил самую настоящую книжку — потрепанный томик избранных стихов разных поэтов в переводе на общеземной язык. Книга была напечатана на обычной бумаге, но обработана консервант-наногелем — веществом, хорошо знакомым арт-ваятелю. С одного угла книга оказалась чуть подпаленной, но в целом сохранилась очень неплохо, учитывая, через что она прошла, пережив хозяина.

Пилот Касим Яранцев точно был романтиком, а иначе с чего бы он таскал с собой на боевые вылеты стихи?

— Надо же... — пробормотал Зиглер, машинально беря экспонат: вассо-таки пока не догадались установить таблички «Руками не трогать».

Он полистал книжку, и на одной из страниц в глаза бросились строчки, написанные древним поэтом Александром Пушкиным:

*«В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни...»*

Дальше шли рассуждения про деяния некоего земного императора, но Зиглеру не они стали интересны.

Здорово сказано, подумал он. Словно как раз про этого Касима Яранцева — ведь он явно без боязни смотрел вперед, защищая аборигенов, хотя мог бы, наверное, тихо отсидеться в горах и дожидаться наших. Хотя нет, боялся, конечно, но поборол страх. На то он и герой, чтобы никто не видел его страхов. Вряд ли он думал о славе вообще, но вот слава нашла его, и Иван Зиглер обязательно поставит достойный памятник.

«И прилично на этом заработает», подсказал внутренний голос.

Собственно, а что такого? Он же не бесплатно прилетел сюда, столько денег на билеты угрохал, да и вообще... Ладно, он постарается, чтобы памятник вышел действительно достойным. В конце концов, он и сам, как арт-ваятель, глядит вперед, если не в какой-то надежде «добра» — сейчас вокруг никто не воюет и никакой «злости» нет, — то, по крайней мере, в некоторой надежде славы, это точно. Станет эта часть материка туристическим центром, а она определенно им станет, и туристы с разных планет увидят табличку с именем не только героя Яранцева, но и автора скульптуры.

Точнее — тут Иван улыбнулся, — изваяния. Плюс автор этот заработает кругленькую сумму. В общем, все складывается прекрасно.

Он похвалил музей обрадованному Ир-Таки, который потом долго еще рассказывал про пилота, про деревню и жизнь аборигенов. Наблюдая бесхитростный примитивный быт, Иван не переставал удивлять.

— Почему вы почти не покупаете земные машины? — спросил он деревенского мэра. — Я только-то и видел у вас автокары да всякую мелочь.

Староста почти виновато опустил голову. Он заметно заволновался и даже включил интерлинг, чтобы не путать слова.

— У землян мы можем приобрести множество прекрасных вещей, но сначала мы копили на школу и потому во многом себе отказывали, — ответил он. — Когда сумма почти набралась, уважаемый чиновник Готье посоветовал нам поставить у музея изваяние героя Касима Яранцева. Это была очень хорошая мысль, мы сами как-то и не сообразили сначала. Мы расплатимся с вами, уважаемый Иван, и снова начнем копить на школу. А пока поживем, как жили.

— Ну, автокары-то вы купили! — улыбнулся Зиглер.

— Ваши чудные повозки нам очень нужны. Мы зарабатываем ткачеством, а возить ковры и вязаные вещи на рынок в столицу округа на волах очень долго.

Они шли как раз мимо длинного строения, где, по словам старосты, располагалась основная ковровая мастерская деревни.

Иван в недоумении остановился:

— Погодите, Ир-Таки, а как же золото? Господин Готье говорил, что у вас много золота и алмазов.

Староста вздохнул совсем по-человечески:

— Мы накопили это золото. Меняли на него наши ковры и прочие вещи. Наши женщины трудились, не покладая рук, и еще будут трудиться. Ведь нам нужна школа.

— Так что, у вас тут нет золота?!

Ир-Таки сделал перекрестный жест руками перед грудью, который, как Иван уже знал, означает примерно то же, что у землян разведение рук с выражением сожаления.

— Нет, уважаемый Иван. Не везде есть золото и блестящие камни, алмазы, которые очень нужны землянам. Наша округа бедна ими, наши горы — это простые камни. Вот дальше к югу есть и золото, и алмазы, но там земли другого округа и мы не имеем права ничего там добывать

Зиглер почесал затылок.

— Однако... — пробормотал он, и дальше они шли молча.

После обеда Иван взял в помощники молодого вассо-таки по имени Белин и отправился к выступам горной породы искать подходящий монолит. Когда камень обнаружился, Иван отрезал нужный кусок скалы и, используя автокар и мини-антигравитатор, входивший в набор его ваятельских инструментов, на волокушах притащил материал к сараю-музею.

Теоретически он мог бы снять точную модель фигуры и лица Касима Яранцева, благо вся биометрия имела, расплавить камень и отлить копию каменного человека требуемой высоты, но у арт-ваятелей это считалось халтурой. Тем более расплавление камня меняло его структуру, а каждый ваятель-монументалист старался сохранить естественный вид материала.

Поэтому Зиглер работал с помощью дэйлжотера, генератора силового поля, размягчающего слой камня регулируемой толщины. Размягчение держалось несколько секунд, за которые ваятель должен был соскрести размягченный слой и сформировать нужные линии. Фактически это сильно напоминало работу по старинной технологии «взять камень и отсечь все лишнее», только требовалось орудовать не молотком

и зубилом, а полевой насадкой и скребками разного калибра. Статуи, изваянные таким образом, ценились даже на Земле как настоящая ручная работа скульптора-ваятеля. Да это и являлось ручной работой, возможно, более быстрой, чем работа древним зубилом, но требовавшей не менее высокого таланта и соответствующих навыков.

За время работы Зиглеру несколько раз звонил Шамиль и интересовался, все ли в порядке. Иван кратко отвечал, что все отлично, и продолжал творить. На душе у него все время скребли кошки — ему было не слишком удобно сдирать столь высокую плату за свой труд, который на Земле стоил бы вряд ли больше пятисот тысяч кредитов, да и то, если бы нашелся желающий столько платить. И чтобы не слышать царапанья этих кошек, Зиглер работал день за днем, самозабвенно ползая вокруг куска камня.

В конце концов, повторял он сам себе, не я же заставил аборигенов выложить эти деньги. Вообще их никто не неволил — сами согласились.

Когда изваяние было готово, он дополнительно вырезал под него постамент и установил статую там, где просил Ир-Таки — точно напротив входа в музей.

Когда многотонная скульптура воспарила на постамент, жители деревни тихо ахнули.

— Уважаемый Ир-Таки, вам нравится моя работа? — спросил Иван стоявшего рядом с ним старосту.

Ир-Таки тихо и печально сказал:

— Вы сделали прекрасное изваяние, уважаемый Иван. Теперь нам обязательно нужно будет построить школу — и мы ее назовем в честь Касима Яранцева.

— Долго придется копить на школу? — поинтересовался Иван.

Староста вздохнул:

— Теперь лет пять, наверное, не меньше...

Зиглер удивился:

— Почему же так долго? Вы говорили, что в первый раз копили деньги два года.

Пожилой вассо-таки снова вздохнул:

— Сейчас жители нижних долин не так охотно меняют золото и алмазы на наши ковры и вязание. Они предпочитают сразу продавать все это землянам, а на вырученные деньги покупать земные товары. В этот раз нам придется копить дольше...

— Ясно... — хмыкнул Иван.

А к вечеру в сенях домика, который отвели под жилье Зиглеру, появилось несколько деревянных ящиков с золотыми самородками и алмазами — плата за его работу.

***

На следующий день по официальному запросу Зиглера на трансмобиле прилетел юрист округа. Он зафиксировал исполнение контракта совместной со старостой подписью и выдал Ивану официальный документ на драгоценности, позволяющий обменять их на пассажирском таможенном терминале Аллы на соответствующий счет в федеральных кредитах. Юрист был готов немедленно оказать в этом всяческое содействие.

— Валяйте! — согласился Иван.

Чиновник выдал расписку и с помощью серво-робота погрузил ящики в машину.

— Буду рад и впредь представлять ваши интересы на Алле, господин Зиглер! Любые вопросы права, получения виз, аренды земли. У нас тут создается полноценная юридическая служба!

Он протянул визитную карточку, удобный представительский элемент делового общения, сохранившийся сотни лет.

— Спасибо! — сказал Иван и сунул карточку в карман.

Юрист улетел, а Зиглер еще долго слонялся по деревне и окрестностям. Встречаемые по пути вассо-таки все как один кланялись ему и говорили: «Ваес боула, аке-на!»

Иван успел выучить несколько слов на местном диалекте и понимал, что это означает: «Большое спасибо, господин».

Он кивал, кланялся в ответ и улыбался: он снова обеспеченный человек, впереди блестящие перспективы — жизнь удалась, спасибо Шамилю. Правда, на душе все еще немного скребли кошки, но Иван каждый раз убеждал себя, что он никоим образом не виноват перед вассо-таки. В конце концов, он выполнил заказ — в чем же он виноват?

Зиглер посмотрел на созданную им статую — изваяние вместе с постаментом красиво смотрелось на фоне зеркальной глади озера и скалистых гор, на вершинах которых кое-где обильно лежал снег.

Без сомнения, сюда будут ездить туристы, подумал Иван, вот только наши разовьют еще побольше транспортную инфраструктуру. Год, два — максимум, и здесь наладится один из туристических маршрутов. В горах точно обустроят горнолыжный курорт — на это деньги найдут. Может, тогда вассо-таки и заработают побыстрее на школу?..

Хотя вряд ли — жителям деревни станет не до школы: они сделаются одним из блоков в машине туристического бизнеса. Им, конечно, выстроят какое-то учебное заведение на деньги турфирм, чтобы готовить менеджеров гостиниц, гидов и тому подобных специалистов, но это будет куцее образование, которого никогда не хватит, чтобы поступить в самый захудалый университет Федерации...

Праты захватывают и уничтожают, а мы куда гуманнее — мы просто перековываем под себя все и всех, подумал Иван.

Никто не станет препятствовать молодым вассо-таки и другим народам Аллы становиться пилотами космических кораблей — если у них будет соответствующее образование и подготовка. И хотя формально никто не запрещает открывать и здесь полноценные школы и даже университеты, уже ясно, что никто реально не станет этого делать. Разве что отдельные общины накопят денег на подобное. Но когда заработает бизнес-машина въездного туризма, большинству алланцев будет не до этого — они близоруко купятся на блестящие игрушки землян, а дальше станет поздно. К тому же, их ведь совсем мало по сравнению с миллиардами землян — машина бизнеса легко перемелет население Аллы, сделав его просто сытенькой прислугой.

Прекрасная система, главное — очень гуманная. Интересно, ради такого защищал эту деревню Касим Яранцев? Что он видел впереди, какую «надежду славы и добра»?..

Любопытно бы узнать, а где-то еще на планете Алла аборигены, живущие на уровне Средневековья, мечтают о школе? Скорее всего, вряд ли. Конкретно этот народ аборигенов вдохновило на подобные мечты восхищение земным пилотом, погибшим ради их спасения. Но ведь в масштабах планеты это единичный случай, такого больше нигде и не имело места.

А вассо-таки, соприкоснувшись с героем-землянином, увидели, что есть звезды, среди которых можно летать, и обрели мечту. И поняли, что для реализации мечты требуются знания. Все остальные аборигены за мишурой благ цивилизации, принесенных им землянами, увидели лишь саму мишуру, а эта уникальная деревушка сообразила, что есть на свете нечто большее, чем красивый отель, самодвижущаяся колесная телега и сытая удобная жизнь — есть целый

космос над головой и есть Знания. И они стали мечтать, возможно, впервые научились это делать. А он взял и придавил эту мечту изваянием героя.

Но ведь, в конце концов, надо же хотя бы окупить дорогу!

Иван достал коммуникатор и вывел на экран финансовую информацию — его счет пополнился на десять миллионов кредитов. Юрист действовал оперативно.

***

К вечеру в деревню прилетел еще один трансмобиль — к удивлению Ивана, на нем явился Шамиль собственной персоной.

— Так, — улыбаясь, сказал Иван, когда приятель вылез из машины, — я ведь тебе должен десять процентов. Куда переводить?

Дипломат скривился, косясь на начавших собираться вокруг машины аборигенов:

— Да тише ты! Пошли-ка, отойдем...

Шамиль выглядел озадаченным. Он отвел Ивана в сторону и сказал негромко:

— Ты ни с кем не болтал в отеле про заказ?

— Я что — идиот?! — обиделся Иван. — Все делал, как ты сказал. А что случилось?

— Да не ожидал я, что со мной работают такие сволочи... — махнул рукой Шамиль.

У Зиглера заворочалось нехорошее предчувствие:

— В каком смысле? — пробормотал он.

Готье снова махнул рукой:

— Кто-то настучал начальству, что я ускоренно сделал тебе визу, и естественно, тут же всплыло про то, что заказ получил именно ты. Собираются начать расследование по линии ПДМ.

— И чем это может кончиться?

Шамиль хмыкнул:

— Чем-чем... Меня турнут с работы, понизят социальный статус. Тебе навсегда запретят появляться на Алле, а полученные деньги конфискуют в пользу ПДМ. Не хочу совсем уж пугать, но могут еще и оштрафовать, и тоже с понижением СС.

— Ого, хорошенькое дело, — крикнул Иван.

Шамиль выругался и мотнул головой:

— Ну надо же, какие сволочи! — проворчал он, имея в виду тех, кто на него донес. — Им, гадам, хорошо, когда другим плохо, что за мразь?

Зиглер печально покивал. Вот так невезуха последний год! Сначала его обобрала гадина бывшая жена, а теперь, выходит, он не просто ничего не заработал, а лишь потерял на билетах и дорожных расходах, да еще рискует нарваться на штраф. А это при практическом отсутствии денег у него на счете будет означать принудительные работы, да еще и возможное понижение СС!

— Но у нас сейчас один выход, — сообщил Шамиль. — Можно попробовать представить все как благотворительность.

— То есть?..

— Ну, пока не поздно и расследование не началось, ты можешь пожертвовать деньги на какие-то нужды аборигенов. Сам точно полностью отмоешься, а я получу максимум что-то типа выговора за то, что не поставил руководство в известность об этом заранее.

Зиглер шумно втянул воздух носом и печально уставился на розовеющие в закатных лучах снежные вершины.

— Более того, — продолжал Шамиль, — ты можешь даже немного заработать. Оставь себе миллион, скажем, а остальное пожертвуй в департамент развития ПДМ. Получится, что хоть не зря сюда летел. Ну и определенную рекламу себе, как арт-ваятелю, безусловно, сделаешь.

Зиглер криво ухмыльнулся.

— Шамиль, — вдруг спросил он, — а ты знал, что здесь, в деревне, нет золота? И что они копили эти деньги на школу?

Чиновник посмотрел на приятеля, щурясь от лучей низко опустившегося солнца.

— Дружище, какое это имеет значение — есть золото, нет золота?! Оно у них было, они же тебе заплатили. Не будь мои коллеги такими тварями, все бы сложилось очень даже хорошо.

— Да я не об этом. Местные-то копили деньги на школу, настоящую школу, с современными системами обучения.

— Но зато они получили памятник своему герою и у них теперь есть достопримечательность, какой нет нигде в округе. Накопят снова, подумаешь!

— Вряд ли накопят — им нечего продавать, кроме шерстяных изделий, а сейчас, как говорят, цены на эту продукцию упали.

— Ну не накопят бы — так что? Когда здесь откроют туристический центр, им построят подходящее образовательное учреждение.

— Ты не понимаешь, это же будет совсем не то! Из них станут готовить администраторов отелей и поваров широкого профиля.

Шамиль с удивлением уставился на Ивана.

— А зачем им что-то еще?! — сказал он с нажимом на слове «им».

Арт-ваятель покачал головой.

— А как же мечта? «В надежде славы и добра, гляжу вперед я без боязни...» — повторил он запавшие в память строчки из книги, лежавшей на стенде в музее пилота Касима Яранцева. — Они мечтали, надеялись...

Шамиль приподнял бровь:

— Чего-чего? Ты и стихи пишешь, старина? Боже — лирик, ты всегда был лириком!

Иван усмехнулся:

— Нет, это один старинный поэт написал. Да и не такой уж я лирик, ладно тебе. Мне и самому деньги были страшно нужны, и от славы я бы не отказался... Но получается, что мы убили мечту у этих людей...

Тотье внимательно посмотрел по сторонам и пожал плечами.

— Во-первых, это не люди, — сказал он тихо, но с нажимом. — А, во-вторых, кто сказал, что мы всех дикарей обязаны подтягивать до уровня землян?

— Тогда много ли мы лучше пратов?! Те убивают мечту вместе с телом, а мы всех, кто стоит на лестнице развития ниже нас, перековываем в прислугу и подсобных рабочих. И, в конечном итоге, получается, что так же убиваем мечту. Зачем мы воевали за Аллу? Зачем погиб Касим Яранцев?..

— Касим Яранцев? — переспросил Шамиль и кивнул в сторону памятника: — Ах, да, этот пилот... Зачем воевали? Для того чтобы Федерация имела больше ресурсов, чтобы земляне могли отдыхать на новых хороших курортах. Для чего мы вообще движемся все дальше и дальше в космос? Закон любого развития — экспансия. Наша экспансия, экспансия Земли! Людей!

— И превращения всех в нашу собственность в угоду нашему удобству?! Шамиль, это что, такая негласная политика? Ведь на словах мы гуманисты, несущие счастье во все миры. А на деле получается, что мы стараемся нести счастье только самим себе. Странное понимание счастья и свободы. На деле это же завуалированное рабство — то есть мы себя считаем достойными счастья и свободы, но при этом кто-то должен оставаться нашими рабами? Знаешь, я когда-то читал одну древнюю утопию и там один герой рассказывает другому об устройстве прекрасной страны, гражданином которой он являлся. Там все были счастливы и свободны от забот, и даже самый бедный землепашец имел не менее трех рабов. Вы, федеральные чиновники, так же думаете?

Готье холодно посмотрел на Зиглера.

— Да, мы проводим политику, выгодную Земной Федерации, — сказал он, четко выговаривая каждое слово. — А вот тебе я бы не советовал ТАК рассуждать. Нам с тобой сейчас вообще надо еще выкрутиться из всего этого...

На несколько секунд воцарилась пауза.

— Ну ладно, мне пора, — наконец сказал Шамиль. — Надо утрясать нашу проблему. Так ты готов сделать пожертвование?

Иван развел руками:

— Еще бы не готов! Что другое остается? Слушай, а с миллиона тебе тоже десять процентов перевести?

Готье с досадой махнул рукой:

— Да ну тебя! Мне сейчас пока никакие деньги вообще ни от кого лучше не получать. Кстати, оформлять заказ к тебе прилетал юрист округа — свяжись сейчас же с ним и оформи пожертвование, нечего тянуть. Сейчас время работает против нас. Действуй и помолись, что нам все сошло с рук.

Дипломат махнул рукой и пошел к трансмобилею.

— Нам! — тихо проворчал ему в спину арт-ваятель.

Но, в общем, уж лучше хоть что-то заработать и вывернуться из этой неприятности, чем оказаться с пониженным СС...

Он сунул руку в карман и нащупал упругий прямоугольник визитки. Зиглер вынул карточку и еще раз прочитал имя и регалии юриста, одновременно включая коммуникатор.

Навстречу ему, слегка прихрамывая, шел староста. Он поклонился Ивану и сообщил, что в центральном доме деревни накрывают праздничный стол в честь завершения ваяния и хотят угостить гостя. Зиглер поклонился в ответ, сказал, что с радостью принимает приглашение и присоединится к празднующим через полчаса.

— Уважаемый Иван, — попросил Ир-Таки, — я еще хотел с вами обсудить кое-что...

— Да, конечно, — кивнул Зиглер, думая только о том, как правильнее построить разговор с юристом.

— У нас тут были гости из горных деревень, — сообщил староста. — Им захотелось, чтобы вы тоже сделали для них изваяния.

Зиглер оторвал взгляд от изображения связя-панели коммуникатора, светившегося перед ним в воздухе.

— А что, — непроизвольно улыбаясь, спросил он, — у них тоже были какие-то герои-земляне?

Староста скрестил руки на груди и с некоторой гордостью ответил:

— Нет-нет, у них таких героев не было. Но тамошние старосты хотят запечатлеть сами себя. Конечно, они не станут платить столько, сколько за изваяние настоящего земного героя, но Артука и Тарнц — богатые деревни, у них и золото, и алмазы есть. Они сказали, что заплатят вам по три миллиона за каждое изваяние, если вы согласитесь...

«Ага! — подумал Иван. — Наверное, при таком раскладе можно спихнуть с себя все эти засветившиеся десять миллионов и на конкретную цель. И надо узнать, поможет ли этот юрист мне продлить визу?..»

— Уважаемый Ир-Таки, — спросил он, — а вы не выделите мне тут у вас в аренду участок деревенской земли? Надеюсь, все бумаги мне помогут оформить.

— Вы хотите еще что-то изваять для нас, уважаемый Иван? Но, боюсь, у нас сейчас не найдется средств, чтобы с вами расплатиться.

— Да нет, про деньги не думайте, да и ваять я у вас пока ничего не буду... Хотя, впрочем... — Иван улыбнулся, поднимая вверх палец: — Можно сказать и так: я хочу изваять у вас ШКОЛУ! **VI**

Дорогу инновациям

Ивану удалось дозвониться до генерального директора Клабукова только к концу рабочего дня.

— Добрый вечер, Марс Марсович. Журнал «Уральское экономическое обозрение», я — главный редактор Иван Решетников.

— Добрый. Чем мы заинтересовали ваше уважаемое бизнес-издание? — В трубке послышался долгожданный голос с хрипотцой.

Главред сделал некоторую паузу, всматриваясь в бумаги, лежащие на его столе. Теперь он почувствовал себя рыбаком, дождавшимся, наконец, сладкого момента, когда поплавок опустился под воду: пора уже тащить на себя, но хочется подольше насладиться видом туго натянутой лески, уходящей в мутную глубину.

— Мы подводим экономические итоги прошедшего года по Уральскому федеральному округу, изучаем статистическую информацию. Ваше предприятие — Исетский завод сельскохозяйственного машиностроения — по темпам роста производства оказалось лидером всей отрасли. Доход вырос аж в 13 раз! Честно признаюсь, что впервые встречаюсь с таким показателем в машиностроительном производстве. Хотел бы договориться с вами об интервью нашему журналу и пообщаться на данную тему. Как вы на это смотрите?

Ответ тянулся несколько мучительных секунд. Похоже, собеседник Ивана тоже оказался заядлым рыболовом.

— И вы готовы с этой целью приехать к нам в Исетск?

Павел Кобер

Родился 26 марта 1973 года в г. Орске Оренбургской области. В 1997 году закончил факультет политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького по специальности «политология». Постоянно проживает в Екатеринбурге. Работает журналистом, специализируясь на экономической тематике. Первый фантастический рассказ написал в 2005 году.

— Да-да, конечно! Буду я и наш фотокорреспондент.

— Хм... Ну что же, готов встретиться с вами в ближайший понедельник.

Уфф, есть рыбка! У Ивана отлегло от сердца, в душе запели соловьи. Он предвкушал добротный экономический репортаж о предприятии, сделавшем всего лишь за год колоссальный рывок на рынке. Да еще на каком! На рынке сельхозтехники, где производители скорее выживают, чем работают. Решение этого ребуса явно пахло сенсацией для деловых кругов региона. Да что там Урал...

— Только хочу вас предупредить, — снова томительная пауза. — В девять утра я провожу планерку, поэтому прошу начать интервью в восемь, чтобы успеть за час управиться.

— Эээ... — Сволочные соловьи резко умолкли. Иван скроил жалостливую мину в надежде, что Клабуков ее прочувствует через телефонный кабель. — Марс Марсович, из Екатеринбурга до Исетска на машине

три часа езды. Нам придется выезжать самое позднее в пять утра. Может быть, интервью после планерки?

— К сожалению, другие варианты исключены. Так мне вас ждать?

— Эх, за что же вы нас, журналистов, так любите... Ну, выбирать не приходится, постараемся быть к восьми.

***

Грузовик с открытым кузовом выехал за железные ворота, над которыми во всю ширину с настоящим машиностроительным размахом свисали металлические буквы ядовито-красного цвета, образующие труднопроизносимое сочетание «ИЗСЕЛЬМАШ». В кузове красовались три новые сеялки «Уралочка-М». Водитель, подергивая одним глазом, закурил, крутанул руль влево и направил машину вдоль высокого бетонного забора. Объехав половину периметра, грузовик уперся еще в одни ворота, уже без эпохальных надписей.

За полчаса кран выгрузил в цех все три сеялки. Разнорабочий Ващенко лениво подошел к металлическим конструкциям, от которых еще пахло свежей краской. Его глаз слегка дергался, одна рука волочила увесистую кувалду.

— Эх, вы, мои козявочки-уралочки, — вяло буркнул себе под нос Ващенко и со всей силы долбанул пролетарским инструментом по ближайшей к нему сеялке.

«Уралочка» ойкнула оглушающим металлическим голосом, судорога прошла вдоль всей ее блестящей ветвистой конструкции. Звук десяток раз отразился о стены и свод огромного цеха и поглотился темными исполинами, стоящими поодаль.

Через несколько секунд удар повторился, потом еще, еще. Небольшая крючковатая деталь отлете-

ла от «Уралочки» и со звоном упала на железный цеховой пол. Из темной глубины помещения к Ващенко подошли еще несколько человек с кувалдами. Они молча стали лупить по таким же крючковатым деталям, составлявшим часть конструкции сеялки. Удары переросли из одиночного выстрела в автоматную очередь, оханье «Уралочки» — в обреченный протяжный стон. Остальные ветвистые красавицы беззвучно дожидались своей очереди.

***

Примерно в двух часах езды от Екатеринбурга сносная автотрасса продолжилась неким подобием дороги, на которой даже джип «Туарег» был вынужден продвигаться со скоростью, не превышающей разрешенные для данного участка 70 километров в час. Машина въезжала в Исетский район. Иван старательно стал объезжать все чаще попадающиеся ямы, но мысли его были по-прежнему как-то сосредоточены о самом себе. Ему уже 38, лысеет, живет только журналом, в редакции разве что не ночует, каждую неделю мотается по командировкам, изездил уже весь федеральный округ, даже обзор российского рынка оленины анализировал в хантыйских стоянках. А пора бы осесть, уйти в пресс-секретари какого-нибудь крупного промышленного холдинга, строчить релизы и остроумные поздравительные тосты для топ-менеджеров. Обзавестись, наконец, семьей. Средняя продолжительность жизни мужчины в Свердловской области — 57 лет. Если вовремя жениться и заделать пару детишек, то как раз успеет их поднять к институту. И почему он тогда Анечке не перезвонил? Вроде нормальная, без закидонов.

Нет, не для него это размеренное существование. Не бросит он экономическую журналистику. Здесь

настоящий драйв — слияния и поглощения, ожесточенная конкуренция и шокирующие маркетинговые ходы, детективные истории с акциями и вмешательство административных органов. На глубоких интервью и аналитических статьях он сделал себе имя. Иван Решетников. Какой генеральный директор его не читал? По крайней мере, в Уральском федеральном округе. Ну, в Свердловской области-то точно.

Большинство его статей были откровением для бизнес-сообщества. Он всегда чувствовал золотую жилу. Знал, где копать. Случай с каким-то советским анахронизмом, затерявшимся в уральских лесах ИЗСЕЛЬМАШем, показался ему настоящей находкой. Он чувствовал, знал. Поэтому не послал туда никого из своих журналистов, решил разгадать этот бизнес-ребус лично.

К интервью Иван никогда не готовился. Это была его принципиальная позиция. Если заранее навести справки и составить перечень вопросов, то поневоле будешь стремиться загнать интервью в свои собственные рамки, собеседник не сможет раскрыться. О Клабукове главред знал совсем немного, впрочем, даже специальный поиск информации вряд ли дал бы что-то большее. Человек с мудреным именем Марс Марсович появился на Урале вроде бы из Питера всего полтора года назад. Принадлежащая ему «Машинопромышленная компания» приобрела 100 процентов акций лежащего на боку ИЗСЕЛЬМАША, Клабуков сам возглавил завод, рассчитался по всем долгам. «Марсиане скупают уральские заводы», — жутко хотелось тогда Ивану поставить такой заголовок к небольшой заметке в его журнале. Но «Уральское экономическое обозрение» — не желтая пресса, играть словами, тем более именами, солидное издание позволить себе не может. И не позволило. Заметка вышла с заголовком что-то типа

«Сельхозмашиностроение на Урале будут поднимать питерские».

Хотя иначе как марсианином Клабукова назвать было сложно. Темная лошадка. Причин покупки ИЗСЕЛЬМАША так никому и не назвал, а чуть больше чем за год сотворил на заводе настоящее экономическое чудо. Во всяком случае, так свидетельствует статотчетность. От общения с прессой отказывался до самого последнего момента. Вот теперь и посмотрим, что это за инопланетный фрукт...

— Ваня, осторожней!

Иван все-таки проглядел одну из ям на дороге. «Туарег» лихо подпрыгнул задом, а вместе с ним — свернувшийся калачиком на заднем сидении фотокорр Тимофей Калужный. Почти ровесник Ивана, редкостный раздолбай. Мог опоздать на важную съемку, но то, что он делал, был высший пилотаж. После публикации снимков Решетникову часто звонили випы и интересовались, действительно ли они делали этот дурацкий жест или все-таки не обошлось без фотошопа? За это Калужного в журнале и терпели. Полночи он снимал в ресторане очередной юбилей и сейчас пытался отоспаться.

— Извини, Тима. Подъезжаем уже.

— «Извини». Чуть меня за борт не выкинул.

Тимофей сел, протер сонные глаза, обулся.

— Еще не подъезжаем, сначала Исетск проедем, а ИЗСЕЛЬМАШ за ним будет. Помню, снимал я этот заводик лет пять назад, когда в министерской газете работал. Делали там какие-то сеялки-веялки, все склады были ими завалены, никто не покупал. Заводской корпус мне запомнился огромный, в половину их деревни.

***

— Марс Марсович, за счет чего вашему предприятию удалось в прошлом году получить чистую прибыль в размере почти 80 миллионов рублей? Вы переключились с производства сельхозтехники на добычу нефти? — Ивана не интересовала биография «марсианина», он начал в лоб с самого главного.

— О, вы все-таки фотографируете? — Клабуков неожиданно отвернулся от Решетникова и посмотрел в наведенный Калужным объектив, подмигивая одним глазом. — Пустая затея, я совершенно не фотогеничный, плохо получаюсь.

Клабуков совершенно не походил на управленца новой волны. Скорее, типичный красный директор. Человек пенсионного возраста с солидным брюшком, в сером костюме советского покроя. Глядя на него, можно было подумать, что он всю сознательную жизнь проработал на этом заводе, начав трудовую деятельность с 18 лет каким-нибудь учеником токаря.

— Не волнуйтесь, все будет в лучшем виде, фото обязательно с вами согласуем.

Иван терпеть не мог, когда Тимофей вмешивался в беседу. Даже если того о чем-то спросят, он должен просто молча делать свою работу. Неужели придется повторить вопрос? Это хуже всего, предоставленные лишние секунды на обдумывание ответа все дальше уводят от откровений.

— За счет коллектива работников нашего завода, это 350 человек. — Клабукову не потребовался повтор, но Иван с первых его слов понял, что гендиректор начал лить воду. — И я хотел бы, чтобы вы написали об этом в первую очередь. Нам очень повезло с людьми. Причем я имею в виду не только директорский корпус и линейных руководителей, но и простых работяг. Отмечу, в частности, разнорабочего Ващенко, который делает за смену двойную выработку...

— Но эти же люди чуть не довели завод до банкротства несколько лет назад. Или вы полностью сменили коллектив?

— Я не уволил ни одного человека. Вы наверняка знаете, что ИЗСЕЛЬМАШ является градообразующим предприятием, на котором работает десятая часть трудоспособного населения Исетска, а если взять их семьи, то получится почти треть всего населения.

Иван кивнул. Он не знал. Ему было все равно, потому что его читателю это будет не интересно.

— Руководство страны поставило перед бизнесом четкую задачу по повышению социальной ответственности...

«Боже, Остапа понесло, пора останавливать!»

— Марс Марсович, мы не правительственное издание, нас интересуют ваши конкретные бизнес-решения на заводе.

— Мои конкретные решения связаны напрямую с теми вопросами, которые сегодня остро стоят перед страной. Наиболее актуальный из них — это вопрос внедрения в производство инноваций. Если внимательно изучить текст последнего послания президента федеральному собранию...

«Черт, неужели интервью пропало?» Решетников отчаянно перебирал в голове десятки способов разговаривать собеседника, которые он успешно отточил на практике. Выбор пал на самый излюбленный — разозлить вопросом-обвинением и тем вывести на откровенность.

— Признайтесь, вы купили завод в далекой уральской деревне, чтобы отмыть деньги?

Гендиректор осекся. Пауза. Уже что-то, выталкивающее Клабукова из его системы мышления, заставившее обратить внимание на сидящего напротив журналиста.

— Какая чушь! Стал бы я здесь работать! Внедрять инновации, искать новые рынки сбыта! Ведь я в завод сначала деньги вложил, а теперь и душу вкладываю.

«Так, кажется, работало». Сбоку Тимофей также довольно улыбнулся. Какая жестикуляция, какие кадры!

— Инновации? Стали красить ведра вместо синего цвета в зеленый?

— Что вы несете! В прошлом году мы освоили выпуск модернизированного варианта посевного комплекса «Уралочка» — «Уралочка-М». И сегодня этот комплекс дает предприятию основную долю продаж, порядка 90 процентов.

— Ого! В чем состояло чудесное превращение золушки в принцессу?

— Мы заменили материал, из которого изготавливаются стрелчатые лапы. Благодаря внесенным изменениям прочность этих деталей, которыми непосредственно пахнут землю, повысилась примерно в 4 раза, они приобрели также необычайно высокую коррозионную стойкость.

«Какие, к черту, стрелчатые лапы?!» Иван не выносил технических подробностей, поскольку твердо знал, что и его читатель их тоже не выносит. В мыслях он уже видел, как его журнал лежит на полу в туалете, как фото Клабукова под банальнейшим «Инновации — в жизнь!» разорвано пополам и хорошенько смято. «Так, пора идти на новую провокацию».

Но не пришлось.

— И это все — благодаря применению вместо железа титанового сплава.

— Хм... Вы хотите сказать, что в сеялках стали использовать металл, который могут себе позволить только «Боинг» и «Эйрбас»?

— Да! — Клабуков гордо откинулся на спинку кресла.

— А насколько увеличилась себестоимость модернизированных «Уралочек» в сравнении с начальным вариантом?

— Примерно в три раза.

— То есть ваши сеялки раньше не покупали, а теперь, после повышения цены в разы, стали разбирать влет?

— Использование в стрелчатых лапах титанового сплава было основным условием приобретения «Уралочек» со стороны нашего главного партнера.

— Кто же он?

— Контакты, разумеется, я дать не могу — коммерческая тайна. А название вам все равно ничего не скажет. ООО «Мираж».

«Мдааа. В базе искать бесполезно. Этих «миражей» по всей стране — тьма тьмуцкая».

— Отдельно я хотел бы коснуться проведенной нами в короткий период модернизации производства. В прошлом году мы закупили два немецких металлообрабатывающих центра, которые позволили ликвидировать целый производственный участок из 20 станков и поднять соответственно производительность труда в 10 раз. Я предлагаю вам ознакомиться с ними воочию в нашем производственном корпусе, там и поснимаете.

— Марс Марсович, у меня к вам еще масса вопросов!

— Иван, прошу меня извинить. Как я и предупредил, скоро начинается планерка, мне нужно подготовиться. А проводит вас на производство наш передовик Ващенко.

Ващенко мгновенно появился в кабинете. Рука рабочего держала титановую лапу.

— Уважаемые журналисты, — обратился он, подмигивая, к Ивану и Тимофею. — Подождите секунду меня в коридоре.

— Тебе что, понравилось в прессе мелькать? — За закрывшейся дверью послышался вялый голос.

Подглядывание в замочную скважину давно переросло у Калюжного в профессиональное заблуждение.

— Ого! — Тимофей быстро разогнулся, нервно хихикнув. — Там передовик это... треснул предметом инноваций по директорской голове.

— Дела. Тима, посмотри, у меня еще глаз не дергается?

***

Блуждая по цеху, Иван откровенно зевал, равнодушно разглядывая собранные и готовые к погрузке «Уралочки-М». Сразу откланяться и уехать он опасался из-за титановой лапы, которую по-прежнему сжимала рука Ващенко.

— А вот и наши «Хеккеры», — провожатый показал главреду все той же деталью от сеялки два новых металлообрабатывающих центра, занимавших площадь размером с однокомнатную «хрущевку». — Их отличает многокоординатная высокоскоростная обработка, высокая точность и мощность резания, компактность и простота в обслуживании. Максимальная скорость шпинделя в верхнем диапазоне составляет...

— Ваня, этот цех наполовину огорожен. Я точно помню, что в прошлый раз этой стены не было, за нею должно быть помещение как минимум такого же размера, — шепнул Тимофей. — Ты тут пока потусуйся с этим передовиком, а я попробую разведать.

Фотокорр отсутствовал всего несколько минут, вернулся удивленный и побелевший.

— Уходим, — почти вслух произнес он.

Решетников был к этому готов.

— Товарищ Ващенко, спасибо за увлекательную экскурсию. Нам пора. Сегодня вечером у нас собирается редсовет, надо успеть. Обязательно напишем о вашем замечательном заводе, про «Уралочки» и «Хеккеры». А вас как передовика поместим на обложку.

Провожатый сконфуженно улыбнулся.

— Не фотогеничный я, плохо получаюсь.

«Туарег» помчался со скоростью, вдвое превышающую разрешенную на этом участке дороги.

— Ваня, за стеной находится оно!

— Кто «оно»?

— ООО!

Тимофей расчехлил фотокамеру, стал нервно тыкать по ее кнопкам большим пальцем.

— Там прямо на дверях было написано «Мираж», понимаешь? Вот я туда и заглянул.

— Ну?!

— Там этим «Уралочкам» лапы отрывают и в кучу кидают. А чуть дальше стоят корабли, много кораблей!

— Какие корабли?

— Космические! Эти придурки — явно инопланетяне, им же титан наш нужен! Да что я тебе говорю, смотри какие кадры!

Решетников остановил машину, они уставились вдвоем в цифровой дисплей.

— Черт! А где все, где?! — Калюжный орал как ошпаренный. — Где корабли?! Где Ващенко?! Где Клабуков?! Какие суки! Повсюду одни хреновы лапы! О чем же теперь писать?

Главред спокойно опустил стекло, закурил, «Туарег» медленно тронулся.

— Тима, мы не желтая пресса, напишем об инновационной «Уралочке».